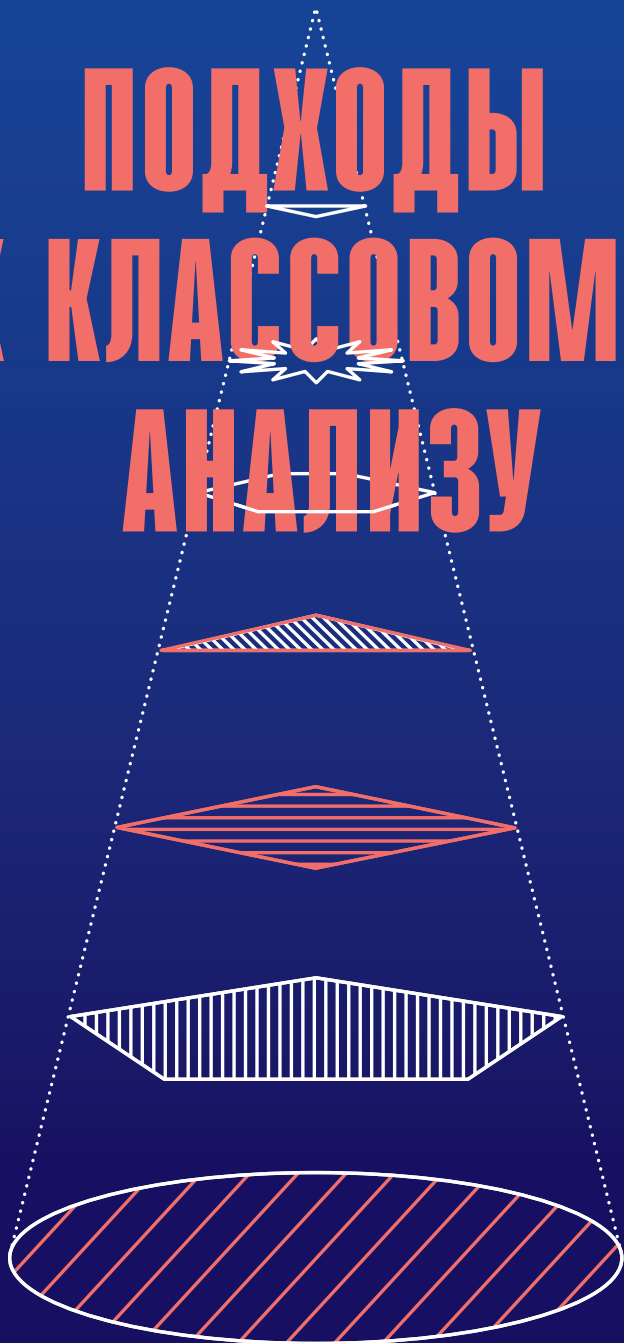

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ЭРИКА ОЛИНА РАЙТА

ПОДХОДЫ К КЛАССОВОМУ АНАЛИЗУ

Approaches to class analysis

Edited by
Erik Olin Wright

Cambridge University Press
2005

Национальная академия наук Украины
Институт социологии

Подходы к классовому анализу

Под редакцией
Эрика Олина Райта

Перевод с английского
Елены Симончук

Киев
2019

УДК 316.342.2

П 44

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института социологии НАН Украины
(протокол № 6 от 28 декабря 2018 года)*

П 44 Подходы к классовому анализу : коллективная монография / под ред. Э. О. Райта ; перевод с англ. Е. Симончук. Киев : Институт социологии НАН Украины, 2019. 309 с.

ISBN 978-966-02-8824-9 (e-book)

Проблема социального класса является одной из центральных для социологии и, вместе с тем, постоянно дискутируемой — относительно как определения концепта класса, так и его роли в социальной теории и значимости для социологического анализа постиндустриального общества. В книге изложены теоретические основы шести альтернативных подходов классового анализа в современной социологии, которые представлены грандами соответствующих направлений. В заключении Э. О. Райт (инициатор и редактор данной коллективной монографии) предлагает концептуальное обобщение анализируемых подходов на основании формулировки шести узловых вопросов, ответы на которые и обуславливают различия между соответствующими классовыми концепциями.

Эта книга, впервые опубликованная на английском в 2005 году, в следующее десятилетие получила широкое признание и была включена в учебные программы многих университетов. Ее перевод адресован как специалистам по классовому анализу, так и студентам и аспирантам, изучающим социологию.

УДК 316.342.2

ISBN 978-966-02-8824-9 (e-book)

© Wright E. O., 2005

© Cambridge University Press, 2005

© Симончук Е., перевод с англ., 2019

© Институт социологии НАН Украины, 2019

Памяти Ааге Б. Соренсена
(1941–2001)

Оглавление

Предисловие переводчика	9
Введение	13
<i>Эрик Олин Райт</i>	
1 Основы неомарксистского классового анализа	18
<i>Эрик Олин Райт</i>	
2 Основы неовеберинского классового анализа	56
<i>Ричард Брин</i>	
3 Основы неодюркгеймианского классового анализа	83
<i>Дэвид Граски в соавторстве с Габриэлой Галеску</i>	
4 Основы классового анализа Пьера Бурдьё	126
<i>Элиот Б. Вайнингер</i>	
5 Основы ренто-ориентированного классового анализа	177
<i>Ааге Б. Соренсен</i>	
6 Основы постклассового анализа	223
<i>Ян Пакульски</i>	
Заключение: Если «класс» — это ответ, то в чем состоит вопрос?	262
<i>Эрик Олин Райт</i>	
Источники	279
Авторы книги	296
Англо-русский словарь терминов	297
(составитель — <i>Елена Симончук</i>)	

Предисловие переводчика

Чем вдохновляет книга «Подходы к классовому анализу» и почему возникла идея сделать ее перевод? Рефлексируя этот вопрос, я нашла такие шесть аргументов.

Первый. Данная коллективная монография, опубликованная около 15 лет назад — в 2005 году, для исследователей и читателей социально-классовой проблематики и сегодня остается лучшим обобщающим трудом о современном понимании социального класса. За это время книга приобрела высокий индекс цитирования и входит в список *must reading* для подготовки социологов западных университетов.

Второй. Несмотря на то, что англоязычный оригинал этой книги уже давно находится в открытом доступе (например, на персональной странице Э. О. Райта: <https://www.ssc.wisc.edu/~wright/>) и что многие отечественные исследователи, особенно молодого поколения, свободно владеют английским, эта книга мало вовлечена в научный оборот. Есть надежда, что перевод на русский и украинский¹ языки не только расширит ее читательскую аудиторию на постсоветском пространстве и облегчит восприятие изложенных в ней идей, но и активизирует дискурс о социальном классе в отечественной социологии².

Третий. Высокая ценность данной книги заключается в том, что она систематизирует многочисленные альтернативные кон-

¹ Перевод этой книги на украинский язык, опубликованный в печатной версии, см.: Райт, Е. О. (ред.), 2019 *Підходи до класового аналізу*, переклад з англ. О. Симончук, Київ, Інститут соціології НАН України.

² Об институционализации классового анализа в украинской социологии см.: Симончук, Е., 2018 *Социальные классы в современных обществах: эвристический потенциал классового анализа*, Киев, Институт социологии НАН Украины.

цепции понимания социального класса и противоречивые оценки статуса классового анализа, сложившиеся в западной социологии к началу XXI века, сводя их к шести четко обозначенным теоретическим перспективам. Палитра мнений на этот счет действительно противоречива — от видения класса как ключевого концепта в понимании современных социальных неравенств до отрицания его эвристического потенциала в этом качестве; от оценки классового анализа как релевантного (полностью или с условием некоторой ревизии) теоретического инструмента до призывов отказаться от него в пользу разработки комплексных социальных анализов.

Четвертый. Ценно, что анализ этих шести подходов дан не от лица какого-либо одного (более или менее пристрастного) критика. Эрик Олин Райт (как вдохновитель и редактор книги) предоставил трибуну инсайдерам каждого подхода: его основные идеи-постулаты-результаты реконструированы признанными адептами — самими авторами (к примеру, Ааге Соренсенем и Яном Пакульски) или последователями (например, Ричардом Брином и Эллиотом Вайнингером). Кроме того, согласно редакторской задумке Райта, авторы каждого из разделов не ограничиваются изложением основных положений своего подхода, а приводят аргументы, почему он имеет плодотворные перспективы для объяснения современного общества. Особое внимание читателя хочу обратить на написанное Райтом заключение «Если “класс” — это ответ, то в чем состоит вопрос?». В нем Райт подытожил контroversийное содержание классового анализа удачной концептуальной схемой, которая исходит из постановки «узловых» вопросов и вариантов ответов на них со стороны авторов конкурирующих подходов. Эту схему эксперты сравнили с «нитью Ариадны», помогающей ориентироваться в разнообразии альтернативных пониманий социального класса и огромном море профильной литературы.

Пятый. У Райта как редактора коллективной монографии не было интенции вовлекать читателя в идеологические дискуссии о классе. Напротив, на разных страницах своей главы и заключения он призывает к теоретической толерантности и методологической многовариантности при решении конкретных задач классового анализа. Такой методологический прагматизм привлекателен для отечественных исследователей, которые на-

стороженно относятся к классовой риторике после марксистско-ленинского — идеологически одностороннего и табуированного от иных прочтений — опыта исследовательской практики советских времен.

Шестой. Очевидно, что переводы книг и статей зарубежных коллег способствуют совершенствованию тезауруса отечественной социологии (в том числе классового анализа) и приведению его в соответствие с мировой практикой. В процессе перевода этой книги мы (я и редактор книги Светлана Иващенко) осознавали важность данной задачи и тщательно работали над терминологическим словарем. Сложности перевода ряда терминов плодотворно обсудили с отечественными экспертами по социоструктурной проблематике. (Наши слова благодарности коллегам, принявшим участие в обсуждении — Светлане Бабенко, Ольге Куценко, Сергею Макееву, Светлане Оксамитной.) С одной стороны, необходимо было достичь консенсуса в переводе новых, еще не устоявшихся в англоязычной социологии терминов: например, «ренто-ориентированный подход», «дезагрегированные» классы, «детализированные занятия», которые вводят Ааге Соренсен и Дэвид Граски. С другой стороны, в согласовании нуждались и давно устоявшиеся термины («техническое разделение труда», «профессиональная структура», «классовая формация»), которые требовали нового перевода. Сложнее всего, пожалуй, было решиться на введение в научный оборот новых прилагательных, которые образуют «пару» с термином-существительным (например, «занятие» и «занятийный», «общность» и «общностный»). В итоге книга снабжена англо-русским словарем социологических терминов в сфере классового анализа.

Англоязычный оригинал этой коллективной монографии посвящен одному из ее соавторов — американскому социологу Ааге Б. Соренсену, предложившему оригинальную концепцию ренто-ориентированного классового подхода. Перевод же этой книги мы хотим посвятить ее инициатору и редактору — Эрику Олину Райту, который ушел из жизни в январе этого, 2019 года. Украинские социологи хорошо знакомы с теоретическими идеями Райта, довольно широко использовали его методологию для изучения разных аспектов классовой структуризации украинского общества, слушали его лекции весной 2013 года в Национальном

университете «Киево-Могилянская академия» (куда он приезжал в рамках образовательной программы Фонда Сороса) и в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко; отечественные журналы «Социология: теория, методы, маркетинг» и «Спільне» неоднократно публиковали переводы его работ³. Кроме того, мы благодарны Эрику Олину Райту за поддержку издания перевода этой книги.

*Елена Симончук,
доктор социологических наук,
Институт социологии НАН Украины*

³ Детальнее о роли Э. О. Райта в становлении украинской социологии см.: Симончук, Е., 2019 «Памяти коллеги: Эрик Олин Райт (1947–2019)», *Социология: теория, методы, маркетинг* 1, сс. 5–8.

Введение

Эрик Олин Райт

В марте 2001 года в утренней новостной программе Радио ВВС был представлен репортаж, посвященный новой семикатегорийной классовой схеме, использованной в переписи населения Британии. Слушателей приглашали посетить веб-сайт ВВС и проверить, к какому классу они принадлежат. Уже через несколько дней количество посещений сайта перевалило за 50 000, что было рекордом для такого рода вещей. По крайней мере, для сегмента британского общества, слушающего утренние новости ВВС, класс по-прежнему остается животрепещущим вопросом.

В ходе радиопередачи у нескольких людей взяли интервью. Один из них, инспектор полиции, на известие о том, что он теперь наравне с врачами, юристами и исполнительными директорами корпораций относится к классу I, отреагировал так: «И что, теперь я должен надевать белый теннисный костюм, когда выхожу поработать в саду? ... Ни социально, ни экономически я не воспринимаю себя принадлежащим к тому же классу, что и они». В течение последующего «живого чата» с профессором Дэвидом Роузом (David Rose) из Эссекского университета, главным разработчиком новых категорий переписи населения, многие звонившие в студию высказывали недовольство по поводу схемы кодирования. Водитель грузовика возражал против отнесения его к классу VII, основываясь на том, что его труд очень даже квалифицированный, и на работе ему приходится пользоваться новейшими информационными технологиями и компьютерами. Дэвид Роуз пояснил, что классификация предназначена для фиксации различий в характере контракта занятости и условиях труда, а не требующегося для работы уровня квалификации, и у водителей грузовиков обыкновенно крайне незащищенные условия занятости. Другой позвонивший спросил: «Как вам могут быть присущи классовая солидарность и классовое сознание, когда вы “пятерка” или “семерка”?»

Можете себе представить, как выглядел бы “Манифест коммунистической партии”, будь он написан в Эссекском университете? “История всех до сих пор существовавших обществ была историей мелких междоусобных войн между классовыми группами I и II и классовыми группами с III по VII?” Совсем не то впечатление, не так ли?»

Эти комментарии слушателей BBC отражают общую неопределенность термина «класс» в обыденных представлениях. Для одних он ассоциируется со стилем жизни и вкусами, с работой в саду в белом теннисном костюме. Для других он касается главным образом социального статуса, уважения и престижа: переклассификация на более «низкую» ступень классовой иерархии воспринимается как унижение. Некоторые рассматривают классы как социальные категории, вовлеченные в коллективные формы конфликта, определяющие судьбу общества. Политики призывают к «снижению налогов для среднего класса», подразумевая под этим всего лишь «снижение налогов для людей, относящихся к среднему сегменту в распределении доходов». И многие, подобно Дэвиду Роузу, рассматривают класс как идентификатор базовых детерминант экономических перспектив индивида.

Эти неоднозначности сказываются не только в обыденном словоупотреблении, но и в научных дискуссиях о классе. В социологии, как и в повседневном дискурсе, *слово* «класс» употребляется в широком спектре описательных и объяснительных контекстов, и, само собой, в зависимости от контекста может возникать потребность в различных *концептах* класса. Принимая во внимание большое разнообразие объяснительных и описательных задач, в которых встречается слово «класс», легко понять, почему дискуссии о классе зачастую настолько запутанны. Конечно, иногда имеют место подлинные дебаты — когда обсуждаются альтернативные варианты концептов, необходимых для ответа на один и тот же вопрос. Однако в других случаях дебаты попросту отражают разные исследовательские программы. Одни социологи заявляют, что класс исчезает, имея при этом в виду, что люди стали менее склонны формировать стабильные идентичности в классовых терминах, а потому менее склонны ориентироваться на классовые основания в своем политическом поведении; в то же время другие заявляют, что класс остается устойчивой чертой современного общества, полагая, что экономические жизненные перспективы

индивида по-прежнему существенно зависят от его отношения к разнообразным экономически ценным активам.

Основной целью данной книги является освещение довольно разнородного массива альтернативных концептуализаций класса, опирающихся на различные теоретические традиции классового анализа. Каждый из представленных в книге авторов имеет за плечами множество публикаций по проблемам класса и неравенства в рамках различных классовоаналитических традиций. Каждому из них была поставлена задача написать своего рода теоретический манифест конкретной разновидности классового анализа. Задача состояла в прояснении теоретических оснований предпочитаемого ими подхода: изложении лежащих в его основе допущений, систематическом определении каждого концептуального элемента, демаркации объяснительных притязаний понятия и, по возможности, дифференциации своего подхода от всех прочих. Хотя большая часть этих подходов в той или иной степени уходит корнями в интеллектуальную традицию, связанную с одним из классических социальных теоретиков (Марксом, Вебером, Дюркгеймом, Рикардо), разделы данной книги не сводятся в первую очередь к обсуждению концепций класса в текстах этих основоположников. В то же время они не имеют своей целью выступать в качестве официальных канонических положений о том, что считать подлинно «марксистским», «веберианским» или каким-либо иным видом классового анализа. Каждой из этих традиций присуща значительная внутренняя вариативность, и, соответственно, разные ученые, даже утверждающие, что они работают в рамках одного и того же широкого направления, будут по-разному разрабатывать понятие класса. Кроме того, авторы были проинструктированы не предлагать вниманию читателей некий развернутый «обзор литературы» — из тех, что можно встретить в социологических пособиях, посвященных социальному классу. Вместо этого каждая глава является попыткой проработать аналитические основы концептуализации класса в рамках творческого задела каждого из авторов и, таким образом, пролить свет на более широкий пласт вариативности в классовом анализе.

В книге представлены шесть различных перспектив. В *главе I*, автор которой — Эрик Олин Райт (Erik Olin Wright), рассматривается подход к классовому анализу в марксистской традиции. В данном случае основная идея заключается в определении

концепта класса в терминах процессов эксплуатации и соотнесении данного концепта с альтернативными системами экономических отношений. В *главе 2*, написанной Ричардом Брином (Richard Breen), исследуется форма классового анализа, связанная с веберианской традицией и ассоциирующаяся с работой британского социолога Джона Голдторпа (John Goldthorpe). Центральной проблемой здесь является разработка классовой концепции, выстроенной вокруг экономических жизненных шансов людей, а именно вокруг характера отношений занятости, свойственных рынкам труда и системам организации труда. В *главе 3* Дэвид Граски (David Grusky) развивает классовый анализ, рассматривая его как относящийся к дюркгеймианской традиции социологического теоретизирования. Главный принцип состоит в том, чтобы определить, каким образом детализированные положения в рамках профессионального разделения труда оказывают сходное влияние на жизни людей. Отсюда классовые положения отождествляются с этими высоко дезаггегированными категориями в системах стратификации. В *главе 4*, которую написал Элиот Вайнингер (Elliott Weininger), излагаются основные принципы классового анализа, связанного с именем французского социолога Пьера Бурдьё (Pierre Bourdieu). В модели Бурдьё класс определяется через многообразие измерений «капитала», где под капиталом понимается многомерное пространство наделяющих властью ресурсов, формирующих как возможности, так и диспозиции *акторов*. В *главе 5*, принадлежащей Ааге Соренсену (Aage Sørensen), описывается подход к классовому анализу, в значительной степени опирающийся на рассуждения неоклассических экономистов, в особенности на понятие экономических «рент», восходящее к работам Рикардо. Согласно этой концептуализации класса, в условиях идеально конкурентного рынка, со всей полнотой информации, классов вообще не существовало бы. Классы возникают только там, где имеют место разного рода рыночные дефекты, создающие ренты, которые могут быть присвоены одними группами *акторов* в ущерб другим. В *главе 6* Ян Пакульски (Jan Pakulski) разрабатывает основы того, что можно назвать «постклассовым анализом». Он утверждает, что класс, особенно в понимании марксистской и веберианской традиций, более не является эмпирически пригодной категорией. Неравенство может оставаться важным вопросом в современном обществе, однако, с его точки зрения, оно более не обрзается

в соответствии с классовыми границами. Наконец, в *Заключении* книги Эрик Олин Райт обсуждает, каким образом разные традиции классового анализа связаны с теми или иными узловыми вопросами и каким образом расхождения в этих вопросах предопределяют многие различия между соответствующими им концепциями класса.

1 Основы неомарксистского классового анализа

Эрик Олин Райт

В марксистской традиции концепт класса имеет *большие* объяснительные притязания, нежели в любой другой традиции социальной теории, что, в свою очередь, возлагает *большую* нагрузку на ее теоретические основания. В наиболее амбициозной ее форме марксисты утверждали, что класс, как и тесно связанные с ним концепты вроде «способа производства» или «экономического базиса», составляет стержень общей теории истории, обыкновенно называемой «историческим материализмом»¹. Эта теория пыталась объяснить в рамках унифицированной модели очень широкий диапазон социальных феноменов: эпохальную траекторию социальных изменений, равно как и социальные конфликты, присущие тому или иному времени и месту; макроуровневую институциональную форму государства наряду с микроуровневыми субъективными представлениями индивидов; крупномасштабные революции и сидячие забастовки. Это амбициозное притязание на объяснительную центральность концепта класса воплотилось в выражениях вроде «классовая борьба является движущей силой истории» и «исполнительная власть современного государства — не что иное, как исполком класса буржуазии».

Ныне большинство ученых-марксистов отступили от претенциозных объяснительных притязаний исторического материализма (если не от всех вообще его объяснительных устремлений). Теперь лишь очень немногие отстаивают заскорузлые версии «первичности класса». Тем не менее в рамках марксистской традиции класс по-прежнему сохраняет отчетливую центральность и призван выполнять гораздо более сложную объяснительную работу,

¹ Наиболее систематизированное и скрупулезное изложение основных принципов исторического материализма см.: (Cohen 1978).

нежели в прочих теоретических традициях. В самом деле, можно обоснованно утверждать, что собственно это, наряду со специфической ориентацией на радикально эгалитарные нормативные принципы, составляет значительную часть того, что определяет устойчивое отличие и жизнеспособность марксистской традиции как образа мыслей, особенно в рамках социологии. Именно по этой причине я утверждал и утверждаю, что «марксизм как классовый анализ» определяет ключевую исследовательскую программу марксистской социологии².

Данная глава имеет целью изложить главные аналитические основы концепции класса таким образом, который в общих чертах будет укладываться в марксистскую традицию. Это непростая задача, ибо среди авторов, относящих себя к марксистам, отсутствует консенсус в отношении каких бы то ни было ключевых концептов классового анализа. Данная традиция определяется скорее некоторой приверженностью к важности классового анализа для понимания условий противостояния капиталистическому угнетению и к языку, на котором ведутся дебаты (Элвин Голднер метко окрестил «языковым сообществом»), нежели строгим набором определений и суждений. Соответственно, любые мои утверждения касательно теоретических основ марксистского классового анализа отражают мою личную позицию в рамках этой традиции, а не официальную точку зрения на «марксизм» вообще или труды Карла Маркса в частности³.

В данном анализе будет два кульминационных утверждения: во-первых, что ингредиентом, сильнее всего отличающим марксистскую концептуализацию класса от прочих традиций, является концепт «эксплуатация»; а во-вторых, что централизованный вокруг эксплуатации концепт класса предоставляет теоретически мощ-

² Более подробное обсуждение марксизма как классового анализа см.: (Burawoy and Wright 2001; Wright, Levine, and Sober 1993).

³ Имеется чрезвычайно обширная литература по экзегезе как собственных трудов Маркса, так и различных вариаций классового анализа в марксистской традиции в широком понимании этого слова. Экзегеза трактовки класса Марксом приведена в: (Contreel 1984, Ch. 2). Общий обзор альтернативных марксистских подходов см. в: (Wright 1980). Примеры марксистских классовых анализов, существенно отличных от подхода, изложенного в данной главе, см. в: (Poulantzas 1975; Carchedi 1977; Resnick and Wolff 1987).

ный инструментарий для исследования целого спектра проблем современного общества. Целью данной главы является сделать эти утверждения как вразумительными, так и, надеюсь, внушающими доверие. В первой части излагается, что именно является фундаментальным вопросом классового анализа в рамках марксизма, чего именно он пытается достичь. Это, прежде всего, вопрос прояснения нормативной программы, с которой связан классовый анализ. Во второй части нам предстоит тщательно проделать ряд концептуальных разъяснений, нужных для построения специфического анализа класса и эксплуатации. Кому-то эта часть может показаться несколько педантичной, местами сродни чтению словаря, но я полагаю ее необходимой, дабы цепь рассуждений, на которых базируются эти концепты, была максимально прозрачной. В третьей части приводятся ключевые объяснительные притязания классового анализа, *общие* для марксистской и веберианской традиций. Это поможет нам подготовить почву для обсуждения в четвертой части характерной особенности марксистской концепции, которая отличает ее от веберианской родни и служит основанием для более широких теоретических утверждений и исследовательской программы марксистского классового анализа. Прежде всего это предусматривает развитие концепта эксплуатации — одного из ключевых каузальных механизмов, посредством которого, как утверждают марксисты, классовые отношения генерируют социальные эффекты. Наконец, в пятой части я кратко изложу то, в чем я вижу преимущества использования форм классового анализа, вдохновленных Марксом.

Общая картина: что в целом представляет собой марксистская концепция класса

В самой своей сути классовый анализ в рамках марксистской традиции опирается на совокупность нормативных обязательств в форме радикального эгалитаризма. Исторически сложилось так, что марксисты, как правило, были вынуждены отстаивать эти моральные обязательства. Сам Маркс полагал, что рассуждать о «справедливости» и «моральности» не обязательно, а то и вовсе вредно, так как считал, что идеи о моральности на самом деле просто отражают материальные условия и интересы *акторов*. Вместо

обоснования социализма на началах социальной справедливости и прочих нормативных принципов Маркс предпочитал просто констатировать, что построение социализма отвечает интересам рабочего класса и к этому, так или иначе, сводится историческая участь капитализма. Вместе с тем труды самого Маркса проникнуты моральным суждением, моральным негодованием и моральным видением. В нашем же контексте гораздо важнее, что марксистская традиция классового анализа во многом обязана отличающим ее наступательным пафосом своей связи с радикальной эгалитарной нормативной программой. Дабы в полной мере понять теоретические основы концепции класса в марксистской традиции, необходимо хотя бы вкратце прояснить это нормативное измерение.

Лежащий в основе марксистского классового анализа радикальный эгалитаризм можно выразить в терминах трех тезисов. Я приведу их в упрощенной форме, без развернутых характеристик и поправок, поскольку в данный момент нашей задачей является прояснение характера программы марксистского классового анализа, а не обоснование этой теории как таковой.

*Тезис радикального эгалитаризма: радикально эгалитарное распределение материальных условий жизни будет всячески способствовать процветанию людей*⁴. Этот тезис воплощен в провозглашенном Марксом классическом распределительном лозунге «каждому — по потребностям, от каждого — по способностям» и идеале «бесклассового» общества. Именно так материальные ресурсы распределяются в эгалитарных семьях: дети с большими потребностями получают больше ресурсов, и ожидается, что каждый член семьи будет прилагать максимум усилий для решения стоящих перед семьей задач. Кроме того, именно таким образом книги распределяются в публичных библиотеках: ты берешь то, что тебе нужно, а не то, что мог бы себе позволить. Радикальный эгалитаризм марксистской традиции постулирует, что если эти принципы

⁴ Тезис радикального эгалитаризма в том виде, в котором он изложен здесь, сам по себе не является тезисом о *справедливости*. Речь идет о том, что такие эгалитарные условия в целом более благоприятны для процветания людей, чем условия неравенства и иерархии, однако не оговаривается, что способствование такому процветанию является требованием справедливости. Я убежден, что это — вопрос социальной справедливости, однако в данном контексте такая убежденность не обязательна.

удастся распространить на общество в целом, это поспособствует процветанию людей вообще⁵.

Тезис исторической возможности: в условиях высокопродуктивной экономики становится принципиально возможной такая организация общества, при которой имеет место устойчивое радикально эгалитарное распределение материальных условий жизни. В рамках марксистской традиции эгалитарные нормативные принципы понимаются не просто как отражающие некую вневременную человеческую ценность, хотя это тоже не исключено, но и как призванные воплотиться в практическом политическом проекте. Таким образом, центральным элементом марксистского теоретического проекта является попытка понять, при каких условиях эти моральные идеалы могут быть реализованы в социальной практике. В данном случае основная идея заключается в том, что степень осуществимости радикального эгалитаризма в качестве практического принципа социальной организации увеличивается по мере того, как производительная способность общества растет, а абсолютный дефицит сокращается. В самом строгом варианте этого тезиса внедрение и поддержание эгалитарных идеалов совершенно невозможны, пока в целом не преодолен материальный дефицит; в более слабых вариантах утверждается лишь то, что высокая производительность увеличивает степень осуществимости базового эгалитаризма материальных условий жизни.

Антикапиталистический тезис: капитализм блокирует возможность достижения радикально эгалитарного распределения материальных условий жизни. Одним из величайших достижений капитализма является развитие производительной способности человека до такого уровня, что необходимый для процветания человечества радикальный эгалитаризм становится в принципе осуществимым, однако при этом капитализм также создает институты и властные отношения, блокирующие фактическое достижение эгалитаризма. Так создается почва для великой драмы и трагедии капиталистического развития: это процесс, который неуклонно

⁵ Вопрос, что именно подразумевается под «эгалитаризмом» и что делает его оправданным нормативным принципом, был предметом многочисленных дискуссий, в том числе воодушевленных марксистской традицией. Общий обзор дискуссионных вопросов см. в: (Swift 2001). Проницательное обсуждение эгалитарной теории справедливости, выполненное марксистской чувствительности, приведено в: (Cohen 1995).

улучшает материальные условия для расширения масштабов человеческого процветания, одновременно блокируя создание социальных условий для реализации этого потенциала. Классический марксизм делает отсюда политический вывод, что данные препятствия могут быть преодолены исключительно путем уничтожения капитализма посредством революционного перелома. Более умеренные социал-демократические течения в рамках марксистской традиции принимают идею, что капитализму чуждо равенство, однако отвергают видение перемен как переломных: капитализм можно преобразовать изнутри таким образом, чтобы постепенно двигаться в направлении все более эгалитарного социального строя. Разумеется, полноценная реализация радикального эгалитарного идеала может оказаться утопической фантазией. Но даже если «бесклассовость» недостижима, главной политической целью может стать «меньшая классовость», что всё равно заставляет бросить вызов капитализму.

Каждый из этих тезисов спорный и требует развернутого обоснования, но в данной работе я принимаю их как допущения, определяющие более широкий контекст для осмысления концепта класса⁶. Какие бы еще задачи ни был призван решать концепт класса, в рамках марксистской традиции он должен облегчить понимание

⁶ Возражения против этих тезисов хорошо известны. Против *тезиса радикального эгалитаризма* обыкновенно высказываются возражения двух видов: во-первых, даже если равенство действительно способствует человеческому процветанию, перераспределение ресурсов, необходимое для материального равенства, несправедливо, поскольку лишает некоторых людей честно заработанных материальных преимуществ; а во-вторых, радикальное материальное равенство будет не создавать условия для расцвета человеческого потенциала, а, напротив, приводить к пассивности, лени и единообразию. *Тезис исторической возможности* часто опровергается утверждением, что высокий уровень экономической производительности можно поддерживать только тогда, когда у людей есть существенные материальные стимулы инвестировать как навыки, так и капиталы. Соответственно, любое заметное движение в сторону радикального материального равенства будет неустойчивым, поскольку приведет к снижению самого материального изобилия. Наконец, критики *антикапиталистического тезиса* утверждают, что хотя капитализм действительно может блокировать радикальные движения к равенству материальных условий жизни, он не блокирует человеческое процветание; напротив, капитализм предоставляет индивидам максимально широкие возможности выстроить свою жизнь так, как им хочется.

условий для выполнения подобной нормативной программы. Это означает, что концепт должен быть связан с теорией капитализма, а не просто неравенства и должен быть способен сыграть свою роль в прояснении дилемм и возможностей реализации эгалитарных альтернатив существующим институтам.

Сейчас же обратимся к рассмотрению концептуальных компонентов, при помощи которых мы сможем построить отвечающую этой программе концепцию класса.

Концептуальные компоненты классового анализа

Помимо существительного «класс» используется также производное прилагательное «классовый». В случае существительного можно задать кому-либо вопрос: «К какому классу, по вашему мнению, вы относитесь?», и ответом может быть, скажем: «К рабочему классу». Что касается прилагательного, то слово «классовый» определяет целый спектр концептов: классовые отношения, классовая структура, классовые положения, классовая формация, классовые интересы, классовый конфликт, классовое сознание. В целом, как станет ясно из следующего ниже анализа, я считаю, что гораздо продуктивнее использовать именно прилагательное. На самом деле, как мне представляется, когда люди употребляют существительное, обычно они говорят эллиптически (кратко). К примеру, выражения вроде «рабочего класса» зачастую являются просто сокращением гораздо более громоздкого выражения вроде «рабочеклассовые положения внутри капиталистических классовых отношений» или, скажем, «рабочеклассовые коллективные организации в сфере классовых конфликтов». Так или иначе, обычно я буду использовать прилагательное, а обобщенный термин «класс» — только при отсылке к общему концептуальному полю, к которому принадлежат все эти более конкретные термины.

Таким образом, чтобы заложить основы марксистского классового анализа, требуется точно определить, что мы подразумеваем под этим прилагательным. В данном случае основополагающими концептами являются классовые *отношения* и классовая *структура*. Все прочие термины в концептуальном меню классового анализа — классовый конфликт, классовые

интересы, классовая формация, классовое сознание — получают значения, производные от их связи с классовыми отношениями и классовой структурой. Это не означает, что сугубо структурные концепты класса более существенны для всех проблем классового анализа. Вполне может быть и так, что, к примеру, при попытке объяснить вариативность государственной политики в капиталистических обществах в зависимости от времени и места вариативность классовой формации и классовой борьбы окажется более важной, чем вариативность классовой структуры как таковой. Тем не менее в концептуальной основе классового анализа лежит проблема понимания классовых отношений и классовой структуры, поэтому здесь мы сфокусируемся именно на данном вопросе.

Ниже будут рассмотрены восемь кластеров концептуальных вопросов: 1) концепция социальных отношений производства; 2) идея классовых отношений как специфической формы этих отношений; 3) значение «вариативности/разновидностей» классовых отношений; 4) проблема сложности в классовых отношениях; 5) смысл «положения» внутри классовых отношений; 6) сложность определения классовых положений; 7) различия между микро- и макроуровнями классового анализа; 8) классовая «агентность». Хотя все эти концептуальные проблемы вместе взятые значимы для разработки концепции класса именно в марксистской традиции, многие из них будут иметь значение для других программ классового анализа.

Социальные отношения производства

Всякая система производства требует задействования целого спектра активов, ресурсов или факторов производства: инструментов, станков, земли, сырья, рабочей силы, навыков, информации и т. д. В терминах это задействование можно описать как производственную функцию — множество разнородных вложений комбинируются в рамках определенного процесса, с тем чтобы произвести определенного вида продукт. Так обычно понимают систему производства экономисты. Также это задействование можно описать в терминах *социальных отношений*: люди, участвующие в производстве, обладают разного рода правами и властными полномочиями по использованию вложений и результатов такого

использования⁷. Реальные способы комбинирования вложений и их использования в производстве зависят как от особенностей реализации этих прав и полномочий, так и от сугубо технических характеристик производственной функции. Итоговая сумма этих прав и полномочий составляет «социальные отношения производства».

Важно не забывать, что эти права и полномочия относительно ресурсов являются атрибутами социальных отношений, а не описанием отношений людей к вещам как таковым: к примеру, если кто-то обладает правами и полномочиями относительно земли, это определяет его социальные отношения с остальными людьми относительно использования данной земли и присвоения плодов продуктивного использования данной земли. Это означает, что властные отношения, входящие в социальные отношения производства, касаются способов регулирования и контроля деятельности людей, а не просто распределения ряда ценных вещей.

Классовые отношения как форма отношений производства

Когда права и полномочия людей относительно производительных ресурсов распределены неравно — то есть когда одни люди имеют больше прав/полномочий относительно конкретных видов производительных ресурсов, чем другие, — эти отношения можно описать как классовые отношения. К примеру, в капиталистических обществах имеет место фундаментальное противопоставле-

⁷ Под «полномочиями» относительно производительных ресурсов я подразумеваю *эффективный контроль использования и распределения* данных ресурсов. Термин «права» несет дополнительную идею, что эти полномочия считаются легитимными, а их соблюдение обеспечивается государством. Таким образом, выражение «права собственности» означает «эффективные полномочия относительно использования собственности, обеспечиваемые государством». В большинстве контекстов в стабильной системе производственных отношений имеет место тесная связь между правами и полномочиями, однако может быть и так, что люди обладают эффективным, постоянным контролем над ресурсами, но этот контроль не признается правом собственности в формальных юридических терминах. Так или иначе, для предложенного здесь анализа по большей части нет необходимости подчеркивать различие между правами и полномочиями, поэтому я в общем случае употребляю эти термины вместе в виде связки.

ние владельцев средств производства и владельцев рабочей силы, поскольку «владение» является описанием прав и полномочий относительно задействованного в производстве ресурса.

Рассматриваемые права и свободы определяются в отношении владения или контроля не над вещами вообще, а только над ресурсами и активами *постольку, поскольку они задействованы в производстве*. Капиталист — это не тот, кто просто владеет станками, а тот, кто владеет станками, задействует их в производственном процессе, нанимает владельцев рабочей силы для их использования, управляет процессом использования станков для производства вещей и присваивает прибыль от использования этих станков. Коллекционера станков само по себе обладание ими не делает капиталистом. Соответственно, чтобы отношение считалось классовым, неравенства прав и полномочий относительно владения ресурсом как такового недостаточно. Должны быть также неравные права и полномочия относительно присвоения результатов использования этих ресурсов. В общем случае под этим подразумевается присвоение доходов, генерируемых с задействованием указанного ресурса.

Вариативность классовых отношений

Некоторые способы использования термина «класс» лишают рассуждение о качественно различных *видах* классовых отношений какого-либо смысла. Классы определяются просто некими универсальными категориями вроде «имущие» и «неимущие» (“the haves” and “have nots”). Само собой, всегда может оставаться место для *количественной* вариативности — разрывы между богатыми и бедными могут быть разными, равно как и распределение населения между этими категориями. Однако сама природа классовых отношений не оставляет теоретического места для *качественной* вариативности.

Одной из центральных идей марксистской традиции является существование множества типов классовых отношений, поэтому определение основы этой вариативности представляет огромную важность. Главная идея состоит в том, что различные виды классовых отношений определяются видами прав и полномочий, воплощенных в отношениях производства. Рассмотрим, к примеру, три вида классовых отношений, часто выделяемых в марк-

систской традиции: *рабовладение*, *феодализм* и *капитализм*. Если в рабовладельческих классовых отношениях мы говорим, что рабовладелец «владеет» рабом, мы тем самым обозначаем диапазон прав и полномочий, которые рабовладелец имеет над конкретным используемым в производстве ресурсом — людьми. В самом предельном случае рабовладелец имеет практически абсолютные права собственности на раба. При капитализме же, напротив, владение другими людьми запрещено. Людям позволено иметь в частной собственности землю и капитал, однако владеть другими людьми воспрещается. В этом состоит одно из величайших достижений капитализма: он достиг радикально эгалитарного распределения данного конкретного актива — каждый владеет ровно одной единицей рабочей силы, самим собой.

В этих терминах то, что обычно называется «феодализмом», может рассматриваться как общество, в котором феодальные сеньоры и крепостные имеют *совместные* права собственности на труд крепостного. Традиционно феодализм описывают как общество, в котором крестьян (крепостных) заставляют часть недели работать на земле, которой владеет феодал, а оставшуюся часть недели они вольны работать на земле, на которую имеют некую разновидность обычного права собственности. По сути, эта обязанность — часть недели работать на земле феодала означает, что феодал имеет права собственности на крепостного, принимающие форму права пользоваться трудом крепостного определенную часть времени. Это владение менее абсолютно, нежели у рабовладельца, — отсюда выражение «совместное владение» крепостным со стороны феодала и крепостного. Когда крепостной бежит в город, пытаясь избавиться от этих повинностей, феодал имеет право преследовать крепостного и силой вернуть его обратно. По сути, сбежав с определенной земли, крепостной украл нечто, принадлежащее феодалу: права на часть труда крепостного⁸. Точно так же, как владелец завода при капитализме будет иметь право

⁸ Право феодалов принудительно возвращать крестьян на землю описывается широко распространенным утверждением, что крестьянин «привязан к земле» узами феодальных обязательств. Поскольку основополагающим элементом этих уз являются права феодала на труд крестьянина (или по крайней мере плоды его труда, когда это принимает форму ренты), содержание данного классового отношения на самом деле концентрируется на правах и полномочиях относительно владения рабочей силой.

обратиться в полицию для возврата украденных с завода рабочими станков, феодальный сеньор имеет право прибегнуть к принуждению для возврата труда, украденного из поместья крепостным.

Сложность в конкретных классовых отношениях

Значительная часть риторики классового анализа, особенно в марксистской традиции, характеризует классовые отношения в весьма строгих, упрощенных, поляризованных терминах. Классовая борьба изображается в виде битвы между буржуазией и пролетариатом, между феодалами и крепостными, между рабовладельцами и рабами. На абстрактном уровне этот упрощенный образ действительно фиксирует нечто фундаментальное касательно природы классовых отношений: они на самом деле, как будет показано ниже, порождают антагонизмы интересов, лежащие в основе открытых конфликтов. Но вместе с тем этот поляризованный образ сбивает с толку, поскольку в конкретных обществах, существующих в конкретном месте в конкретное время, классовые отношения никогда не бывают настолько простыми. Одной из задач классового анализа является точное определение этой сложности и изучение ее последствий.

Особую важность представляют два вида сложности. Во-первых, в большинстве обществ сосуществует множество разного рода классовых отношений, различным образом связанных между собой⁹. К примеру, на американском Юге до Гражданской войны сосуществовали рабовладельческие и капиталистические классовые отношения. Конкретная динамика и противоречия этого общества проистекали из способов сочетания этих отдельных принципов классовых отношений. Определенные разновидности издольной (sharecropping) системы, существовавшие в Соединенных Штатах в начале XX века, содержали характерные элементы

⁹ Для описания ситуации, при которой в определенных единицах производства сосуществуют разные формы классовых отношений, часто используется специальный термин «сочетание режимов производства» (articulation of modes of production). В таких ситуациях это сочетание обычно принимает форму отношений обмена между определенными формами классовых отношений. На американском Юге до Гражданской войны рабство существовало на плантациях, а капитализм — на фабриках. Плантации обеспечивали хлопок для фабрик, а фабрики — сельскохозяйственную технику для плантаций.

феодализма, опять-таки в сложном сочетании с капиталистическими отношениями. Если мы захотим описать государственно-бюрократическую собственность на средства производства как образующую отдельную разновидность классовых отношений, то обнаружим, что многие сегодняшние развитые капиталистические общества сочетают капитализм с такого рода этатистскими (государственническими) классовыми отношениями. Таким образом, чтобы в полной мере понять классовые отношения реальных обществ, требуется определить способы сочетания различных форм классовых отношений.

Во-вторых, как мы уже убедились в ходе нашего краткого обсуждения феодализма, принадлежащие людям права и полномочия относительно данного ресурса на самом деле являют собой сложные сплетения прав и полномочий, а не просто одномерные права собственности. Как правило, размышляя о разновидностях прав и полномочий относительно различных факторов производства, эти права и полномочия воспринимают как обладающие простой, бинарной структурой: ты либо владеешь чем-то, либо нет. В повседневном словоупотреблении «владение», на первый взгляд, имеет именно такой абсолютный характер: если я владею книгой, я могу сделать с ней практически что угодно, в том числе сжечь, использовать как подпорку для открытой двери, отдать ее, продать и т. д. Однако на самом деле даже владение обычными предметами, как правило, гораздо сложнее. «Владелец» имеет одни права и властные полномочия, другие люди и коллективные органы — другие. Возьмем, к примеру, станки на капиталистическом заводе. В общепринятом понимании, ими «владеют» капиталисты, которым принадлежат предприятия, в том смысле, что они их приобрели, могут продать, могут использовать для генерирования прибылей и т. д. Но это не значит, что капиталисты имеют абсолютные, безусловные права и полномочия на использование этих станков. К примеру, они могут привести эти станки в действие, только если они удовлетворяют определенным наложенным государством ограничениям по технике безопасности и загрязнению. Если завод существует в социальной среде, в высокой степени проникнутой профсоюзами, капиталист может быть в праве нанимать для использования станков исключительно членов профсоюза. По сути, как государственное регулирование станков, так и профсоюзные ограничения на рынке труда означают, что опре-

деленные измерения прав собственности на станки переходят от капиталиста к коллективному агенту. Из этого следует, что абсолютные капиталистические права собственности на средства производства были, по крайней мере, частично «социализированы»¹⁰.

Современный капитализм буквально пронизан такими видами сложности: правительственные ограничения на производственные практики, представительство профсоюзов в советах директоров, схемы совместного с работниками управления, акционерное участие работников, делегирование полномочий управленческим иерархиям и т. д. — всё это различные способы, посредством которых права собственности и полномочия, воплощенные в идее «владения средствами производства», подвергаются декомпозиции и перераспределяются. Такое перераспределение прав и полномочий составляет некую форму вариативности классовых отношений. Подобные системы перераспределенных прав и полномочий существенно отдаляют классовые отношения от простой, абстрактной формы идеально поляризованных отношений. Это не означает, что классовые отношения перестают быть *капиталистическими* — базовая власть над распределением капитала и распоряжение прибылями, несмотря на все эти изменения, остаются под частным контролем капиталистов — но это значит, что капиталистические классовые структуры могут существенно различаться в зависимости от конкретных способов расщепления, распределения и рекомбинации этих самых прав и полномочий.

Одной из целей классового анализа является понимание последствий этих форм вариативности классовых отношений. Однако такая сложность всё равно остается сложностью формы классовых отношений, а не какой-либо иной разновидностью социальных отношений, поскольку рассматриваемые социальные отношения всё равно формируются неравными правами и полномочиями людей относительно экономически значимых активов.

¹⁰ Это можно также описать как ситуацию *взаимопроникновения* капиталистических и социалистических классовых отношений. Если *сочетание* различных классовых отношений описывает ситуацию, когда различные классовые отношения существуют в различных единицах производства, а взаимодействуют посредством внешних связей, то при *взаимопроникновении* различных классовых отношений распределение прав и полномочий относительно активов в рамках одной единицы производства сочетает аспекты двух различных типов классовых отношений.

Классовые положения

Многие социологические дискуссии о классе на практике становятся дискуссиями об оптимальном описании классовых *положений* (*class locations*) — или неких эквивалентных обозначений вроде «классовых категорий» — а не о классовых *отношениях* как таковых. В значительной степени это вызвано тем, что существенная часть эмпирических исследований, в особенности количественных, вращается вокруг данных, привязанных к индивидам, в связи с чем важно иметь возможность определить положение конкретного индивида в социальной структуре. В случае классового анализа это подразумевает приписывание им положения в рамках классовых отношений. На практике любое подобное начинание требует принимать решения, какие именно критерии применять для дифференциации классовых положений и «сколько» классовых категорий будет создано с использованием этих критериев.

Нет ничего плохого в таком применении концепта класса в исследованиях. Однако, по крайней мере в марксистской традиции, важно не упустить из виду тот факт, что «классовые положения» обозначают социальные позиции, занимаемые индивидами в рамках конкретной разновидности социальных отношений, а не просто некий атомизированный атрибут индивида. Допущение, из которого исходит идея социальных отношений, заключается в том, что когда человек живет своей жизнью в мире, когда он делает выбор и совершает те или иные действия, эти его действия систематически структурируются его отношениями с другими людьми, также делающими выбор и совершающими действия¹¹. «Социальное отношение» — это способ обозначения структурированного по своей сути интерактивного качества человеческого действия. В конкретном случае классовых отношений основное утверждение заключается в том, что права и полномочия людей относитель-

¹¹ Говоря, что люди делают выбор и действуют в рамках структурированных отношений с прочими совершающими выбор / действующими индивидами, мы оставляем открытым вопрос о лучшем способе теоретизирования о выборе и действии. К примеру, ничто не указывает на то, что выбор делается на основе некоего процесса рациональной максимизации или что все действия являются результатом осознанного выбора. Точно так же, как бы того ни хотелось сторонникам методологического индивидуализма, ничто не указывает на то, что объяснение социальных процессов можно свести к атрибутам выборов и действий индивидов. Сами по себе отношения могут

но производительных ресурсов важны для структурированного интерактивного качества человеческой деятельности. Таким образом, когда мы говорим о «положении» внутри классового отношения, мы помещаем индивидов в такие структурированные схемы взаимодействия.

Сложность классовых отношений

На первый взгляд может показаться, что проблема определения классовых положений решается абсолютно прямолинейно. Сперва дается определение концепта классовых отношений, затем исходя из этих отношений выстраивается перечень классовых положений. При капитализме центральным классовым отношением является отношение между капиталом и рабочей силой, откуда имеем два классовых положения: капиталисты и рабочие.

Как и при обсуждении проблемы сложности в классовых отношениях как таковых, в капиталистических обществах для некоторых задач может быть достаточно различать всего два классовых положения. Однако есть много других заслуживающих внимания вопросов, ответ на которые связан с проблемой классовых положений, и тогда такая единая, бинарная модель классовых положений окажется абсолютно неадекватной. Если мы хотим понять формирование субъективного опыта людей в процессе работы, или дилеммы, стоящие перед организаторами профсоюзов в заводском цеху, или склонность людей к созданию разного рода коалиций в политических конфликтах, или же их перспективы жить в комфортных материальных условиях, то знание о том, что перед нами капиталист или рабочий в рамках поляризованной модели классовых отношений, вряд ли расскажет нам всё, что мы хотели бы узнать.

Столкнувшись с этой объяснительной неадекватностью модели, включающей два положения, мы оказываемся перед выбором из двух основных вариантов. Первый предполагает сохранение простой модели с двумя положениями (часто называемой «двухклассовой моделью») и последующее привнесение в анализ до-

служить объяснениями. Таким образом, используемая здесь концепция социального отношения не подразумевает теории рационального выбора или редукционистских вариантов методологического индивидуализма.

полнительных усложнений, которые не трактуются как усложнения *классовых* положений как таковых. Так, к примеру, чтобы понять формирование субъективного опыта людей в процессе работы, можно ввести ряд конкретных вариаций условий труда (степень автономности, пристальность надзора, уровень ответственности, когнитивная сложность задач, требуемые для работы физические усилия, перспективы карьерного роста и т. д.), релевантных для понимания связанного с работой опыта. Впоследствии они будут восприниматься в качестве источников вариативности опыта людей, занимающих рабочеклассовые положения внутри классовых отношений, где рабочеклассовые положения определяются в простых бинарных терминах модели с двумя положениями. Или же можно принять во внимание, что некоторые из вариаций в «условиях труда» на самом деле являются вариациями конкретных способов локализации людей внутри классовых отношений. К примеру, уровень властных полномочий над другими работниками можно рассматривать как отражение специфической формы распределения прав и власти относительно процесса производства.

В своих работах, посвященных классовому анализу, я делал выбор в пользу второй из этих стратегий, пытаюсь встроить значительный объем сложности непосредственно в описание классовых положений. Я это делаю (хотелось бы надеяться) не из упрямого убеждения в том, что мы хотим выстроить наши классовые концепты таким образом, чтобы классовые положения как таковые объясняли как можно больше всего, а поскольку полагаю, что многие из этих сложностей на самом деле являются сложностями конкретных способов распределения прав и властных полномочий в отношении экономических ресурсов и деятельности между различными положениями внутри отношений.

Фокус в том, чтобы ввести сложность в анализ классовых положений систематическим и строгим способом, а не рассматривая сложность как произвольную и хаотичную. Это означает необходимость попытаться понять принципы, согласно которым генерируется сложность, а затем определить, что следует из этих принципов применительно к проблеме локализации людей внутри классовых отношений. Наиболее важными для классового анализа мне представляются следующие пять источников такой сложности:

1. Сложность положений, проистекающая из сложности *внутри* самих отношений: разделение прав и полномочий классовых отношений.
2. Сложность распределения отдельных лиц по положениям: принадлежность к нескольким классовым положениям одновременно.
3. Сложность временных аспектов положений: карьеры vs ячейки.
4. Страты внутри отношений.
5. Семьи и классовые отношения.

Разделение прав и полномочий. Если ассоциирующиеся с классовыми отношениями права и полномочия на самом деле представляют собой сложные связки делимых на части прав и полномочий, они потенциально могут быть частично разделены и реорганизованы сложными способами. Это может порождать классовые положения, которые я называю «противоречивыми положениями внутри классовых отношений» (“contradictory locations within class relations”)¹². К примеру, менеджеры в корпорациях могут рассматриваться как использующие на практике некоторые из полномочий, обусловленных капиталом: нанимать и увольнять работников, принимать решения относительно новых технологий и изменений в рабочем процессе и т. п., и с этой точки зрения они занимают капиталистическое положение внутри классовых отношений капитализма. С другой стороны, они не могут продать завод и конвертировать ценность активов в личное потребление, и их могут уволить с работы, если владельцы ими недовольны. В таком ракурсе они занимают рабочеклассовое положение внутри классовых отношений. Таким образом, в основе этой аналитической стратегии понимания классового характера менеджеров лежит допущение, что специфическая система прав и полномочий относительно производительных ресурсов, сочетающихся в данном положении, определяет совокупность реальных и значимых каузальных процессов.

Другой случай, который можно считать разновидностью «противоречивых положений», коренится в тех способах, посредством которых носители разного рода навыков и компетенций наделяются действенными правами и полномочиями относительно многих

¹² Обсуждение разработки этой концепции приведено в: (Wright 1985, Ch. 2; Wright *et al.* 1989, Ch. 1).

аспектов их труда¹³. В частности, это справедливо для наемных профессионалов, чей контроль над условиями своего труда составляет отдельную форму трудовых отношений с их работодателями, однако некоторые аспекты таких полномочных трудовых отношений характерны также для многих высококвалифицированных непрофессиональных видов работ¹⁴.

Определение классовых положений людей. Индивиды могут работать сразу на двух работах, имеющих различное положение внутри социальных отношений производства: человек может быть менеджером или рядовым сотрудником в фирме и самозанятым на второй работе. По сути, такой человек занимает одновременно два классовых положения. Заводской рабочий, по ночам подрабатывающий в качестве самозанятого плотника, имеет более сложное положение внутри классовых отношений, нежели заводской рабочий, не имеющий подработок. Более того, некоторые люди, занимающие рабочеклассовые положения в капиталистической фирме, могут одновременно владеть акциями (либо той фирмы, в которой работают, либо каких-то других фирм) и, следовательно, занимать, пусть даже в ограниченной степени, еще и капиталистическое положение. Рядовые сотрудники фирм с реальной ESOP (Employee Stock Ownership Plan (англ.) — программа участия служащих в прибылях компа-

¹³ Контроль над условиями занятости представляет собой перераспределение прав и полномочий в отношениях между трудом и капиталом, поскольку работодатели лишаются возможности эффективно управлять трудовой деятельностью таких работников и поэтому вынуждены предлагать им достаточно защищенные долговременные контракты, предусматривающие то, что Джон Голдторп назвал «перспективными вознаграждениями». В самом крайнем случае, как утверждает Филипп ван Парейс в (Wright *et al.* 1989, Ch. 6), ситуация приближается к передаче работникам чего-то вроде прав собственности на их рабочие места. Голдторп описывает этот тип трудовых отношений как *служебное* отношение, которое отличается от обычных отношений найма, характерных для людей в рабочеклассовых положениях.

¹⁴ В разное время я по-разному формулировал качество противоречивого классового положения такого рода позиций. В своей ранней работе (Wright 1978) я называл их «полуавтономными работниками», подчеркивая контроль над условиями труда. В последующих работах (Wright 1985, 1997) я называл их «экспертами», подчеркивая их контроль над знаниями и аттестатами и то, как это влияло на их отношение к проблеме эксплуатации.

нии) не перестают *занимать* рабочеклассовые положения внутри классовых отношений капитализма, однако они уже не занимают *только* эти положения: они занимают одновременно два классовых положения.

Временной характер положений. Некоторые рабочие места составляют часть карьерной траектории — последовательности упорядоченной смены рабочих мест с течением времени, — в которой имеется существенная вероятность изменения классового характера этих самых рабочих мест во времени. К примеру, в некоторых схемах организации труда большинство менеджеров начинают работу с неуправленческих должностей, имея все основания ожидать после своего рода ученичества на цеховом уровне перехода на менеджерские должности и последующего продвижения вверх в управленческой иерархии. Хотя какое-то время они могут работать бок о бок с простыми рабочими, их «рабочие места» изначально связаны с управленческой карьерой. Почему это должно быть важно для понимания классового характера таких рабочих мест? Это важно, поскольку и интересы, и опыт людей на таких рабочих местах сильно зависят от связанного с их рабочими местами вероятного будущего. Это означает, что положению внутри классовых отношений людей, находящихся на такой карьерной лестнице, присуще то, что можно назвать *временной* сложностью. Более того, поскольку будущее всегда в некоторой степени неопределенно, *временное* измерение классовых положений также означает, что положению индивида внутри классовых отношений может быть присуща определенная степень *временной неопределенности* или *неясности*.

Страты и классовые положения. Если классовые отношения определяются правами и полномочиями людей относительно производительных ресурсов и экономической деятельности, то возникает еще один источник сложности в рамках классовых положений, связанный с объемом ресурсов и сферой деятельности, на которые распространяются данные права и полномочия. Существуют владеющие большими объемами капитала и контролирующие его капиталисты, на которых работают тысячи рабочих по всему миру, и капиталисты, на которых работает небольшое количество людей, собранных в одном месте. В терминах отношений обе эти группы являются «капиталистами», однако в плане объема имеющейся у них власти их разделяет огромная

пропасть. Люди, занимающие рабочеклассовые положения, различаются своими навыками и связанными с ними «рыночными возможностями» (“market capacity”) — способностью влиять на заработную плату на рынке труда. Если их навыки достаточно редки, они даже могут получать заработную плату с существенной «рентной» составляющей. И квалифицированные, и неквалифицированные рабочие занимают рабочеклассовые положения, поскольку, не владея средствами производства и не контролируя их, вынуждены продавать свою рабочую силу, чтобы заработать себе на жизнь, однако они различаются по объему одного конкретного ресурса — навыков. Такого рода количественную вариативность среди людей, занимающих подобные в терминах отношений положения, можно считать стратами внутри классовых положений.

Семьи и классовые положения. Люди связаны с классовыми отношениями не только посредством прямого участия в контроле и использовании производительных ресурсов, но и посредством других видов социальных отношений, в первую очередь семейных и родственных. Классовое «положение» людей волнует нас потому, что мы уверены, что их опыт, интересы и выборы посредством разнообразных механизмов будут обуславливаться тем, как их жизни пересекаются с классовыми отношениями. Если вы состоите в браке с капиталистом, то данный факт будет отчасти влиять на ваши интересы и выборы вне зависимости от того, чем вы сами занимаетесь. И данный факт — это факт вашего «положения». Данное конкретное измерение проблемы классовых положений можно назвать «опосредованными положениями внутри классовых отношений»¹⁵. Опосредованные положения имеют особое значение для понимания классовых положений детей, пенсионеров, домохозяек и людей в домохозяйствах с двумя кормильцами. Опосредованные положения привносят в классовый анализ дополнительную сложность в тех случаях, когда непосредственные классовые положения индивидов, определяемые посредством их собственных рабочих мест, и их опосредованные классовые положения различаются. Именно так будет обстоять дело, скажем, с женщиной-машинисткой в офисе, которая замужем за корпоративным менеджером. По мере увеличения доли замужних женщин в сфере

¹⁵ См.: (Wright 1997, Ch. 10).

оплачиваемого наемного труда и количества времени, которое они проводят в составе рабочей силы, существование таких «межклассовых домохозяйств», как их иногда называют, становится все более ярко выраженной формой сложности в рамках классовых положений¹⁶.

Эти типы сложностей в определении классовых положений проблематизируют обычные рассуждения о классе. Люди часто задают вопрос: «Сколько всего существует классов?» К примеру, мои собственные труды, посвященные классовой структуре, описывались как предлагающие «12-классовую модель», поскольку в некоторых своих исследованиях я выстроил 12-категорийную классовую переменную для изучения таких вещей, как классовое сознание или классовая мобильность. В рамках модели, предлагаемой мною здесь, такого рода вопросы мне представляются неуместными. Классовое «положение» не является «классом *как таковым*»; это положение-внутри-отношений. Соответственно, количество таких положений в анализе классовой структуры зависит от того, насколько подробное описание требуется для стоящих перед нами в данный момент целей¹⁷. Для некоторых исследовательских вопросов желательна более дробная дифференциация положений внутри классовых отношений, поскольку объяснительное значение могут приобретать конкретные способы связи индивидов с правами-и-полномочиями-относительно-ресурсов. К примеру, в своих исследованиях соотношения между классовым положением и классовым сознанием я полагал релевантным довольно дробный набор категорий¹⁸. Для других задач более информативным может оказаться менее дробное описание положений-внутри-отношений. Для своей работы, посвященной проблеме клас-

¹⁶ В 1980-х годах в США определению межклассового домохозяйства соответствовало около трети семей с двумя кормильцами, т. е. в таких домохозяйствах жили примерно 12 % взрослого населения. См.: (Wright 1997, pp. 226–227).

¹⁷ Мои взгляды на проблему «количества» классовых положений очень схожи на взгляды Эриксона и Голдторпа, писавших, что «мы полагаем, что единственным осмысленным ответом [на вопрос “Сколько всего существует классов?”] будет такой: “столько, сколько будет эмпирически полезно различить для стоящих перед нами аналитических целей”» (Erikson and Goldthorpe 1993, p. 46).

¹⁸ См.: (Wright 1997, Ch. 14).

сового компромисса, я счел подходящей гораздо более простую классовую модель, включающую два положения — только рабочих и капиталистов¹⁹.

Макро- и микроклассовый анализ

Классовый анализ охватывает как макро-, так и микроуровень анализа. Основным концептом макроклассового анализа является *классовая структура*. Всю совокупность классовых отношений в данной единице анализа можно назвать «классовой структурой» этой единицы анализа. Таким образом, можно рассуждать о классовой структуре фирмы, города, страны, возможно, даже мира. Традиционно для определения классовой структуры в качестве единицы анализа преимущественно выступало национальное государство. Отчасти это оправдано важностью государства как института обеспечения правоприменения касательно основополагающих прав и полномочий относительно активов, составляющих материю классовых отношений. Однако в зависимости от рассматриваемой проблемы можно использовать и иные единицы анализа.

Макроуровень классового анализа концентрируется на влиянии классовых структур на единицу анализа, в рамках которой они определяются. К примеру, анализ того, как международная мобильность капитала ограничивает выбор проводимой странами политики, представляет собой макроуровневое исследование влияния на государства конкретной разновидности классовой структуры. Анализ того, как концентрация или дисперсия владения капиталом в конкретной отрасли влияет на условия для организации профсоюзов, будет макроуровневым исследованием классовой формации.

Микроуровень классового анализа призван объяснить способы воздействия класса на индивидов. В его основе лежит анализ влияний классовых положений на различные аспекты жизни индивидов. Примеры микроуровневого классового анализа представляет анализ стратегии неквалифицированных рабочих на рынке труда, влияния технологических перемен на классовое сознание или же политических вкладов руководителей корпораций.

¹⁹ См.: (Wright 2000, pp. 957–1002).

Микро- и макроуровни классового анализа связаны между собой весьма сложным образом. С одной стороны, классовые структуры — это не бестелесные сущности, генерирующие макроуровневые влияния вне зависимости от действий и выборов индивидов: у макропроцессов имеются микрооснования. С другой стороны, микропроцессы, посредством которых положения индивидов в классовых отношениях формируют их возможности, сознание и действия, происходят в макроконтекстах, оказывающих весомое влияние на способы осуществления этих микропроцессов: микропроцессы опосредуются макроконтекстами. Классовый анализ, как и всякий социологический анализ, стремится понять и микро-, и макроуровни, а также их взаимодействие.

Классовая «агентность»

Все вопросы, к которым мы до сих пор обращались, были сугубо *структурными* по своему характеру. То есть мы исследовали природу социальных отношений, внутри которых живут и действуют люди, и выяснили, как их трактовать в классовых терминах, однако мало что сказали о действии как таковом. В конце концов, марксистский классовый анализ касается условий и процесса социальных изменений, поэтому нам нужен набор категорий, в терминах которых можно описать действия людей, воспроизводящие и трансформирующие эти социальные отношения. Особо отвечают этой цели пять концептов: классовые интересы, классовое сознание, классовые практики, классовые формации и классовая борьба.

- *Классовые интересы*: материальные интересы людей, обусловленные их положением-в-рамках-классовых-отношений. «Материальные интересы» включают в себя целый диапазон аспектов: жизненные стандарты, условия труда, досуг, материальную защищенность и прочее. Описать интересы людей относительно этих вещей как «классовые» интересы означает сказать, что возможности и компромиссы людей в ходе преследования этих интересов структурированы их классовыми положениями. Описание этих интересов обеспечивает ключевой теоретический мост между описанием классовых отношений и действиями индивидов внутри этих отношений.

- Классовое *сознание*: субъективное осознание людьми своих классовых интересов и условий их продвижения.
- Классовые *практики*: виды деятельности, в которые вовлекаются индивиды для преследования своих классовых интересов в качестве отдельных лиц либо членов общностей.
- Классовые *формации*: общности, формируемые людьми для облегчения преследования своих классовых интересов. Они варьируют от организаций с высоким уровнем самосознания, созданных для продвижения своих интересов, вроде профсоюзов, политических партий и ассоциаций работодателей до менее формальных общностей вроде социальных сетей и сообществ.
- Классовая *борьба*: конфликты между практиками индивидов и общностей в процессе преследования ими антагонистических классовых интересов. Такие конфликты варьируют от стратегий отдельных рабочих на рабочем месте для облегчения труда до конфликтов между высокоорганизованными общностями рабочих и капиталистов за распределение прав и полномочий в рамках производства.

Объяснительные притязания: фундаментальный метатезис классового анализа

Фундаментальный метатезис классового анализа заключается в том, что класс (т. е. классовые отношения, классовые положения и классовая структура), понимаемый изложенным выше образом, имеет систематические и существенные следствия как для жизни индивидов, так и для функционирования институтов. В качестве лозунга можно провозгласить: «класс имеет значение» (“class counts”). На микроуровне реальные последствия для жизни человека имеют следующие обстоятельства: продает или не продает он свою рабочую силу на рынке труда, обладает или не обладает властью указывать другим, что делать в процессе работы, владеет или не владеет крупными объемами капитала, обладает или не обладает юридически подтвержденным аттестатом и т. д. На макроуровне на функционирование разнообразных институтов влияет то, существует ли высокая концентрация прав на распределение и использование средств производства в руках немногих, присваиваются ли некоторые из этих прав государственной властью

или остаются в частных руках, наличествуют ли существенные барьеры для приобретения различных типов активов людьми, их не имеющими, и т. п. Таким образом, говоря «класс имеет значение», мы утверждаем, что распределение прав и полномочий относительно базовых производительных ресурсов общества имеет существенные систематические последствия как на микро-, так и на макроуровне социального анализа.

В основе такого рода утверждений лежит относительно простая пара более конкретных суждений о воздействии классовых отношений на микроуровень жизни индивидов:

Суждение 1: То, чем ты обладаешь, определяет то, что ты получаешь.

Суждение 2: То, чем ты обладаешь, определяет, что ты должен сделать, чтобы получить то, что ты получаешь.

Первое суждение касается в первую очередь распределения дохода. Так, классовый анализ утверждает, что права и полномочия людей относительно производительных активов являются систематическими и существенными детерминантами их уровня жизни: *то, чем ты обладаешь, определяет то, что ты получаешь*. Второй из этих каузальных процессов касается в первую очередь распределения экономической деятельности. Опять-таки, тезис классового анализа заключается в том, что права и полномочия относительно производительных активов являются систематическими и существенными детерминантами стратегий и практик, применяемых людьми с целью получения доходов: должны ли они оббивать пороги в поисках работы; принимают ли они решения о распределении инвестиций по всему миру; приходится ли им переживать по поводу выплаты процентов по банковским займам для поддержания на плаву своей фермы. *То, чем ты обладаешь, определяет, что ты должен сделать, чтобы получить то, что ты получаешь*. Прочие типы связанных с классом следствий — паттерны голосования, установки, формирование круга друзей, здоровье и т. д. — вторичные следствия этих двух первичных процессов. К примеру, когда классовые аналитики утверждают, что классовые положения помогают объяснить результаты голосования, обычно это обусловлено их уверенностью в том, что классовые положения формируют возможности для уровня жизни людей, и эти возможности влияют на политические предпочтения, или же их уверенностью в том, что классовое положение влияет на жизненный опыт людей в

рамках их работы (т. е. опыт, генерируемый их трудовой деятельностью), а это, в свою очередь, влияет на предпочтения.

Эти утверждения нетривиальны. К примеру, может быть так, что распределение прав и полномочий индивидов касательно производительных активов относительно слабо или вообще никак не связано с их доходами или экономической деятельностью. Предположим, что государство всеобщего благосостояния обеспечивает всем универсальный базовый доход, достаточный для поддержания пристойного уровня жизни. В таком обществе то, что люди получают, будет в значительной степени, хотя и не полностью, независимо от того, чем они владеют. Аналогично, если мир превратится в своего рода постоянную лотерею, в которой не будет практически никакой стабильности распределения активов ни внутри одного поколения, ни между ними, то даже если отношение к таким активам будет в *статике* существенно для уровня доходов, все это может давать повод говорить, что класс не очень важен. Либо, предположим, основной детерминантой того, что вы должны сделать, чтобы получить нечто, является раса, пол или вероисповедание, и владение экономически релевантными активами имеет маргинальную значимость для объяснения вашей экономической деятельности или жизненных условий. Опять-таки, в таком обществе класс может не иметь большого объяснительного значения (если, конечно, пол или раса не влияют на эти результаты главным образом через распределение людей по классовым положениям в зависимости от их расы и пола). Сам по себе факт наличия неравенства доходов или доминирования и субординации в процессе работы не является доказательством того, что класс имеет значение; для этого необходимо показать, что права и полномочия людей относительно производительных активов оказывают систематическое влияние на эти феномены.

Марксистский классовый анализ²⁰

Как сформулировано выше, в объяснительных притязаниях классового анализа нет ничего сугубо марксистского. Выражения «что люди получают» и «что люди должны делать, чтобы получить то, что они получают» звучат практически как «жизненные шансы».

²⁰ Этот подраздел частично взят из: (Wright 1997, pp. 9–19).

Классовые аналитики-веберианцы сказали бы практически то же самое. Именно по этой причине марксистский и веберианский концепты класса очень схожи (хотя в контексте широких теоретических моделей, в которых фигурируют эти концепты, или приписываемых классу объяснительных возможностей схожести гораздо меньше).

Собственно марксистским классовый анализ делает объяснение конкретных механизмов, которые считаются источниками этих двух разновидностей последствий. Основопологающим концептом в данном случае является *эксплуатация*. Это концептуальный элемент, связывающий марксистский концепт класса с отчетливо марксистской программой классового анализа.

Эксплуатация — сложный и проблематичный концепт. Он призван обозначить определенную форму взаимозависимости материальных интересов людей, а именно ситуацию, удовлетворяющую трем критериям:

- (1) *Принцип обратной взаимозависимости благополучия*: Материальное благополучие эксплуататоров каузально зависит от ухудшения материального благополучия эксплуатируемых. Это означает, что интересы *акторов* внутри таких отношений не просто *различны*, но *антагонистичны*: реализация интересов эксплуататоров негативно сказывается на эксплуатируемых.
- (2) *Принцип исключения*: Та самая обратная взаимозависимость благополучия эксплуататоров и эксплуатируемых определяется исключением доступа эксплуатируемых к определенным производительным ресурсам.
- (3) *Принцип присвоения*: Исключение создает материальные преимущества для эксплуататоров, поскольку позволяет им присваивать трудовые усилия эксплуатируемых.

Таким образом, эксплуатация является диагнозом процесса, в ходе которого неравенства доходов генерируются неравенствами прав и полномочий относительно производительных ресурсов: неравенства возникают, по крайней мере отчасти, посредством способов, позволяющих эксплуататорам в силу своих исключительных прав и власти над ресурсами присваивать излишек, создаваемый трудовыми усилиями эксплуатируемых.

При соблюдении только первых двух принципов может существовать то, что допустимо назвать *неэксплуататорским экономическим угнетением*, но не эксплуатацией. При неэксплуататорском экономическом угнетении благополучие наделенной преимуществами группы обеспечивается за счет тех, кто лишен этих преимуществ, и сама эта обратная взаимосвязь основывается на владении и контроле над экономическими ресурсами. Однако при неэксплуататорском угнетении не происходит присвоения трудовых усилий или передачи плодов труда от одной группы к другой.

Ключевым следствием различия между двумя этими типами неравенства является то, что при неэксплуататорском экономическом угнетении обладающая преимуществами социальная категория сама по себе *не нуждается* в категории исключенных. Хотя благополучие наделенных преимуществами и в этом случае зависит от принципа исключения, постоянная взаимозависимость их деятельности отсутствует. В случае же эксплуатации эксплуататоры активно нуждаются в эксплуатируемых: благополучие эксплуататоров зависит от трудовых усилий эксплуатируемых. Рассмотрим, к примеру, различия в отношении европейских колонистов к коренным народам Северной Америки и Южной Африки. В обоих случаях материальное благополучие белых поселенцев обеспечивалось посредством исключения доступа коренных жителей к земле. Соответственно, имела место каузальная связь между благополучием колонистов и ущемлениями коренных народов, и эта связь сосредоточивалась в контроле над ресурсами. Однако эти ситуации резко различаются по третьему критерию. В Южной Африке колонисты в значительной степени зависели от трудовых усилий коренного населения, сперва в качестве фермеров-арендаторов и сельхозрабочих, а позднее — в качестве шахтеров. В Северной Америке европейские колонисты не зависели от труда коренных американцев. Это означало, что в Северной Америке белые поселенцы имели возможность в ответ на сопротивление коренных американцев вместо исключения их доступа к земле применить стратегию геноцида. В XIX веке в Америке была популярна отвратительная по своей аморальности поговорка, отражающая реалии неэксплуататорского экономического угнетения коренных американцев: «Хороший индеец — мертвый индеец». А вот поговорка вроде «Хороший рабочий — мертвый рабочий» не существует, и отнюдь не случайно. Можно сказать

«хороший рабочий — покорный рабочий», но никак не «мертвый рабочий». Эксплуатация, в некотором смысле, налагает на эксплуататоров определенные ограничения, что и проявляется в контрасте между судьбой коренных народов Северной Америки и Южной Африки²¹.

Эта глубокая взаимозависимость делает эксплуатацию особенно взрывоопасной формой социальных отношений по двум причинам: во-первых, эксплуатация является социальным отношением, противопоставляющим интересы одной группы интересам другой и одновременно требующим их постоянного взаимодействия; во-вторых, она наделяет эксплуатируемую группу реальной формой власти для противостояния интересам эксплуататоров. Это важный момент. Эксплуатация зависит от присвоения трудовых усилий. Поскольку люди являются не роботами, а обладающими сознанием агентами, они всегда в определенной мере сохраняют реальный контроль над расходованием своих усилий. Таким образом, изъятие трудовых усилий (*extraction of labor effort*) в рамках эксплуататорских отношений всегда является в той или иной степени проблематичным и рискованным процессом, требующим для его воспроизводства действенных институциональных механизмов. Эти механизмы могут влететь эксплуататорам в копеечку, вынудив их тратить на контроль, надзор, мониторинг и санкции

²¹ Одно из основополагающих различий между концепциями эксплуатации, предлагаемыми здесь и в рамках стратегии классового анализа Ааге Соренсена (глава 5 данной книги), касается различия неэксплуататорского и эксплуататорского угнетения. Соренсен отвергает это различие, утверждая касательно моего анализа европейских поселенцев в Северной Америке, что «европейские колонисты, вне всякого сомнения, создали антагонистические интересы, приведшие к конфликту, поэтому не вполне ясно, что нам дает дополнительное требование насчет передачи продуктов труда». Принцип присвоения не играл бы никакой роли, если бы нас интересовало исключительно само по себе присутствие либо отсутствие «антагонистических интересов», поскольку и при эксплуататорском, и при неэксплуататорском угнетении определенно имеет место глубокий антагонизм. Однако динамика антагонизма в этих двух контекстах кардинально различна: *эксплуататоры зависят от эксплуатируемых и нуждаются в них*, в отличие от неэксплуататорских угнетателей. В трактовке эксплуатации Соренсена ситуация, при которой исключение доступа к ресурсам просто вредит исключенным, не отличается от ситуации, когда благополучие наделенной преимуществами категории также зависит от постоянных взаимодействий с исключенной.

и т. д. Способность заставить эксплуататоров нести все эти расходы и есть своего рода власть, принадлежащая эксплуатируемым.

Эксплуатация, согласно изложенному здесь определению, тесно связана с проблемой *доминирования*, то есть социальных отношений, в рамках которых деятельность одного человека управляется и контролируется другим человеком. Доминирование проявляется, во-первых, в принципе исключения: «владение» ресурсом дает одному человеку власть препятствовать использованию его другими людьми. Ярчайшим примером такой формы доминирования является власть работодателей нанимать и увольнять работников. Однако в большинстве случаев доминирование имеет место в сочетании с принципом присвоения, поскольку присвоение трудовых усилий эксплуатируемых обыкновенно требует непосредственных форм субординации, в первую очередь в ходе трудового процесса, в форме руководства, наблюдения, угроз и т. п. Сочетание эксплуатации с доминированием определяет основные черты структурированных взаимодействий внутри классовых отношений.

В веберианском классовом анализе, равно как и в марксистском, права и полномочия индивидов относительно производственных активов определяют материальный базис классовых отношений. Однако для классового анализа, основывающегося на трудах Вебера, эти права и полномочия важны в основном с точки зрения свойственных им способов формирования *жизненных шансов*, прежде всего шансов в пределах рыночных обменов, а не способов структурирования паттернов эксплуатации и доминирования. Контроль над ресурсами влияет на силу переговорной позиции в процессах обмена, что, в свою очередь, влияет на результаты таких обменов, особенно на доходы. Эксплуатация и доминирование не являются центральными предметами веберианской аргументации.

Из этого вытекает противопоставление марксистской и веберианской моделей классового анализа, иллюстрируемое на рисунке 1. 1. Как марксистский, так и веберианский классовый анализ резко отличаются от простых градационных описаний класса, в которых сам класс непосредственно идентифицируется в контексте неравенств доходов, поскольку и тот и другой начинают с проблемы социальных отношений, определяющих доступ людей к экономическим ресурсам. Так что в некотором смысле марксистское и веберианское определения классовых отношений в капи-

I. Простой градационный классовый анализ

II. Веберианский классовый анализ

III. Марксистский классовый анализ

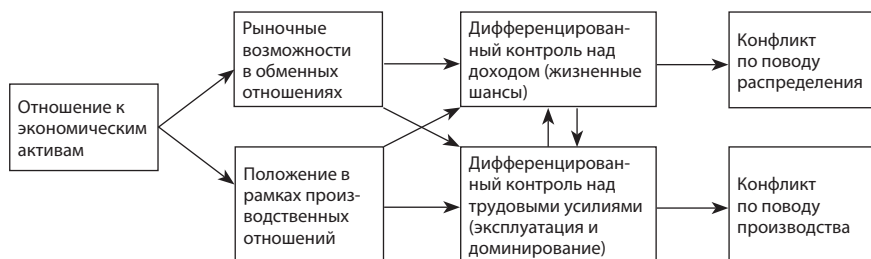

Рисунок 1.1 Три модели классового анализа

талистическом обществе имеют общий операциональный критерий. А вот где они отличаются, так это в теоретической разработке и определении следствий, проистекающих из этого общего набора критериев: марксистская модель рассматривает две систематически генерируемых этими отношениями каузальных зависимости — первая реализуется посредством рыночных обменов, а вторая — посредством самого процесса производства, в то же время веберианская модель отслеживает только одну каузальную зависимость; кроме того, марксистская модель рассматривает механизмы этих каузальных зависимостей в терминах эксплуатации и доминирования, а также силы переговорной позиции в рамках обмена, тогда как веберианская модель имеет дело лишь с переговорами в процессе обмена. Таким образом, в определенном смысле веберианская модель классового анализа встраивается в марксистскую модель.

Эта встроенность веберианской концепции класса в марксистскую означает, что с точки зрения определенного рода вопросов

между марксистским и веберинским анализом нет почти никакой практической разницы. Это особенно справедливо для микро-вопросов о влиянии класса на жизни индивидов. То есть, если вы, к примеру, хотите объяснить, каким образом классовое положение влияет на уровень жизни людей, используемый в данном анализе концепт классовых положений совсем не обязательно должен различаться в рамках марксистского и веберинского подходов. Оба трактуют социальное отношение по поводу дохода-генерирующих активов, в особенности капитала и навыков, как центральное для определения классовых положений²².

Безусловно, любой веберинец может включить в конкретное социологическое исследование анализ доминирования и эксплуатации на основе класса. Одной из привлекательных черт веберинской аналитической модели является то, что она совершенно не возбраняет включать в рассмотрение дополнительные каузальные процессы. Однако такое включение является привнесением в веберинскую модель марксистских тем; сама по себе модель не предполагает какой-либо специфической важности этих вопросов. Как-то в одной из своих книг по классовой теории Фрэнк Паркин остроумно заметил, что «внутри всякого неомарксиста сидит вебе-

²² Само собой, операциональные критерии, принимаемые теми или иными исследователями, столкнувшимися с неизбежной сложностью совершения прагматичного выбора, могут различаться. К примеру, и в подходе Джона Голдторпа к классовому анализу, и в моем собственном подходе крупные капиталисты, менеджеры корпораций и «высокоуровневые» профессионалы занимают разного вида положения в рамках классовых отношений, поскольку различаются по типу контролируемых ими ресурсов и природе трудовых отношений, в которых пребывают. Но мы расходимся в плане операциональных выборов касательно трактовки этих категорий в своей эмпирической работе: я разделяю эти три категории как отдельные разновидности классовых положений, в то время как Голдторп, исходя в большей степени из прагматических соображений, сливает их в более гетерогенный класс I. Это происходит не потому, что моя работа опирается на марксистскую традицию, а его работа теснее связана с веберинской, так как обе эти традиции считают профессоров и капиталистов занимающими различные классовые положения. Это происходит в силу прагматичных соображений насчет того, где важно поддерживать тесную операциональную конгруэнтность с абстрактными категориями, а где нет. Голдторп считает, что вопросам, которые он хочет рассмотреть, слияние капиталистов и профессионалов в единую классовую категорию не повредит, поскольку в его выборке подлинных капиталистов всё равно очень мало.

рианец, отчаянно рвущийся на свободу». Из представленной здесь аргументации следует комплементарное утверждение, что «внутри всякого левого неовеберианца сидит марксист, отчаянно пытающийся остаться незамеченным».

Выгоды: каковы преимущества марксистской стратегии классового анализа?

Эксплуатация и доминирование — нормативно нагруженные термины. Описывая классовые отношения таким образом, мы подписываемся под эгалитарной критикой этих отношений. Для приверженцев радикально эгалитарного видения марксистской традиции это плюс, но ведь явно не все интересующиеся исследованием классов в капиталистическом обществе принимают радикальный эгалитаризм марксистской нормативной программы. Что если кто-то убежден, что эмансипационные/освободительные преобразования капитализма, при всей своей моральной привлекательности, — всего лишь утопические фантазии? Или, что еще критичнее, вдруг кто-то убежден, что капитализм не такой уж угнетающий? Если кто-то отвергает значимость марксистской нормативной программы, означает ли это полное отвержение заодно и марксистской концептуализации класса? Я так не думаю. В силу нескольких причин разработка концепции класса в терминах эксплуатации и доминирования сама по себе приносит теоретические выгоды, выходящие за пределы специфичной нормативной программы марксистского классового анализа:

1. *Связь обмена с производством.* Марксистская логика классового анализа утверждает существование тесной связи между способами организации социальных отношений в рамках обмена и в рамках производства. Это сущностный момент, а не вопрос дефиниции: социальные отношения, организующие права и полномочия индивидов относительно производительных ресурсов, систематически формируют их положения как в отношениях обмена, так и собственно в процессе производства. Это, разумеется, не означает, что не существует независимой вариативности обмена и производства, однако предполагает, что такая вариативность структурируется классовыми отношениями.

2. *Конфликт*. Одно из стандартных утверждений касательно марксистского анализа гласит, что он выводит на первый план конфликт внутри классовых отношений. Действительно, в учебниках социологии марксизм традиционно рассматривается в качестве разновидности «теории конфликтов». Однако эта характеристика не вполне точна, ибо конфликт, вне всякого сомнения, является определяющей чертой также и веберианских взглядов на класс. Отличительной чертой марксистского видения классовых отношений в этих терминах является не то, что в нем классовому конфликту придается большое значение, а то, что конфликт понимается как генерируемый *неотъемлемыми свойствами этих отношений*, а не просто некими вероятными факторами. Эксплуатация определяет структуру взаимозависимых антагонистических интересов, в которой продвижение интересов эксплуататоров зависит от их способности ущемлять эксплуатируемых. Здесь антагонизм интересов сильнее, чем в условиях простой конкуренции, и именно на этом основано четкое предсказание марксистского классового анализа, что классовые системы будут пронизаны конфликтами.
3. *Власть*. Ключевым для марксистского построения классового анализа является не просто утверждение, что классовые отношения генерируют глубоко антагонистичные интересы, но то, что они также дают людям, занимающим подчиненные классовые положения, определенные формы власти для борьбы за свои интересы. Как уже отмечалось выше, поскольку эксплуатация опирается на изъятие трудовых усилий и поскольку люди всегда сохраняют некоторый уровень контроля над расходованием своих усилий, они всегда могут противопоставить эксплуататорам свою способность сопротивляться эксплуатации²³. Это — ключевая форма власти. Это отражается в комплексных контрстратегиях, которые эксплуатирующие классы вынуждены применять, разрабатывая средства контроля, надзора, мони-

²³ Важно отметить, что нет никакой необходимости принимать нормативные предпосылки концепции «эксплуатации», чтобы признать проблему «изъятия трудовых усилий». Это одна из заглавных тем в обсуждениях проблем принципал/агент в подходах к организации, основывающихся на стоимости транзакций. Обсуждение класса и эксплуатации именно в терминах проблем принципал/агент приведено в: (Bowles and Gintis 1990).

торинга и применения санкций. Исключительно благодаря этой неупразднимой способности к сопротивлению — форме социальной власти, укорененной во взаимозависимостях эксплуатации, — эксплуатирующим классам приходится выделять часть собственных ресурсов на обеспечение своей возможности присваивать трудовые усилия.

4. *Принуждение и согласие.* Марксистский классовый анализ содержит рудименты того, что можно назвать эндогенной теорией формирования согласия. Аргументация в основном выглядит так: изъятие трудовых усилий в системах эксплуатации дорого обходится эксплуатирующим классам в силу неотъемлемой способности людей сопротивляться эксплуатации. Системы эксплуатации на чисто принудительных началах зачастую неоптимальны, поскольку имеется слишком много условий, позволяющих рабочим необычайно легко воздержаться от старательного приложения трудовых усилий. Следовательно, эксплуатирующие классы будут склонны искать способы снижения данных расходов. Один из способов снижения накладных расходов на изъятие трудовых усилий — принимать такие меры, чтоб добиться активного согласия эксплуатируемых: от развития внутренних рынков труда, укрепляющих приверженность и лояльность рабочих к фирмам, в которых они работают, до поддержки идеологических платформ, провозглашающих практическую и моральную приемлемость капиталистических институтов. Однако эти практики достижения согласия также сопряжены с расходами, поэтому системы эксплуатации можно рассматривать как постоянно обреченные на компромиссы между принуждением и согласием в качестве механизмов изъятия трудовых усилий.

Из данной аргументации следует специфическое предсказание, касающееся разновидностей идеологий, с наибольшей вероятностью возникающих в условиях, с одной стороны, эксплуататорских классовых отношений, а с другой — неэксплуататорского угнетения. При неэксплуататорском угнетении отсутствует зависимость угнетающей группы от изъятия трудовых усилий угнетенных, а потому практически нет нужды в достижении их активного согласия. Соответственно, становятся допустимы сугубо репрессивные реакции на сопротивление —

в том числе, в некоторых исторических обстоятельствах, геноцидные репрессии. В такой ситуации основной идеологической проблемой, скорее всего, будут моральные колебания внутри угнетающей группы, и в силу этого, пожалуй, получат развитие идеологии, оправдывающие эти репрессии в глазах *угнетателей*, но не угнетенных. Лозунг «хороший индеец — мертвый индеец» предназначался для ушей белых колонистов, а не коренных американцев. С другой стороны, в рамках эксплуататорских классовых отношений ввиду необходимости сотрудничества с эксплуатируемыми идеологии более склонны учитывать проблему достижения согласия, в силу чего им приходится так или иначе инкорпорировать интересы эксплуатируемой группы.

5. *Исторический/сравнительный анализ.* В исходном своем виде марксистский классовый анализ задумывался как составная часть всеобъемлющей теории эпохальной структуры и исторической траектории социальных изменений. Но даже если отвергнуть исторический материализм, марксистская, основывающаяся на эксплуатации стратегия классового анализа всё равно предоставляет богатое меню концепций для исторического и сравнительного анализа. Определенные разновидности классовых отношений обуславливаются конкретными механизмами, посредством которых осуществляется эксплуатация, и из этих различий, в свою очередь, следуют разные проблемы, стоящие перед эксплуатирующими классами в плане воспроизводства их классового преимущества, и различные возможности эксплуатируемых классов сопротивляться этому. Разнообразие таких механизмов и конкретных способов их сочетания в конкретных обществах дают аналитически сильную программу сравнительных исследований.

Все перечисленное выше объясняет, почему концепция класса, уходящая корнями, с одной стороны, в связь между социальными отношениями производства, а с другой — в эксплуатацию и доминирование, должна представлять социологический интерес. Однако наиболее фундаментальное преимущество использования этих концептуальных оснований состоит в том, что они позволяют привнести в классовый анализ моральную критику. Характеристика меха-

низмов, лежащих в основе классовых отношений, в терминах эксплуатации и доминирования фокусирует внимание на моральных подтекстах классового анализа. Эксплуатация и доминирование показывают, как эти отношения оборачиваются угнетением и порождают ущемление, а не просто неравенства. Таким образом, классовый анализ может функционировать как часть не просто научной теории интересов и конфликтов, но также освободительной теории альтернатив и социальной справедливости. Даже если социализм исчез из исторической повестки дня, идея противостояния эксплуататорской логике капитализма никуда не делась.

2 Основы неовеберианского классового анализа

Ричард Брин

Введение

В широком проекте «классового анализа» огромные усилия уходят на определение класса и очерчивание границ классов. Без этого не обойтись, поскольку классовый анализ — это «эмпирическое исследование эффектов и следствий существования определенной *a priori* классовой структуры» (Breen and Rottman 1995b, p. 453). Отталкиваясь от конкретного определения, социологи могут оценить степень структурированности на классовом основании таких вещей, как неравенство жизненных шансов индивидов и семей. Противоположный подход выявляет классовую структуру на основании эмпирического распределения неравенства в обществе (в Sørensen 2000 этот подход называется подходом «номинальных классификаций»). В классовом анализе теоретический фундамент используемой версии класса следует прояснять с самого начала, а концепт класса должен быть операционализирован, чтобы утверждения относительно класса можно было проверить эмпирически. Если исследовать две основные разновидности современного классового анализа, а именно марксистский классовый анализ, ассоциирующийся в первую очередь с работами Эрика Олина Райта и его коллег, и неовеберианский классовый анализ, связанный с использованием классовой схемы Джона Голдторпа, выяснится, что эти задачи центральные для них обоих.

В этой главе я рассмотрю некоторые вопросы, связанные с попытками развивать классовый анализ в рамках широко понимаемой веберианской точки зрения. Начну со взглядов на социальный класс самого Вебера, изложенных в «Хозяйстве и обществе». Это поможет установить основные параметры, в рамках которых опе-

рирует веберовский классовый анализ, и прояснить размах и ограничения его объяснительных притязаний. Далее я в очень общих чертах рассмотрю, какие виды операционализации класса предлагает работа Вебера, а затем изложу классовую схему Голдторпа, обычно считающуюся веберовской по своей концепции (см., напр.: Marshall *et al.* 1988, p. 4). В завершение главы предполагается обсудить кое-что из фундаментальных, как мне видится, возражений против неовеберовского подхода к классовому анализу и разъяснить отчасти, чего именно стоит ожидать от неовеберовской классовой классификации.

Социальные классы в работе Макса Вебера

При капитализме основным фактором жизненных шансов является рынок. Жизненные шансы можно понимать, в терминологии Гидденса, как «шансы индивида на свою долю социально созданных экономических или культурных “товаров”, обычно существующих в любом обществе» (Giddens 1973, pp. 130–131), или, проще говоря, как шансы индивида на получение доступа к дефицитным и ценным продуктам. Вебер (Weber 1978 [1922], p. 302) пишет, что «классовая ситуация — это такая ситуация, в которой существует общая типичная вероятность добыть товары, занять место в жизни и достичь внутреннего удовлетворения»: другими словами, члены класса имеют общие жизненные шансы. Если это у них общее, что обуславливает такое их общее положение? Вебер отвечает, что жизненные шансы распределяет рынок в соответствии с выставляемыми на него индивидами ресурсами, а также признает, что эти ресурсы могут различаться во многих отношениях. Помимо различия между владельцами и не-владельцами собственности, имеют место также расхождения в конкретных навыках и прочих активах. Однако есть один важный момент: все эти активы наделены ценностью исключительно в контексте рынка, а отсюда классовая ситуация отождествляется с рыночной ситуацией.

Одним из следствий признания Вебером многообразия генерирующих рыночный доход активов является разрастание количества возможных классов, которые он называет «экономическими классами». При этом социальные классы, будучи агрегациями экономических классов, гораздо малочисленнее. Они не просто фор-

мируются на основе действия механизмов рынка; вмешиваются также прочие факторы, одним из которых является удостоившаяся особого внимания Вебера социальная мобильность. «Социальный класс составляет совокупность классовых позиций, в рамках которых индивидуальная и межпоколенческая мобильность осуществляется просто и типично» (Weber 1978 [1922], p. 302). Вебер утверждает, что при капитализме можно эмпирически выделить четыре основных социальных класса, социальная мобильность между которыми нечаста и затруднена, однако в их рамках она довольно заурядна. Первым различием является деление на тех, кто владеет собственностью либо средствами производства, и тех, кто ими не владеет, однако обе эти группы «далее дифференцируются... в зависимости от типа собственности... и типа услуг, которые они могут предложить на рынке» (Weber 1978 [1922], p. 928). В результате имеем четыре класса: «доминирующие предпринимательские и имеющие собственность группы», мелкая буржуазия, работники с формальными аттестатами (средний класс) и те, у которых их нет, и единственным их активом является рабочая сила (рабочий класс).

Широко известно, что Вебер рассматривал класс как всего лишь один из аспектов распределения власти в обществе. Согласно его знаменитому определению, власть — это «вероятность того, что один *актор* в рамках социального отношения будет иметь возможность осуществить свою волю, несмотря на сопротивление, на чем бы эта вероятность ни зиждилась» (Weber 1978 [1922], p. 53), поэтому, по Веберу, основными феноменами распределения власти в обществе, наряду с классами, являются статусные группы и партии. Различие между ними касается ресурсов, которые они могут задействовать для влияния на распределение жизненных шансов. Хотя множества их членов пересекаются, ни одно из этих измерений не может быть полностью сведено к остальным. Каждое из них может быть основой для коллективного действия, но, по Веберу, эту роль будут играть скорее статусные группы и партии, чем классы. Для партий коллективное действие составляет их *raison d'être* (*смысл бытия*), в то время как принадлежность к статусной группе скорее, нежели принадлежность к классу, будет влиять на сознание индивида, а значит и служить основой коллективного действия. Проявление членами класса «классового сознания» зависит от некоторых обусловленных обстоятельствами факторов:

оно «связано с общими культурными условиями... и в первую очередь связано с прозрачностью связей между причинами и следствиями классовой ситуации» (Weber 1978 [1922], pp. 928–932). Различные жизненные шансы, ассоциирующиеся с принадлежностью к социальному классу, сами по себе не порождают «классовое действие»: это может случиться, только когда осознаются «реальные условия и результаты классовой ситуации».

Этот обзор работ Вебера, посвященных классовому анализу, позволяет также установить определенные ограничения притязаний веберовского классового анализа. Самым важным, пожалуй, является отсутствие предположения о том, что паттерны исторических изменений можно объяснить в терминах эволюции взаимоотношений между классами, как это делается в марксистском историческом материализме. Отсутствуют также какие-либо гипотезы о том, что классы неизбежно пребывают в конфликте с нулевой суммой, в котором выгоды одного достигаются (нелегитимно) за счет другого. В самом деле, у Вебера мы не найдем предположения, что класс должен быть основным источником конфликта в капиталистическом обществе или что классы неизбежно должны служить источником коллективного действия. Вместо этого внимание сосредоточено на рынке как источнике неравенства жизненных шансов. Но это не значит, что веберовский подход принимает рыночные отношения как данность. Вебер пишет, что рынки сами по себе являются формами социального действия, существование которых зависит от других видов социального действия, таких как определенного рода правовой порядок (Weber 1978 [1922], p. 930). Однако для понимания того, как рыночные отношения стали такими, какими они есть, нельзя просто сфокусироваться на классах и отношениях между ними. Эволюция социальных форм — это сложный процесс, который, как показывает сам Вебер в «Протестантской этике и духе капитализма», где ведущая роль в развитии современного капитализма приписывается идеям, может происходить под воздействием широкого разнообразия факторов.

Комментарии Вебера о классе весьма отрывочны: к примеру, в его трудах очень мало внимания уделено вопросам классового конфликта¹. В силу этого порой кажется, что проще дать опреде-

¹ См.: (Weber 1978 [1922], pp. 302–305). Развитие неовеберовских идей «классового закрытия», «исключения и узурпации», связанное с работами

ление веберианского подхода, исходя из того, чем он не является, нежели из того, чем он является, и практически любую классовую схему, разве что не откровенно марксистскую, можно считать веберианской. В самом деле, даже границы между собственно марксистской и веберианской версиями зачастую весьма размыты. Однако, и я надеюсь это продемонстрировать, у веберианских классовых схем имеется отличительная особенность, определяющая и то, как их следует конструировать, и то, как следует оценивать их эффективность в качестве объяснительного фактора в классовых анализах. Тем не менее я не вижу смысла пытаться «буквально» следовать трудам Вебера (даже если предположить, что это возможно), и не исключено, что описанный мною здесь подход, который я называю неовеберианским, не единственно возможный, если исходить из весьма несистематических замечаний Вебера касательно класса.

Цели классового анализа

Понимаемый как проект в целом, классовый анализ рассматривает класс как обладающий потенциалом объяснить широкий спектр эффектов. Основной целью, конечно же, является изучение связи между классовой позицией и жизненными шансами, однако классовый анализ редко этим ограничивается. Обычно считается, что класс предполагает различные возможные эффекты. Из-за того, что множество индивидов разделяют общую классовую позицию, они склонны вести себя схожим образом: классовая позиция является детерминантой условий действия индивида, и от тех, кто имеет аналогичные условия действия, стоит ожидать схожих действий (см.: Weber 1978 [1922], p. 929). Однако они могут отличаться от классово сознательного поведения. Как утверждает Вебер,

(Parkin 1979; Murphy 1988), в гораздо большей степени опирается на рассуждения Вебера о статусных группах, нежели о классах. Он пишет, что «касательно более специфических видов антагонизма между классами можно сделать мало замечаний общего характера» (Weber 1978 [1922], p. 930), и, в моем понимании, это означает, что хотя конфликты между классами существуют, они не соответствуют некой общей форме, а всегда обусловлены конкретными историческими обстоятельствами.

это может произойти, когда индивиды начинают осознавать «связи между причинами и следствиями классовой ситуации».

Итак, в качестве объектов, которые класс теоретически должен помочь объяснить, в принципе можно взять не только различие жизненных шансов, но и широкий диапазон действий, поведения, установок, ценностей и т. д. Однако связь между классами и их следствиями не может быть просто эмпирическим вопросом: должна быть некая теория или аргументация в пользу того, почему определяемые таким образом классы существенны для объяснения этих следствий и, в частности, для объяснения разнообразия жизненных шансов. К этому моменту мы в данной главе еще вернемся. Сейчас же я хотел бы обратиться к вопросу, как можно операционализировать идеи Вебера о социальном классе.

Разработка веберианской классовой схемы

Для веберианца класс представляет интерес, поскольку связывает позиции индивидов на капиталистических рынках с неравенством распределения жизненных шансов. Как было показано выше, разнообразие рыночных позиций возникает на основе различий в обладании рыночно релевантными активами. Один из возможных подходов к конструированию вдохновленной трудами Вебера классовой схемы заключается в группировании индивидов, обладающих одинаковыми или схожими активами. В конце концов, Вебер определяет «классовую ситуацию» как общность «специфического каузального компонента... жизненных шансов» (Weber 1978 [1922], p. 927), поэтому может показаться резонным определять классы в терминах таких каузальных компонентов жизненных шансов. В этом смысле объяснительные переменные в неоклассической функции заработков будут служить для выделения по крайней мере некоторых классов.

На самом деле такой подход к изучению класса обычно не применяется, поскольку важно не обладание активами как таковое, но их задействование на рынке. По многим причинам не существует детерминистического отношения между ресурсами, которые индивиды выставляют на рынок, и тем, что они получают взамен. Поэтому фокус смещается на рыночную ситуацию и определение множества структурных позиций, которые можно сгруп-

пировать в классы. Как пишет Соренсен, классы являются «множествами структурных позиций. Эти позиции определяются социальными отношениями внутри рынков, особенно внутри рынков труда, и внутри фирм. Классовые позиции существуют независимо от индивидов, занимающих эти позиции. Это “пустые места”» (Sørensen 1991, p. 72). Соответственно, перед всеми формами классового анализа стоит вопрос, как — на основе чего — следует различать такие позиции.

К данному вопросу можно подойти, спросив для начала, что именно должен объяснить класс. Если основным предназначением классовой схемы является фиксация того, каким образом социальные отношения внутри рынков и фирм формируют жизненные шансы, то классы можно определить таким образом, чтобы максимизировать статистическую зависимость между ними и распределением жизненных шансов. Такой подход может рассматриваться как нечто среднее между сугубо индуктивными (по терминологии Соренсена, «номинальными») классовыми классификациями и подходом, чаще применяющимся в классовом анализе. Мне неизвестны классовые схемы, следующие этой практике, но нечто подобное предлагалось в качестве метода конструирования шкал социальной дистанции или социального доминирования (Prandy 1999; Rytina 2000). С другой стороны, принцип определения классов можно рассматривать в качестве теории о том, как отношения на рынках и в фирмах связаны с распределением жизненных шансов. Так или иначе, границы, прочерчиваемые для категоризации позиций в фирмах и на рынках труда, должны стремиться к классификации, лучше всего фиксирующей различия, существенные для объяснения разнообразия, в данном случае, жизненных шансов. Но это повышает вероятность того, что, когда перед нами стоит задача уловить, как позиция в системе производства влияет, скажем, на электоральное поведение или определенные типы коллективного действия, то нужен совершенно иной принцип.

Единственной определяющей характеристикой вдохновленного трудами Вебера классового анализа является то, что классы представляют интерес лишь постольку, поскольку формируют жизненные шансы, а отсюда при конструировании неовеберианской схемы мы применим именно последнюю стратегию. Однако эмпирический факт таков, что такие схемы действительно оказы-

ваются хорошими предикторами широкого диапазона поведения, действий, установок, предпочтений и т. д. Поэтому классовый анализ должен объяснять, не только почему определенные различия позиций на рынках труда и в фирмах приводят к разнице жизненных шансов, но также почему категоризация разработанных для этих целей позиций объясняет вариации в широком спектре различных эффектов. Но перед тем, как развивать эту идею дальше, было бы полезно подвести под наше обсуждение более конкретные основания, рассмотрев классовую схему, обычно считающуюся неовеберовской.

Классовая схема Голдторпа

Классовая схема, разработанная Джоном Голдторпом и его коллегами (Goldthorpe 1980; Erikson, Goldthorpe, and Portocarero 1979; Erikson and Goldthorpe 1992), широко применялась в эмпирическом классовом анализе на протяжении последних двадцати лет². Изначально схема была представлена как различающая занятия исходя из их рыночных и трудовых ситуаций. Под рыночной ситуацией понимаются источники и уровни доходов от определенного занятия, связанные с ним условия приема на работу, степень экономической защищенности и шансы его представителей на экономическое продвижение. Под трудовой ситуацией понимается положение занятия в системах власти и контроля в производственном процессе (Goldthorpe 1980, p. 40). Считалось, что занятия, которым свойственны в основном сходные рыночные и трудовые ситуации, составляют классы, а представители разных классов имеют разные жизненные шансы.

Однако в своих более поздних работах Голдторп представил несколько иные принципы в качестве оснований той же классовой схемы. «Цель классовой схемы состоит в дифференциации позиций внутри рынков труда и производственных единиц, или, конкретнее, ... в дифференциации этих позиций в терминах предусматриваемых ими отношений занятости» (Erikson and

² Существует огромное количество описаний схемы Голдторпа, однако самое понятное и детализированное изложено в (Erikson and Goldthorpe 1992, Ch. 2), а в (Goldthorpe 2000, Ch. 10) приводится углубленное обоснование схемы.

Goldthorpe 1992, p. 37). Теперь считается, что классы фиксируют два основных различия: между собственниками средств производства и теми, кто таковыми не является, а среди последних — в зависимости от природы их отношений с работодателем. Тут важной дихотомией является различие позиций, регламентируемых трудовым договором, и позиций, регламентируемых «служебными» отношениями с работодателем. В условиях трудового договора имеет место очень конкретный обмен зарплаты на трудозатраты, и работник находится под относительно пристальным надзором, в то время как служебные отношения более долгосрочны и предусматривают более размытый обмен.

Основанием для этого различия служит стоящая перед работодателями проблема — как обеспечить, чтобы наемные работники действовали в интересах фирмы. У работников всегда имеется хотя бы минимальная свобода выбора в плане выполнения своей работы — насколько усердно трудиться, какую меру ответственности либо инициативы проявлять и т. д. (Goldthorpe 2000, p. 212), а следовательно, перед работодателем стоит вопрос гарантии того, чтобы эта свобода выбора проявлялась в его пользу. Как именно это делается, зависит от типа выполняемой наемным работником работы, поэтому решение проблемы состоит в заключении контрактов занятости, соответствующих различным видам работы.

Согласно Голдторпу, ключевыми измерениями дифференциации работы являются сопутствующая степень «специфичности активов» и уровень сложности контроля/мониторинга (Goldthorpe 2000, p. 213). Специфичность активов обозначает уровень потребности в специализированных навыках, опыте или знаниях для выполнения данной работы, в противовес работам, требующим самых общих, неспециализированных навыков. В первом случае работника необходимо убедить сделать вложения в эти навыки, хотя в другой фирме или при другом роде занятий они могут ему совершенно не пригодиться. Равным образом, как только работник приобрел эти навыки, работодателю необходимо по возможности гарантировать сохранение квалифицированного работника за собой, поскольку на открытом рынке труда такие навыки найти невозможно. Сложности контроля возникают, когда работодатель не может сколько-нибудь четко оценить, в какой мере работник действует в его, работодателя, интересах. Это классическая проблема «принципал–агент». Некоторые работы предостав-

ляют работнику ощутимую автономию и свободу выбора способов выполнения предусмотренных работой задач, поэтому если сам работник (агент) знает, работает ли он в интересах фирмы, то работодателю (принципалу) это неизвестно. Эта информационная асимметрия вызывает у агента искушение действовать в собственных интересах, когда они конфликтуют с интересами принципала.

Проблемы специфичности активов и контроля решаются путем создания посредством служебных отношений стимулов, побуждающих работников действовать в интересах работодателя. Эти стимулы должны согласовывать интересы обеих сторон, что достигается посредством установления связи «между приверженностью работников организационным целям и их эффективной реализации и их карьерными успехами и долгосрочным материальным благополучием» (Goldthorpe 2000, p. 220). Существенную роль в обеспечении этого играют перспективные элементы контракта занятости: «к примеру, повышение зарплаты по установленному графику, гарантии благополучия, ... пенсионные права ... и ... четко определенные карьерные возможности» (Erikson and Goldthorpe 1992, p. 42). Что касается сложностей мониторинга, то это решение знакомо по литературе, посвященной теории игр: искушение переменить и получить краткосрочную выгоду уравновешивается перспективой отсроченных долгосрочных выплат в качестве вознаграждения за сотрудничество.

Трудовой договор имеет место, когда отсутствуют как специфичность активов, так и проблемы мониторинга. В этом случае даже если рабочие задачи требуют навыков, то самых общих и легкодоступных на рынке труда. Проблемы мониторинга в целом отсутствуют, поскольку легко оценить, что делает работник на службе у работодателя и что он реально производит. Поэтому нет нужды в устанавливаемых служебным отношением стимулах, и, согласно Голдторпу, двумя определяющими характеристиками контракта занятости являются плата за дискретные объемы работы и отсутствие каких-либо попыток закрепить долгосрочные отношения между сторонами.

Как же выглядит полученная в конечном итоге классовая схема? Имеется класс самозанятых и мелких работодателей (мелкой буржуазии), обозначаемый как класс IV (в классификации используются римские цифры). Этот класс делится, во-первых, по отраслевому принципу, так что класс IVc охватывает фермеров и «про-

чих самозанятых работников в сфере первичного производства»; а во-вторых, несельскохозяйственных работодателей и самозанятых; класс IVa охватывает мелких собственников с наемными работниками³; IVb — мелких собственников без наемных работников. Остальные классы состоят из позиций наемных работников, поэтому форма этой части классовой структуры зависит от того, какие из занятий характеризуются либо специфичностью активов или трудностями мониторинга, либо и тем, и другим, либо ни тем, ни другим. Классы I и II состоят из занятий, в которых ярче всего проявляются служебные отношения: разнятся они лишь по степени [выраженности]. Таким образом, класс I включает высокий уровень, а класс II — низкий уровень профессионалов, администраторов и менеджеров. В этих занятиях возникают проблемы как мониторинга, так и специфичности активов. На противоположном полюсе находятся члены классов VI (квалифицированные рабочие) и VII (неквалифицированные рабочие) — самые очевидные обладатели трудовых контрактов со своими работодателями. Класс VII, в свою очередь, также делится по отраслевому принципу: VIIb — неквалифицированные сельскохозяйственные рабочие, VIIa — неквалифицированные рабочие вне сферы сельского хозяйства. Трудовой договор также характерен для представителей занятий рутинного нефизического труда «низкого уровня» (класс IIIb). К этим занятиям относятся «работники офисов, магазинов и других сфер обслуживания низкого уровня — операторы машин, работники прилавка, обслуживающий персонал и т. п.» (Erikson and Goldthorpe 1992, p. 241). Оставшиеся классы IIIa (работники рутинного нефизического труда высокого уровня) и V (технические специалисты низкого уровня и супервайзеры в сфере физического труда) «охватывают позиции, с которыми связаны отношения занятости, принимающие крайне смешанные формы» (Erikson and Goldthorpe 1992, p. 43). Однако в каждом конкретном случае эта смешанная форма возникает в силу различных причин. Занятия в классе IIIa (как правило, это клерки, секретари и прочий рутинный административный персонал) обычно не требуют специфичных активов, однако представляют некоторые сложности в плане мониторинга, в то время как с занятиями

³ Применительно к Великобритании это означает менее 25 наемных работников.

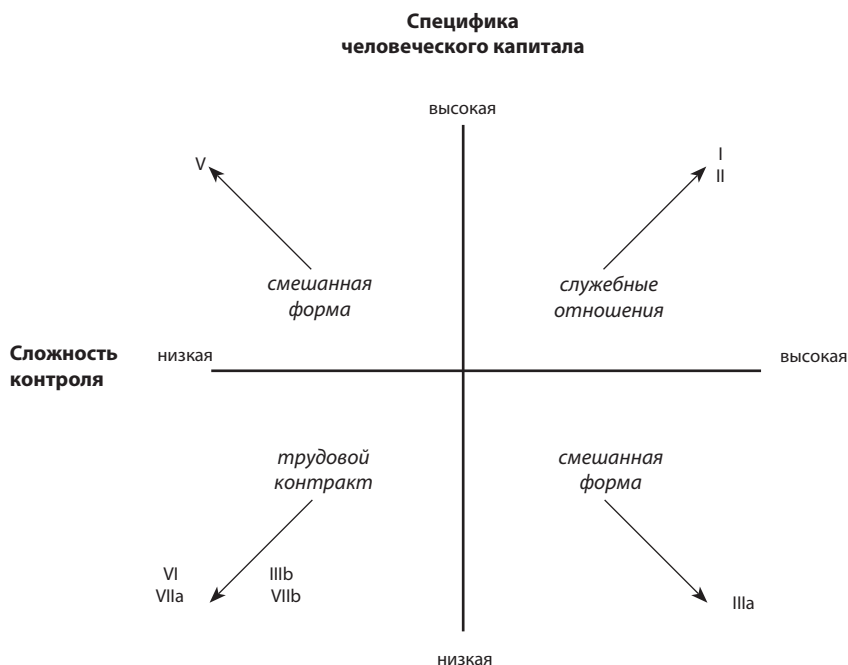

Рисунок 2.1 Измерения работы как источники договорных рисков, формы контракта занятости и локализация составляющих схему классов наемных работников (взято из: Goldthorpe 2000, p. 223, fig. 10.2)

класса V дело обстоит прямо противоположным образом. Занятия класса IIIa имеют многие элементы служебных отношений, однако зачастую лишены ясной карьерной структуры, тогда как занятия класса V таковой обладают, но при этом подлежат довольно пристальному мониторингу и оплачиваются согласно количеству отработанных часов. Возможные комбинации специфичности активностей и сложностей мониторинга, а также соответствующие классы показаны на рисунке 2.1, взятом из: (Goldthorpe 2000, p. 223).

Развивая эту модель, Голдторп многое почерпнул из литературы по экономике организаций, и действительно, служебный договор имеет много общего со «сдельной оплатой труда» (Akerlof 1982). Контракты занятости рассматриваются как средства, при помощи которых стороны пытаются гарантировать жизнеспособность предприятия и в целом придать большую силу контракту для обоюдной выгоды (Goldthorpe 2000, p. 210). Этот

подход можно подвергнуть критике за преувеличение веса аргументов эффективности и пренебрежение вопросами, касающимися баланса сил между работодателями и работниками. Говоря языком простых примеров, в конкретном занятии или группе занятий могут применяться некоторые элементы служебных отношений не потому, что это максимизирует эффективность, а потому что сила переговорной позиции работников позволяет им включить эти элементы в договор в качестве ренты. Вполне вероятно, что произошедшие в последние двадцать лет изменения принципов и условий трудоустройства на многие работы (и, в некоторых случаях, потеря определенных аспектов служебных отношений) объясняются общим ослаблением переговорной позиции работников в пользу работодателей в той же мере, что и, скажем, изменениями квалификационных требований для этих работ или возможностей их мониторинга (Breen 1997). Если эта аргументация верна, из нее следует, что нельзя просто отнести занятия к определенному классу на основе соображений эффективности и что при объяснении любой отдельно взятой классовой структуры следует также уделять внимание другим, исторически обусловленным факторам.

В своей наиболее дезагрегированной форме схема Голдторпа выделяет 11 классов. В работах Голдторпа, посвященных Англии и Уэльсу, как и во многих других практических приложениях, используется 7-категорийная версия, в то время как наиболее агрегированной версией, на первый взгляд сохраняющей основные различия исходной схемы, является, судя по всему, 4-категорийная классификация, различающая служебный (I и II), промежуточный (IIIa и V), мелкобуржуазный (IV) и трудоводоговорной (IIIb, VI и VII) классы. Перечисленные агрегации схемы показаны в таблице 2.1⁴.

⁴ Может показаться странным, что 7-категорийная версия схемы объединяет классы IIIa и IIIb. Однако этот вариант изначально использовался Голдторпом в анализе социальной мобильности среди мужчин в Англии и Уэльсе. Версия, позднее использованная Эриксоном и Голдторпом, хоть и немного отличалась от приведенного в таблице 2.1 7-категорийного варианта, также объединяла классы IIIa и IIIb, но, опять-таки, была разработана для анализа мобильности среди мужчин. Относительно малое количество мужчин занимают позиции, относящиеся к IIIb, а занимаемые мужчинами позиции обычно ближе к позициям из класса IIIa, чем позиции, занимаемые женщинами. Вот почему в главе, посвященной мобильности женщин, Эриксон и Голдторп (Erikson and Goldthorpe 1992, Ch. 7) объединяют классы IIIb и VII.

Таблица 2.1 Возможные агрегации классовой схемы Голдторпа

<i>II-классовая версия (максимально дезагрегированная)</i>	<i>7-классовая версия</i>	<i>4-классовая версия</i>
I Служебный класс высокого уровня	I Служебный класс высокого уровня	I + II Служебный класс
II Служебный класс низкого уровня	II Служебный класс низкого уровня	
IIIa Работники рутинного нефизического труда высокого уровня	IIIa Класс рутинного нефизического труда	IIIa + V Промежуточный класс
IIIb Работники рутинного нефизического труда низкого уровня		IIIb + VI + VII Класс физического труда
IVa Мелкие собственники с наемными работниками	IV Мелкая буржуазия	IV Мелкая буржуазия
IVb Мелкие собственники без наемных работников		
IVc Фермеры и прочие самозанятые работники в сфере первичного производства		
V Техники низкого уровня, супервайзеры в сфере физического труда	V Техники и супервайзеры	IIIa + V Промежуточный класс
VI Квалифицированные рабочие	VI Класс квалифицированного физического труда	IIIb + VI + VII Класс физического труда
VIIa Полу- и неквалифицированные рабочие (не в сельском хозяйстве)	VII Класс неквалифицированного физического труда	
VIIb Полу- и неквалифицированные рабочие в сельском хозяйстве		

Что в этой схеме поражает, так это отсутствие класса крупных работодателей — высшей буржуазии. Ныне крупными работодателями чаще являются организации, а не индивиды, однако существующие индивидуальные крупные работодатели отнесены к классу I. Эриксон и Голдторп (Erikson and Goldthorpe 1992, pp. 40–41) обосновывают эту практику двумя соображениями. Во-первых, эти индивиды обычно являются собственниками предприятий, отличающимися от предприятий мелкой буржуазии скорее в юридическом плане, нежели по существу. Они отнесены к классу I, а не IV в силу того, что «поскольку такие крупные собственники обычно весьма широко вовлечены как в управленческую, так и в предпринимательскую деятельность, можно считать, что у них гораздо больше общего с теми менеджерами на окладе из класса I, которым принадлежит существенная доля в праве собственности на предприятия, где они работают». Однако этот аргумент не слишком убедителен по той простой причине, что крупные собственники не состоят в служебных отношениях с работодателем, которые определяют данный класс. Исходя из этого их стоило бы отнести к классу IV. Во-вторых, крупные собственники или работодатели составляют «около 5 % всех мужчин, относимых к служебному классу (т. е. классам I и II) в западных индустриальных обществах, поэтому их нельзя ... из соображений реалистичности рассматривать как принадлежащих к капиталистической элите... При ближайшем рассмотрении они чаще всего оказываются владельцами магазинов, отелей, ресторанов, автомастерских, мелких фабрик или транспортных фирм» (Goldthorpe 1990, p. 435). Доля женщин-собственников в служебном классе, предположительно, будет еще ниже. Однако этот аргумент также скорее подтверждает версию, что подходящей позицией для них будет класс IV, а не I. Разумеется, на практике (и исходя из того, что частота появления крупных собственников в данных исследований отражает частоту, с которой они встречаются в общей массе населения) крупные собственники настолько малочисленны, что их отнесение что к классу I, что к классу IV вряд ли окажет существенное влияние на какие-либо выводы, которые можно сделать, скажем, касательно неравенства шансов мобильности. Тем не менее помещение их в класс I (вместо, скажем, нового подкласса IV класса) все-таки приводит к расхождению между теоретическими постулатами схемы и ее воплощением.

Переход от ранней к поздней формулировке классовой схемы Голдторпа не имеет операциональных последствий: то есть отнесение занятий к классам не претерпевает изменений (см. ниже). Более того, будет вполне обоснованно утверждать, что на теоретическом уровне эти две формулировки можно совместить, поскольку именно различия между позициями в плоскости природы контракта занятости обуславливают вариативность рыночной и рабочей ситуаций, значимых в более ранней версии. В обоих случаях зафиксированные схемой различия трактуются как порождающие различия в жизненных шансах: классовая позиция является детерминантой «опыта достатка или невзгод, экономической защищенности или незащищенности, перспектив постоянного улучшения материального состояния или жестких материальных ограничений» (Erikson and Goldthorpe 1992, p. 236).

Несмотря на протесты Голдторпа, есть некоторые основания обозначить его схему как «неовеберовскую» ввиду того, что она разделяет веберовскую сфокусированность на жизненных шансах и веберовскую скромность в плане области применения классового анализа⁵. Данная схема предназначена для исследования «взаимосвязей, обусловленных отношениями занятости на рынках труда и в производственных единицах... [а также] процессов, посредством которых индивиды и семьи распределяются и перераспределяются по этим позициям с течением времени; и последствий этого для их жизненных шансов» (Goldthorpe and Marshall 1992, p. 382). Кроме того, данная классовая схема не претендует на определение групп, играющих роль «локомотива социальных перемен», и не предполагает ни эксплуататорских отношений между классами, ни того, что у представителей класса автоматически разовьется классовое сознание и готовность к коллективному действию (Goldthorpe and Marshall 1992, pp. 383–384).

⁵ Нежелание Голдторпа определить свою классовую схему как веберовскую широко известно. Признавая, что принципы схемы во многом заимствованы у Маркса и Вебера, он, тем не менее, пишет: «... наш собственный подход часто упоминается и обсуждается как “веберовский”, однако мы не считаем это особо информативным или каким-либо образом полезным: ...важны следствия, а не предпосылки» (Erikson and Goldthorpe 1992, p. 37, fn. 10).

Проблема границ в неовеберянском классовом анализе

Неовеберянская классовая схема — это совокупность принципов, позволяющих, приписывая позиции классам, зафиксировать основные измерения дифференциации на рынках труда и в производственных единицах, оказывающие влияние на распределение жизненных шансов. При оценке неовеберянской, да и вообще любой классовой схемы важно различать критику, нацеленную, с одной стороны, на ее теоретические основы, а с другой — на ее конкретное применение, причем адекватность и тех, и других возражений можно в конечном счете оценить эмпирически. Очень часто встречается такой аргумент против классовых классификаций: в виду огромного разнообразия позиций на рынках труда и в экономических организациях, как может классовая схема вроде голдторповской, тем более предусматривающая относительно малое количество классов, претендовать на фиксацию значимых различий между позициями, оказывающими влияние на распределение жизненных шансов среди тех, кто их занимает?⁶

На это можно ответить, например, что сама по себе вариативность жизненных шансов индивидов либо семей в одном и том же классе не является теоретическим опровержением неовеберянской классовой схемы, поскольку чьи-либо жизненные шансы зависят, помимо классовой позиции, от целого ряда факторов. С этой точки зрения различия в жизненных шансах среди представителей одного класса следует рассматривать не как классовые различия вообще, а как различия, вызванные прочими факторами. Однако за этим может последовать возражение, что выбранное множество принципов не оптимально: то есть существует другое множество принципов, лучше справляющееся с задачей (что может, хоть и не обязательно, привести к более детализиро-

⁶ Вебер снимает это возражение, используя два набора критериев. Представители класса разделяют общие жизненные шансы, но социальные классы формируются из тех классов, мобильность между которыми является обычным делом. Брейгер (Breiger 1982) применяет эту идею для анализа таблицы 17-занятийной групповой мобильности, в которой и паттерн мобильности, и базовая классовая структура (агрегация исходных 17 категорий) проверяются на соответствие исходным данным. Однако у его подхода оказалось мало последователей.

ванной классификации занятий). К примеру, можно утверждать, что шкала профессионального престижа лучше фиксирует существенные для жизненных шансов различия между позициями. Или что сами занятия можно считать группами, чьи жизненные шансы различаются сильнее, чем у классов. Для ответа на это возражение потребуются как концептуальное разъяснение, так и эмпирический анализ. Во-первых, можно задаться вопросом, какие механизмы объясняют проистекающие из этих факторов вариации жизненных шансов. В случае классовой схемы Голдторпа на жизненные шансы влияет форма отношений занятости в силу различных вознаграждений и стимулов, ассоциирующихся с каждым из типов контрактов. Во-вторых, можно задаться вопросом, почему вообще было решено дифференцировать позиции таким образом. В схеме Голдторпа два типа контракта занятости являются попыткой решить стоящие перед работодателями проблемы специфичности активов и мониторинга работников. Поэтому альтернативные принципы конструирования классов должны подразумевать как минимум в той же мере достоверные механизмы и того и другого рода. Наконец, можно перейти к эмпирическим проверкам. Имея выбор между двумя теоретически обоснованными классификациями, эмпирический аналитик задастся вопросом, какая из них лучше предсказывает жизненные шансы, принимая при этом во внимание компромисс между объяснительной полнотой и лаконичностью.

Возражения такого рода фундаментальны и отличаются от тех, которые можно выдвинуть против конкретной операционализации ряда базовых принципов, с которыми могут быть согласны и критик, и защитник. В самом деле, в своей работе Эриксон и Голдторп (Erikson and Goldthorpe 1992) попеременно используют семи-, пяти- и трехклассовые версии⁷ классовой схемы Голдторпа и ни разу, если уж на то пошло, не применяют все 11 категорий. Они отмечают, что «при сохранении базовой идеи схемы,

⁷ 5-классовая версия группирует классы I, II и III в беловоротничковый класс; IVa и IVb — в класс мелкой буржуазии; IVc и VIIb — в класс сельхозработчих; V и VI — в класс квалифицированных рабочих; а VIIa остается отдельным классом неквалифицированных рабочих. 3-классовая версия дополнительно объединяет IVa и IVb с I, II и III в класс работников нефизического труда, классы V, VI и VII — в класс работников физического труда и сохраняет класс сельхозработчих (IVc и VIIb).

что классы следует определять в терминах отношений занятости ... дифференциация [классов] ... вне всякого сомнения, может быть углублена, если на то будут веские причины» (Erikson and Goldthorpe 1992, p. 46, fn. 18). Это согласуется с их утверждением, что классовая схема является *рабочим инструментом*, а не исчерпывающей картой *собственно* классовой структуры.

Несмотря на то, что позиции объединяются в классы в соответствии с отношением к средствам производства, а затем с наблюдающимся в их рамках типом отношений занятости, схема Голдторпа фактически никогда не операционализировалась путем измерения этих характеристик позиций и, исходя из этого, отнесения их к классам. Вместо этого занятия относят к тем или иным классам на основе знаний о типичных для них отношениях занятости. Это сделано из прагматических соображений. Важное преимущество состоит в том, что в эту схему можно перекодировать уже собранные данные. Именно так поступали с национальными наборами данных, использовавшимися в проекте Сравнительного анализа социальной мобильности в индустриальных странах (Comparative Analysis of Social Mobility in Industrial Nations — CASMIN), результаты которого воплотились в труде «Постоянная подвижность» (“The Constant Flux”) (Erikson and Goldthorpe 1992). Но это не значит, что одни и те же занятия всегда должны относиться к тем же самым классам. Со временем классовая принадлежность занятий может меняться, а в разных странах одно и то же занятие может помещаться в разные классы (что, судя по всему, допускалось в проекте CASMIN; см.: Erikson and Goldthorpe 1992, pp. 50–51).

Однако, поскольку тип отношений занятости определяется целым рядом различных характеристик (скажем, к перечисленным Эриксоном и Голдторпом характеристикам служебных отношений принадлежат прибавки к зарплате, пенсионные права и гарантии безопасности), возникает вопрос, как часто все они одновременно встречаются на практике в рамках занятий. Если бы, например, оказалось, что эти измерения отношений занятости слабо связаны друг с другом, это поставило бы под сомнение операционализацию базовых концептов в форме классов. Эванс и Миллз (Evans and Mills 1998) обращаются к этому вопросу, используя данные британских опросов 1984 года для анализа взаимосвязи между девятью индикаторами трудовых отношений. К таковым относятся наличие или отсутствие точно фиксированного времени прихода

на работу, способ оплаты труда (сдельная, почасовая, в зависимости от производительности труда и т. п.), принадлежность работы к общепризнанной карьерной лестнице и возможность самому работнику решать, как быстро выполнять работу. Применив к этим индикаторам латентно-классовый анализ, они получили четыре латентных класса. Это достаточно явное свидетельство того, что эти разнообразные аспекты отношений занятости не варьируют независимо друг от друга, а проявляются совокупно в четырех основных комбинациях. Более того, изучение паттерна вероятностей ответов по каждому пункту в рамках каждого латентного класса свидетельствует, с точки зрения Эванса и Миллза, что эти четыре класса примерно соответствуют беловоротничковому salariatu, классу менеджеров и супервайзеров низкого уровня, классу рутинного нефизического труда и классу работников физического труда. К примеру, в первом и третьем из этих классов вероятность фиксации прихода на работу составляет 0,05, в то время как для класса менеджеров и супервайзеров низкого уровня она равна 0,54, а для класса работников физического труда — 0,65. Первый и последний из этих классов можно трактовать как два полярных типа отношений занятости — служебных отношений и трудового контракта, а оставшиеся два представляют собой промежуточные классы. И действительно, Эванс и Миллз находят очень хорошее соответствие между этими латентными классами и голдторповскими классами респондентов: «78 % представителей латентного типа 1 обнаруживаются в голдторповских классах I и II, 95 % попадают в I, II и IIIa. Аналогично, не менее 89 % представителей латентного типа 4 обнаруживаются в голдторповских классах VI и VIIab, 96 % — в VI, VIIab и V» (Evans and Mills 1998, p. 95). Они утверждают, что эти результаты указывают на высокую критериальную валидность схемы Голдторпа, то есть степень ее успешности в разделении «структуры занятий таким образом, чтобы идентифицировать важные расслоения в характеристиках видов работ, которые Голдторп с коллегами считают теоретически значимыми» (Evans 1992, p. 213).

В более позднем анализе Эванс и Миллз (Evans and Mills 2000) используют гораздо более обширный и более свежий (собранный в 1996 году) набор данных по Британии и схожий, хотя не идентичный, набор из восьми индикаторов отношений занятости. На этот раз результаты их латентно-классового анализа показывают, что:

Небольшой латентный класс (1), от 8 % до 13 % населения, которые преимущественно вознаграждаются окладом плюс некоторой иной формой бонуса или дополнительной платы; с очень высокой долей вероятности не получают плату за сверхурочную работу; должны подавать заявление об увольнении не менее чем за месяц; распоряжаются временем начала и конца своей работы. На другом конце спектра обнаруживается класс (3), от 35 % до 45 % населения, с противоположными характеристиками. ... Между этими двумя группами находится класс (2), от 45 % до 52 %, которые вознаграждаются преимущественно окладом, часто получают плату за сверхурочную работу, должны подавать заявление об увольнении не менее чем за месяц и имеют несколько смешанные характеристики в плане распоряжения часами работы. (Evans and Mills 2000, p. 653)

Не удивительно, что Эванс и Миллз сопоставляют латентные классы 1, 2 и 3 со служебным, промежуточным и трудовым договорным соответственно. Однако на сей раз, обращаясь к вопросу критериальной валидности схемы, они заключают (Evans and Mills 2000, p. 657), что с операционализацией схемы имеются проблемы.

Большинство представителей голдторповского класса II не имеют контракта занятости “служебного” типа. Похоже, линия разграничения между служебным и промежуточными классами протекает по классу II, а не между классами II и IIIa. Также, по нашим оценкам, около трети работников из класса I не имеют “служебных” контрактов. (Ibid., p. 657)

Это ставит под сомнение рациональность следования практике целиком полагаться на наименования занятий как основу эмпирической классификации, по крайней мере в случае Британии и по крайней мере в целях определения служебного класса⁸. 12-летний интервал между датами сбора двух использованных Эвансом и Миллзом наборов данных наводит на мысль, что в последнее время имело место смещение наименований занятий и голдторповского служебного класса. Одно из правдоподобных предположений заключается в том, что расширительное употребление наименова-

⁸ Стоит, однако, упомянуть одну связанную с этими анализами сложность: они черпают информацию у наемных работников, чьи ответы касаются скорее их собственной позиции и опыта, нежели характеристик занимаемой ими позиции (к примеру, в вопросах о шансах на повышение). Возможно, информацию о позициях целесообразней получать у работодателей.

ний занятий могло привести к тому, что они стали менее точными индикаторами природы отношений занятости, как, скажем, все более частое употребление наименований вроде «менеджера» для обозначения все более разнообразных занятий. Во всяком случае, может быть оправданным перейти к использованию прямых измерений отношений занятости. Это позволит исследователям определить, какие элементы этих отношений сильнее всего связаны с конкретными классовыми эффектами, что явно будет полезно для поиска и определения механизмов, связывающих классовую позицию с этими эффектами. Действительно, отсутствие точных объяснений того, какие механизмы связывают тип отношений занятости с различиями жизненных шансов, составляет примечательное слабое место схемы Голдторпа. Работа Эванса и Миллза показала, в какой мере данная схема фиксирует различия отношений занятости, а множество других исследований показали связь классовой позиции и различий в жизненных шансах и прочие эффекты. Но, в общем и целом, отсутствует теоретическое описание того, каким образом эти различия могут объясняться последствиями таких изменений, и по этой причине недостает попыток подвергнуть их эмпирической проверке. Эта проблема была признана Голдторпом и другими (Erikson and Goldthorpe 1992, Ch. 11; Breen and Rottman 1995b), а недавно Голдторп (Goldthorpe 2000, Ch. 11) попытался ее решить. Однако эти объяснительные механизмы, поддерживающие конкретную теорию класса, должны служить основанием различения альтернативных теорий. Другими словами, эти предполагаемые механизмы не должны быть настолько общими, чтобы одинаково хорошо объяснять связь между эффектами и более чем одной теорией класса. Это «требование специфичности», назовем его так, может оказаться самым сложным для выполнения условием при разработке убедительной неовеберовской теории класса.

Единица классового анализа

До сих пор классы рассматривались как группировки позиций, а не индивидов. В этом случае имплицитный механизм, связывающий классовую позицию и жизненные шансы, прост: жизненные шансы индивида являются производными от занимаемой им кон-

кретной классовой позиции (или, в масштабе всей жизни, от последовательности занимаемых им позиций). Однако не все индивиды занимают одну из такого рода позиций, и в этих случаях жизненные шансы считаются производными от взаимоотношений между такими индивидами и теми, кто занимает позицию в классовой структуре. Так, классовая позиция ребенка является производной от позиции его родителей, а классовая позиция замужней женщины традиционно считается производной от позиции, занимаемой ее мужем. Но жизненные шансы тех, кто не занимает определенную позицию в классовой структуре, к примеру, ребенка или замужней женщины, не имеющей работы вне дома, будут зависеть не только от позиции их родителей либо ее мужа, но также от природы отношений между ребенком и родителями либо между женой и мужем. Иными словами, внутрисемейные и внутридомохозяйственные отношения вклиниваются между рынком и жизненными шансами индивида. Конечно, при этом возникает такая же проблема, как и при исследовании неравенства доходов, где вопросы распределения доходов внутри домохозяйств редко затрагиваются эмпирически.

Несмотря на эти аргументы, восприятие всех членов домохозяйства как занимающих одну и ту же классовую позицию давным-давно стало стандартом среди теоретиков класса. Когда позицию на рынке труда занимает лишь один член домохозяйства, как в сценарии «мужчина-кормилец», это представляет относительно небольшую проблему, но если оба супруга работают вне дома, начинаются сложности. Одни авторы (такие, как: Heath and Britten 1984) желают сохранить идею единой классовой позиции для домохозяйства, но при этом определяемой классовой позицией обоих супругов. Другие (напр.: Stanworth 1984) утверждают, что супругов следует считать носителями собственных классовых позиций, и вместо того, чтобы считать семью занимающей единую позицию в классовой структуре, ее судьбу следует трактовать как функцию обеих позиций. Голдторп и его коллеги возражают против и той, и другой точки зрения. Они предполагают, что поскольку женщины обычно имеют прерывистые карьеры на рынке труда, то, как следствие, анализ женской мобильности будет зачастую фиксировать существенную классовую мобильность, в значительной мере артефактную. Таким образом, подходящей единицей классового анализа является домохозяйство, а класс, к ко-

торому принадлежит оно само и его члены, должен определяться классовой позицией того из супругов, который имеет наиболее устойчивую привязку к рынку труда. Одним из способов измерения последней является так называемый подход «доминирования» (“dominance” approach) (Erikson 1984). Эмпирически, как правило, обладателем наиболее устойчивой привязки к рынку труда оказывается партнер мужского пола. «Однако нельзя предполагать, что это будет справедливо всегда... нетрудно представить себе обстоятельства... при которых применение подхода “доминирования” может привести к тому, что значительно больше семей будут отнесены к какому-либо классу на основе занятия женщины» (Breen and Rottman 1995a, pp. 166–167).

Один из способов концептуализации этих конкурирующих подходов заключается в том, чтобы несколько формализовать их определение. Допустим, перед нами стоит цель объяснить вариативность некоего эффекта, Y , измеренного на индивидуальном или семейном уровне (скажем, уровне образования индивида или уровне жизни семьи) в терминах социального класса, X , который мы можем измерить двумя способами (по одному для каждого супруга в домохозяйстве), обозначенными X_m и X_w . В этом случае описанная выше проблема сводится к вопросу функциональной формы отношения между Y , X_m и X_w . В самом общем виде это можно записать как $Y = f(g(X_m, X_w))$. Здесь f обозначает форму отношения между Y и $g(X_m, X_w)$, а g определяет, как X_m и X_w обрабатываются в анализе. Если индивидуальный подход к классовой принадлежности выступает моделью, задающей $g(X_m, X_w)$ равным X_m либо X_w , то так называемые конвенциональные подходы представляют g как отображение два-к-одному из (X_m, X_w) в X . К примеру, в подходе «доминирования» $g(X_m, X_w)$ является функцией, выявляющей доминирующий элемент в паре X_m и X_w . Теперь, когда у нас есть запись в таком виде, становится очевидно, что g может обозначать множество функций: например, связь между латентным классом X и двумя индикаторами X_m и X_w . Эта небольшая формализация предоставляет способ эмпирического решения данных проблем. Поскольку неовеберовский классовый анализ связан с распределением жизненных шансов, можно попытаться определить, какие возможные функциональные формы для g лучше всего описывают вариации жизненных шансов индивидов в зависимости от выбора f .

Выводы

Неовеберианский подход к классовому анализу зиждется на конструировании схемы, основанной на принципах, фиксирующих основные измерения дифференциации позиций на рынках труда и в производственных единицах, важные для распределения жизненных шансов. Выбранный принцип является теоретической основой, а соответствующая классовая схема — его операционализацией. В силу этого эмпирическое исследование можно развивать по крайней мере в двух важных направлениях. С одной стороны, можно попытаться узнать, насколько существенно важен класс для объяснения вариативности жизненных шансов, особенно в сопоставлении с другими основаниями социального неравенства, такими как принадлежность к этнической группе, пол и т. д. И, конечно же, это исследование можно дополнить сравнениями силы классовых эффектов в различных странах и в различные временные периоды. С другой стороны, существование и сила взаимосвязи между классом и другими явлениями также могут служить темами эмпирического исследования. Но если классы предназначены для фиксирования различий, имеющих значение в первую очередь для распределения жизненных шансов, тогда их представители могут вести себя схожим образом, иметь схожие установки или принимать участие в коллективном действии и т. п., но могут этого и не делать. Поскольку вариативность тех и других результатов можно каузально связать с вариативностью жизненных шансов и поскольку те аспекты организации рынков труда и производственного процесса, которые формируют жизненные шансы, также являются детерминантами тех и других результатов, постольку мы сможем обнаружить связь между ними и классом. Очень часто каузальная связь между жизненными шансами и эффектами, например, коллективным действием, будет зависеть от других обстоятельств, и тогда, как признавал Вебер, взаимосвязь с классом может существовать, а может и отсутствовать. Однако во многих случаях между жизненными шансами и прочими эффектами будет устойчивая связь. Возвращаясь к сказанному ранее: если жизненные шансы определяют условия осуществления определенных типов действия, — включая имеющиеся у людей интересы (которые они могут выражать, скажем, в форме голосования) и ресурсы, которые они способны задействовать (и которые могут быть важны,

скажем, для формирования уровня образования их детей), — то вариативность этого действия будет структурирована согласно классовой позиции. Впрочем, предположим, что в данном конкретном случае связь не обнаружена, как это происходит, когда оказывается, что классы не являются основой коллективной идентичности. Должны ли мы на основании этого прийти к заключению, что класс не имеет значения или же что конкретная классификация неадекватна? Мой ответ таков: мы должны сделать вывод, что отличия, приводящие к различиям в жизненных шансах, не совпадают с отличиями, служащими основой коллективной идентичности. Однако важный момент состоит в том, что эти последние разновидности эффектов не входят в неовеберовскую классовую схему. К примеру, так называемые *gemeinschaftlich* идеи класса — то есть видение классов как субъективно реальных общностей — не являются неотъемлемой частью неовеберовского подхода⁹.

Тем не менее, даже если эти другие эффекты не являются составной частью класса в неовеберовском понимании, значимость класса как социологической концепции непременно будет зависеть от того, насколько сильно он связан с ними, равно как и с жизненными шансами. Если бы класс не предсказывал существенных эффектов, он был бы никому не интересен. Однако не вызывает сомнения, что во многих сферах, центральных для социологического проекта, снижение влияния класса не наблюдается; напротив, есть определенные сигналы, что его влияние растет. Сборник под редакцией Шавита и Блоссфельда (Shavit and Blossfeld 1993) свидетельствует, что влияние классового происхождения на уровень образования детей в течение XX века в тринадцати развитых странах не снижалось. Статьи в (Evans 2000) демонстрируют, что широко разрекламированное «общее затухание классового голосования» является неверным описанием весьма запутанных и варьирующих от страны к стране трендов данного феномена. В Скандинавии классовое голосование выглядит ослабевшим, однако в Германии, Франции и других странах такие изменения во времени не зафиксированы. Наконец, что касается сферы социальной мобиль-

⁹ В самом деле, в собственных трудах Голдторпа, а также в работах тех, кто использует его классовую схему, вопросам демографической классовой формации и их следствиям уделяется относительно мало внимания (в отличие от, к примеру, более ранней работы Голдторпа (Goldthorpe 1980), посвященной мобильности в Англии и Уэльсе). Ныне эта классовая схема

ности, в работе (Breen and Goldthorpe 2001) показано, что в Британии за последнюю четверть XX века степень влияния классового происхождения на классовые предопределенности не изменилась. Это утверждение сохраняет силу, даже если сделать поправки на уровень образования и индивидуальные способности. Так что и этот результат можно присовокупить к свидетельствам долгосрочной временной стабильности паттернов классовой мобильности в Европе, зафиксированной еще Эриксоном и Голдторпом (Erikson and Goldthorpe 1992).

используется главным образом как средство фиксации неравенств жизненных шансов.

3 Основы неодюркгеймианского классового анализа¹

Дэвид Граски в соавторстве с Габриэлой Галеску

Классовоаналитическая традиция подвергается всё более яростным нападкам со стороны постмодернистов, антимарксистов и прочих комментаторов, утверждающих, что концепт класса является устаревшим конструктом, полезность которого для понимания современного и постмодерного неравенства неуклонно снижается². В таком положении дел в значительной степени виноваты сами классовые аналитики, неизменно конструировавшие классовую структуру из высокоагрегированных категорий, которые, при всей своей популярности в кругах ученых-теоретиков, никогда не были глубоко институционализированными во внешнем отношении этих самых кругов мире и, как следствие, не выдер-

¹ Мы признательны Эрику Райту и студентам его дипломного семинара за исключительно подробные и проницательные отзывы на рукопись данной главы. Мы также получили полезные комментарии на связанную с ней статью от Джулии Адамс (Julia Adams), Джефффри Александера (Jeffrey Alexander), Вивека Чиббера (Vivek Chibber), Далтона Конли (Dalton Conley), Пола Димаджо (Paul DiMaggio), Кэтлин Герсон (Kathleen Gerson), Гильермины Джассо (Guillermina Jasso), Мишель Ламонт (Michèle Lamont), Джефффри Пейджа (Jeffery Paige), Филипа Смита (Philip Smith), Маргарет Сомерс (Margaret Somers), Джорджа Стейнметца (George Steinmetz), Ким Уиден (Kim Weeden), Брюса Уэстерна (Bruce Western) и Ю Се (Yu Xie). При подготовке данной главы мы опирались на материалы, ранее опубликованные в работах (Grusky and Sørensen 1998; Grusky and Weeden 2001; Grusky, Weeden and Sørensen 2000). Исследование, результаты которого изложены здесь, было частично поддержано Национальным научным фондом (SBS-9906419).

² Примеры см. в: (Hall 2001; Pakulski and Waters 1996a, 1996b, 1996c; Lee and Turner 1996; Clark 1996; Joyce 1995; Kingston 2000, 1994; Clark and Lipset 2001, 1991; Pahl 1989).

живают испытания на реалистичность. Скатываясь к номинализму, классовоаналитическая традиция становится особо уязвимой для критики, в частности, со стороны постмодернистов, утверждающих, что теоретики прибегают ко всё более невнятным и замысловатым формам представления классовой структуры из-за того, что место производства (*site of production*) больше не генерирует хорошо организованные классы, четко различимые и для ученых-теоретиков, и для всех остальных.

Цель этой главы состоит в очерчивании неодаюркгеймианской альтернативы такому постмодернизму, указывающей на устойчивость классоподобной структурированности на более дезагрегированном уровне, нежели принято среди классовых аналитиков. Отсюда следует, что классовый анализ достоин спасения; то есть вместо того, чтобы отвлечься от места производства и сконцентрироваться на прочих источниках установок и поведения (таких, как раса, этническая принадлежность, пол), стоит признать, что рынок труда действительно устроен в виде классов, однако на более детализированном уровне, нежели предполагалось традиционно. Огромным преимуществом дезагрегации является возможность замены номинальных категорий традиционного классового анализа *gemeinschaftlich* (нем. — *общностными*) «микрочлассами», вплетенными в саму ткань общества и вследствие этого значимыми не только для социологов, но и для непосвященной публики.

Учитывая сказанное, должно быть очевидно, что наш неодаюркгеймианский подход побуждает нас сделать решительный выбор в пользу реалистских классификаций, понимаемых как схемы, составляющие категории которых институционализированы на рынке труда³. В противоположность этому, ученые, работающие в рамках номиналистской традиции, стремятся сконструировать

³ Данное определение игнорирует некоторые проблемы, в том числе а) стоящую перед аналитиками операциональную сложность выделения институционализированных категорий и неизбежное вследствие этого использование введенных самими аналитиками «конструкций» (даже в том случае, если ставится цель как можно лучше отобразить институционализированные категории) и б) типичные настойчивые утверждения исследователей, работающих в рамках номиналистской традиции, что предпочитаемые ими категории основываются на каузальных силах или процессах (к примеру, эксплуатации), всецело «реальных» вне зависимости от того, институционализированы ли эти категории в данный момент на рынке труда. Мы вернемся к этим проблемам в последующих подразделах данной главы.

ровать классовые категории, отражающие социальные процессы, силы или различия, считающиеся *аналитически* фундаментальными, даже если категории, вытекающие из этих подходов, слабо институционализированы. В некоторых случаях к таким номиналистским моделям подмешивается теория истории, в результате чего появляются побочные утверждения, что «латентные» в настоящее время (но аналитически фундаментальные) классовые категории могут некогда стать значимыми для *акторов*, послужить основанием коллективного действия либо превратиться в институционализированные группировки, ведущие коллективные переговоры от имени своих членов. Безусловно, среди ученых существует множество мнений касательно того, какие именно процессы и силы (к примеру, эксплуатацию, отношения власти, условия занятости, жизненные шансы) считать фундаментальными, а значит, генерирующими классы, способные в будущем стать более глубоко институционализированными. Широко известно, что сделать выбор в пользу той или иной из этих конкурирующих моделей может быть крайне сложно, особенно если они основываются на теории истории, требующей от ученых повременить с окончательным суждением до некоего момента в (вероятно) далеком будущем. Мы считаем, что пора заняться более эмпирически жизнеспособным проектом описания таких структур в месте производства, которые можно обнаружить в настоящее время⁴.

Данная линия аргументации имеет отчетливо дюркгеймианские корни, не раскрытые адекватно в наших предыдущих работах⁵. В некоторых из них мы должным образом признавали свой интеллектуальный долг перед Дюркгеймом (см., в частности: Grusky and Sørensen 1998, pp. 1192, 1196, 1219), однако связь между нашим микроклассовым подходом и аргументами Дюркгейма, пожалуй, всё-таки стоит раскрыть более подробно. У нас

⁴ Категории реалистской схемы в силу своей институционализации, пожалуй, будут признаваться непосвященной публикой и восприниматься как значимые. Однако наше формальное определение реалистских подходов всецело базируется на критерии институционализации, в силу чего свойство реалистских категорий приобретать субъективную осязаемость становится (возможным) эмпирическим результатом, выходящим за пределы определения как такового.

⁵ См., к примеру: (Grusky and Sørensen 1998, 2001; Grusky and Weeden 2002, 2001; Grusky, Weeden, and Sørensen 2000).

есть веские причины заняться этим именно сейчас. В конце концов, на данный момент лишь немногие ученые рискнули предложить переработанный дюркгеймианский подход к классовому анализу, несмотря на то, что многочисленные марксистские модели вышли из моды, а дюркгеймианские, вполне вероятно, предоставляют альтернативу, в значительной степени фиксирующую институциональную реальность современных классовых систем (см.: Parkin 1992, p. 1; Pearce 1989, p. 1; Müller 1993, p. 106; cf.: Lee 1994; Fenton 1980; Lehmann 1995). Конечно, мы не хотим сказать, что теоретики вообще игнорировали Дюркгейма, однако современная экзегеза фокусируется скорее на «Элементарных формах религиозной жизни», пытаясь найти там необходимый классический источник культурного разворота в социологии (см.: Smith and Alexander 1996; Meštrović 1992). Более того, когда современные классовые аналитики *все-таки* брались за труд «О разделении общественного труда», то часто из негативных мотивов — ради опровержения дюркгеймианских или неомарксистских классовых моделей, а не развития какого-либо позитивного анализа⁶.

Такое состояние дел может показаться странным, учитывая долгую и почтенную традицию трактовки стратификационными учениями занятий как «хребта» классовой системы (см., в частности: Parkin 1971; Featherman, Jones, and Hauser 1975; Duncan 1968, pp. 689–690; Parsons 1954, pp. 326–329). Чтобы понять, почему при всём при этом Дюркгейма игнорировали, следует отметить, что исследователи стратификации обычно предпочитают шкалировать занятия в терминах социально-экономического градиента, а работа Дюркгейма не дает какого-либо очевидного обоснования подобной процедуры. Соответственно, явное отсутствие упоминаний Дюркгейма в нынешних комментариях по поводу класса

⁶ См., к примеру: (Mouzelis 1993; Bottomore 1981; Tiryakian 1975; Dahrendorf 1959, pp. 48–511; Zeitlin 1968; cp.: Pope and Johnson 1983; Hawkins 1996, 1994; Müller 1993; Thompson 1982; Lukes 1973; Hall 1993; Nisbet 1952; Giddens 1971, 1972, 1978; Watts and Miller 1996; Filloux 1993). Примечательным исключением в контексте этого утверждения является новаторская работа Локвуда (Lockwood 1992), в которой он показывает, что дюркгеймианская модель рассматривает инструментальную деятельность как необъясненный остаток (unanalyzed residual), в то время как марксистская модель, напротив, трактует как такой необъясненный остаток нормативную деятельность. Таким образом, эти модели можно считать неполными и взаимодополняющими.

вызвано главным образом тем, что его проект нельзя рассматривать в качестве предшественника какого-либо из традиционных подходов классового анализа, в том числе соотносящих занятия или работы с агрегированными классами, равно как и соотносящих их с социально-экономическими шкалами.

Мы намерены изложить классовоаналитический подход, явным образом опирающийся на техническое разделение труда (*technical division of labor*) и, таким образом, отличающийся более ярко выраженной дюркгеймианской преемственностью. С этой точки зрения, не может не удивлять, что классовые аналитики не только игнорировали всё это время работу «О разделении общественного труда», но старательно избегали *вообще* какого бы то ни было анализа технического разделения труда, даже не дюркгеймианского толка. Действительно, почти 25 лет назад Райт (Wright 1979) отметил, что «относительно мало основательных теоретических рефлексий о логике соотношения класса с позициями в рамках технического разделения труда» (р. 12), и подобный вывод, пожалуй, будет справедлив и сегодня (см. также: Kemper 1972, р. 739). Мы постараемся исправить существующее положение дел, обсуждая: а) каким образом Дюркгейм, скорее непреднамеренно, разработал классовый анализ, основанный на техническом разделении труда; б) как этот классовоаналитический подход может быть модифицирован для описания того развития событий, которого Дюркгейм не предполагал в полной мере; и в) каким образом получившийся в результате подход, будучи, вероятно, шагом вперед по сравнению с традиционными формами классового анализа, тем не менее оставляет нерешенными некоторые важные проблемы.

Дюркгейм и классовая структура: выборочная экзегеза

Итак, для начала рассмотрим, как Дюркгейм подходил к вопросам класса и занятия, опираясь не только на его знаменитое предисловие к книге «О разделении общественного труда», но и на соответствующий комментарий в «Самоубийстве» и других работах (см., в первую очередь: Hawkins [1994], где содержится развернутая трактовка). Во вторичной литературе по данным вопросам отмечается (часто не без возражений), что Дюркгейм воспри-

нимал классовый конфликт как сугубо переходную черту раннего индустриализма, таким образом «игнорируя ... [стойкие] последствия классовых расколов» (Zeitlin 1968, p. 235; Lockwood 1992, p. 78; Bottomore 1981). Широко известно, что Дюркгейм и впрямь утверждал, что классовый конфликт раннего индустриального периода в конце концов угаснет, поскольку а) развитие государственного и трудового регулирования должно обеспечить моральный контроль конфликта интересов (т. е. произойдет «институционализация» конфликта) и б) увеличение мобильности на основе достижений, делающее их во все большей мере обусловленными скорее дифференциацией таланта, способностей и инвестиций, чем дифференциацией возможностей, должно легитимировать неравенство доходов (т. е. возобладает принцип «равенства возможностей»). В свете последних событий не вполне понятно, почему эти акценты в работе Дюркгейма расценивают как недостаток, ведь они предвещают важные тенденции, сопровождающие переход к развитому индустриализму. Фактически обе силы — нормативного регулирования и меритократического распределения — затрагивались во многих последующих дискуссиях об «институционализации» классового конфликта (см., к примеру: Dahrendorf 1959), пусть даже ранние работы Дюркгейма не всегда удостоиваются в этих комментариях вполне заслуженного внимания.

Институционализация конфликта побуждала современных классовых аналитиков отойти от макроуровневых теорий истории и соответствующих эволюционных нарративов (см.: Holton and Turner 1989), отдав, вместо этого, предпочтение использованию классовых категорий в рамках более скромной академической задачи объяснения современного микроуровневого поведения (к примеру, электорального поведения, жизненных стилей). В этой связи возникает очевидный вопрос: являются ли классовые категории, разработанные Марксом и другими для макроуровневых целей, оптимальными и для такой более узкой микроуровневой объяснительной исследовательской программы (Grusky and Weeden 2001). Исследователи современных классовых отношений в большинстве своем приходят к выводу, что не являются, и это ведет к разного рода попыткам увеличить объяснительную силу классовых моделей путем введения дополнительных разграничений в рамках категории труда. Однако главным недостатком таких попыток является то, что лежащие в их основе категории являются

лишь чисто внешне институционализированными, при этом исследователи стремятся обосновать свои конкурирующие схемы какими угодно критериями, кроме, казалось бы, самого очевидного — что эти самые базовые категории должны иметь хоть какую-то институциональную достоверность.

В этом контексте учение Дюркгейма опять-таки поучительно, поскольку перефокусирует внимание на типы промежуточных групп, которые возникали на прошлых рынках труда и, с большой долей вероятности, будут характеризовать и будущие. Таким образом, можно утверждать, что Дюркгейм сделал вклад в классовый анализ сразу на двух фронтах, одновременно предоставив а) негативный макроуровневый сюжет о социальных силах (к примеру, об институционализации конфликта), которые в долгосрочной перспективе делают большие/крупные классы (*big classes*) нежизнеспособными, и б) позитивный микроуровневый сюжет о «малых классах» (“*small classes*”) (т. е. *gemeinschaftlich* занятиях), которым суждено возникать в местах производства и формировать индивидуальные ценности, жизненные шансы и жизненные стили. Последний микроуровневый сюжет, обычно отбрасываемый как нерелевантный для классового анализа, является главной темой данного нашего комментария. Мы обращаемся к этому сюжету, поскольку можно показать, что малые классы приобретают свойства, которые классовые аналитики традиционно (однако ошибочно) приписывали большим классам.

Излагая данный микроуровневый сюжет, необходимо признать, что Дюркгейм (успешно) обходит молчанием непосредственные механизмы возникновения занятийных ассоциаций (*occupational associations*), поскольку он просто исходит из функционалистского постулата, что те эффекты, которые предположительно служат целям системы, в конце концов одержат верх. Этот подход приводит Дюркгейма к уравниванию «нормального, идеального и возможного» (“*the normal, the ideal, and the about-to-happen*”) (Lukes 1973, p. 177). Маркс же и большинство неомарксистов, напротив, выдвигают на первый план избыливающие механизмы анализа, опирающиеся на такие силы, как эксплуатация, антагонистические интересы и конфликты в качестве непосредственных причин постулируемых конечных состояний. В некоторых своих работах Дюркгейм все-таки намекает на непосредственные механизмы, но по большей части его правомерно упрекать в

уклонении от «перехода к исследованию причин» (Bottomore 1981, p. 911). Тем не менее стоит задаться вопросом, фиксирует ли описанное Дюркгеймом конечное состояние некоторые тенденции в развитии современных систем неравенства.

Как же, в таком случае, можно охарактеризовать взгляды Дюркгейма на «нормальное, идеальное и возможное» (Lukes 1973, p. 177)? На этот вопрос мы ответим ниже, описав три формы микроуровневой организации, которым, по Дюркгейму, суждено возникнуть в местах производства.

Возникновение занятийных ассоциаций

Работу «О разделении общественного труда» поучительней всего толковать как расширенный дискурс об уровне (т. е. классовом или «микрорассовом»), на котором место производства приобретает организованность⁷. Когда классовые аналитики резюмируют эту работу, они обычно делают акцент на утверждении, что большие классы являются сугубо переходными и будут исчезать по мере возникновения «нормальных» форм адаптации (т. е. на «негативном макроуровневом сюжете»), в то время как предсказываемое увеличение социальной организации на локальном занятийном уровне (т. е. «позитивный микроуровневый сюжет») игнорируется или рассматривается как нерелевантное. Мы же, напротив, считаем, что микроуровневый сюжет Дюркгейма достоин более пристального изучения, причем не только потому, что локальная организация может приобретать классоподобные свойства (как будет показано ниже), но и потому, что она может вытеснить или заменить более агрегированную разновидность классовой формации. И действительно, Дюркгейм утверждал, что занятияные ассоциации обречены стать основной организационной формой, «пребывающей между государством и индивидом» (Durkheim 1960 [1893], p. 28) и дополняющей как марксистские классы, так и прочие формы про-

⁷ Взгляды Дюркгейма на занятияные ассоциации эволюционировали и изменялись в течение всей его карьеры (великолепная экзегеза приведена в: Hawkins [1994]). В начале 1890-х годов Дюркгейм начал разбирать позитивные функции занятияных ассоциаций, однако в то время считал их преимущественно «временным противоядием от современных социальных проблем» (Hawkins [1994], p. 473). Свою полноценную «теорию» занятияных ассоциаций он сформулировал лишь в конце 1890-х годов.

межуточных организаций (к примеру, семью). Хотя Дюркгейм делал акцент на неформальных узах и связях, культивируемых в занятийных ассоциациях, он также описал ряд формальных функций, которые эти ассоциации с большой долей вероятности должны брать на себя, включая: а) установление и администрирование системы занятийной этики, б) разрешение конфликтов между членами ассоциации и с другими ассоциациями и в) функцию элементарных представительских органов в политическом управлении (см.: Durkheim 1960 [1893], pp. 26–27; Durkheim 1970a [1897], pp. 37–382). Перечисленные функции лучше всего выполняются на локальном уровне, поскольку «деятельность может эффективно регулироваться только группой, достаточно хорошо знакомой с ней (деятельностью), чтобы знать принципы ее функционирования [и] все, чего она требует» (Durkheim 1960 [1893], p. 5).

Историческими предшественниками этих ассоциаций являются средневековые гильдии, при этом они имеют некоторую схожесть и с повсеместно распространенными ныне профессиональными и цеховыми ассоциациями. Для Дюркгейма стало откровением, что занятияные ассоциации имеют столь долгую историю, уходящую в глубокую древность, и их ранние формы, несомненно, возникли «как только возникли ремесла» (Durkheim 1960 [1893], p. 7). Дюркгейм рассудил, что раз занятияные ассоциации обнаруживались на протяжении всей истории, они должны обладать «вневременной аутентичностью» (Parkin 1992, p. 77), что наводит на мысль о важных базовых функциях. Из их числа Дюркгейм особо выделил тот факт, что занятия могут обуздывать чрезмерные амбиции и ожидания, по крайней мере побуждая работников соотносить свои ожидания по поводу вознаграждения с занятияными нормами, а не с каким-либо менее достижимым стандартом. Таким образом, эгоизм, сорвавшийся с цепи после слома традиционного общественного порядка, может быть укрощен, если подчинить работников новой форме надындивидуальной власти на занятияном уровне (Durkheim 1960 [1893], p. 10). Из этого косвенно следует, что макроуровневый и микроуровневый сюжеты, представленные в работе «О разделении общественного труда», тесно взаимосвязаны, и постепенный упадок больших классов отражает, в частности, институционализацию занятий и последующую легитимацию неравенств, что одновременно а) подрывает единство рабочего класса и б) убеждает работников воспринимать занятия-

ные различия в вознаграждении (включая таковые между большими классами) как должные и приемлемые. Если у Дюркгейма и есть классовоаналитическая теория истории, то она явно подчеркивает роль занятий как оправдывающих неравенство, делающих его приемлемым и, как следствие, дискредитирующих более впечатляющие теории истории, развиваемые Марксом и многочисленными неомарксистами.

«Локализация» коллективного сознания

Возникновение занятийных ассоциаций также касается «проблемы порядка» и предлагаемого Дюркгеймом ее решения⁸. Многие социологи (см.: Parsons 1967, 1968 [1937]) выражали сильную обеспокоенность тем, что по мере упадка традиционных форм организации силы дифференциации и специализации могут оказаться дезадаптивными, приводящими к чрезмерному эгоизму, произволу индивидуального действия и угасанию приверженности коллективным целям. Эта обеспокоенность, в свою очередь, спровоцировала поиски компенсаторных процессов, способных обуздать или хотя бы уравновесить эти индивидуализирующие силы. Когда в такой литературе упоминается Дюркгейм, ему зачастую приписывают распознавание того, что модерное коллективное сознание трансформировалось, вбирая в себя все более абстрактные и обобщенные чувства, в первую очередь утверждающие достоинство индивидов (т. е. «культ индивидуальности») и их право на свободное использование имеющихся возможностей без оглядки на обстоятельства рождения (т. е. «равенство возможностей»). По своему содержанию эти убеждения формируют глубоко индивидуалистическую «религию» (Durkheim 1960 [1893], p. 172), вместе с тем они разделяются многими людьми и, в силу этого, конституируют современное коллективное сознание.

Однако последний сюжет был бы неполон и незавершен без параллельного обсуждения возникновения занятийно специфичных

⁸ Общеизвестно, что Парсонс (Parsons 1949, 1967) стремился интерпретировать всю классическую социологию, включая «О разделении общественного труда», как касающуюся непосредственно вопросов социального порядка. В то же время другие ученые (в особенности Giddens 1983) утверждали, что Парсонс приписывал чужим работам, в особенности Дюркгеймовой, собственную специфическую проблематику.

представлений и того, как они действуют, подавляя эгоизм, связывая работников в надындивидуальную общность и, таким образом, противодействуя силам индивидуализации⁹. Дюркгейм, вне всякого сомнения, признавал, что модерным занятиям не суждено выработать тотальную, всеохватывающую мораль, как у традиционных социальных систем (см.: Pope and Johnson 1983, p. 684; Hawkins 1994, p. 464), однако его впечатляло, сколь «императивными» правила занятийной морали были в прошлом и, с большой долей вероятности, останутся в будущем (Durkheim 1960 [1893], p. 227). Конечно, эта новая форма солидарности связывает индивидов с локальными подгруппами (т. е. занятиями), а не непосредственно с более широким обществом; как следствие, современная тенденция заключается в движении к «моральному полиморфизму» (Durkheim 1958, p. 7), под которым подразумевается возникновение множественных занятийной специфичных «центров моральной жизни» (Durkheim 1958, p. 7; см. также: Hall 1993). Таким образом, на ценностном уровне дюркгеймианское решение затрагивает не только интеграционные воздействия крайне абстрактных общесистемных чувств, но и «механическую солидарность», сохраняющуюся в той мере, в какой более конкретные и специфические чувства притуляются и находят новое выражение в рамках занятийных группировок (см.: Parsons 1968 [1937], p. 339)¹⁰.

Разумеется, эту линию рассуждений развивали последующие поколения французских социологов. К примеру, Бугле (Bouglé 1971 [1927]) рассматривал индийскую кастовую систему как крайний случай «морального полиморфизма», при котором занятияные сообщества организованы на глубоко иерархических началах, чрезвычайно хорошо защищены от «загрязняющего» взаимодействия (к примеру, смешанных браков) и достигли необычайной степени самовоспроизводства (т. е. наследственного закрытия). Хотя

⁹ См.: (Durkheim 1960 [1893], pp. 2, 4–5, 10; Pope and Johnson 1983, pp. 682–684; обзор других релевантных работ см. в: Hawkins [1994]).

¹⁰ Если строго применять терминологию Дюркгейма, упоминать «механическую солидарность» в данном контексте непозволительно, поскольку данный термин зарезервирован для традиционных обществ, в которых коллективное сознание образуют разделяемые всеми членами представления и чувства. Мы используем здесь этот термин только потому, что он проясняет, что внутризанятийная солидарность произрастает из подобий между индивидами (см.: Pope and Johnson 1983).

для Бугле индийский случай представляет собой чистейшую форму кастовой системы, это лишь «уникальное расширение всеобщих тенденций» (Bouglé 1971 [1927], p. 28), генерирующих глубокую занятыйную дифференциацию во всех обществах. Аналогично, Хальбвакс (см., напр.: Halbwachs 1992 [1945]) утверждал, что занятия склонны культивировать отличительные традиции и формы сознания, и приводил примеры такого полиморфизма, зачастую опиравшегося как на детализированные занятия (detailed occupations) (к примеру, генерал, законодатель, судья), так и на большие классы (big classes) (см. также: Halbwachs 1968; Coser 1992, pp. 18–20). Однако еще отчетливей дюркгеймианский образ «морального полиморфизма» проявляется в (сравнительно) недавней работе Бурдьё «Различение: социальная критика суждения» (Bourdieu 1984 [1979]), в которой он охарактеризовал габитус и генерируемые им отличительные жизненные стили в терминах довольно детализированных занятий (к примеру, профессора, медсестры), хотя с оговоркой, что такие занятия служат источником только неточных сигналов о «гомогенных условиях существования» (p. 101).

Для классовых аналитиков практический результат дюркгеймианской формулировки заключается в том, что детализированные занятия в большей степени, нежели большие классы, становятся основным местом, где генерируются отличительные установки и жизненные стили. Как пишет Дюркгейм, занятиям присущи собственные культуры, включающие «определенные идеи, определенные привычки и определенные взгляды на вещи» (Durkheim 1956 [1911], p. 68), и для работников принадлежать к ним столь же естественно и неизбежно, как «дышать воздухом», окружающим их (Durkheim 1970b [1905], p. 286; цит. по: Watts and Miller 1996, p. 125). Эти специализированные культуры возникают, поскольку а) силы самоотбора приводят в одно и то же занятие схожих работников (Durkheim 1960 [1893], p. 229); б) образующееся в результате социальное взаимодействие с коллегами обычно укрепляет и развивает эти общие вкусы и чувства (pp. 228–229, 361); и в) представители занятий имеют общие интересы, которые можно преследовать, в частности, отождествляя себя со своим занятием и достигая коллективных целей (pp. 212–213). Если сообщества практической деятельности и впрямь локализуются таким образом, то традиционную микроуровневую задачу объяснения разного рода классовых эффектов (т. е. уста-

новок, поведения, жизненных стилей) лучше всего решать на локальном занятыйном уровне. По сути, Дюркгейм описывает унификацию класса и статусной группы, которая, согласно Веберу (Weber 1968b [1922]), в контексте традиционных агрегированных классов имеет место крайне редко.

Занятия и органическая солидарность

Дюркгеймовское решение проблемы порядка включает две составляющие: первая предполагает возникновение занятыйно специфических чувств, генерирующих механическую солидарность (как описано выше), а вторая — возникновение занятыйных взаимозависимостей, генерирующих органическую солидарность. Рассмотрим вторую часть данного сюжета и ее последствия для классового анализа. Как и ранее, мы обнаружим, что детализированные занятия играют главную роль в дюркгеймианском видении, но на сей раз не как вместилище общих моральных чувств (т. е. «механической солидарности»), а как элементарные единицы взаимозависимости (т. е. «органической солидарности»).

Естественной отправной точкой в данном случае служит давнишняя обеспокоенность (см., напр.: Smith 1991 [1776]; Comte 1988 [1830]) по поводу того, что силы занятыйной специализации и дифференциации могут вызывать отчуждение, поскольку делают труд всё более рутинным и монотонным. В ответ на это Дюркгейм (Durkheim 1960 [1893]) выдвигает предположение, что эти отчуждающие воздействия можно нейтрализовать, если работники «постоянно имеют дело со смежными функциями» (р. 372), что позволяет им осознать значимость своей роли в рамках разделения труда и убедиться, что их «действия по своим целям выходят за собственные пределы») (pp. 372–373). В этом смысле предельная специализация не обязательно должна порождать отчуждение, поскольку индивиды будут осознавать и ценить свой вклад в коллективное предприятие вне зависимости от того, сколь невелик, однообразен или зауряден этот самый вклад¹¹. Следует под-

¹¹ Хотя скептик мог бы обоснованно поинтересоваться, являются ли банальные коллективные аспекты повседневной жизни достаточно вдохновляющими, чтобы наделить самые рутинные работы особым смыслом, дюркгеймианская позиция всё же становится более прозрачной, когда это коллективности (collectivities), ориентирующиеся на особо драматичные или воодушевляю-

черкнуть, что у Дюркгейма локальная организация опять же работает на подрыв агрегированной классовой формации; то есть постоянный контакт со «смежными функциями» (р. 372) позволяет работникам оценить взаимозависимости и наделить свой труд неким высшим смыслом, таким образом опровергая любую конкурирующую марксистскую интерпретацию труда как эксплуататорского и отчуждающего. Говоря языком классового анализа, Дюркгейм явно считает работников восприимчивыми к «родственным свойствам» промежуточных группировок, однако в данном случае речь идет об отношениях видимой кооперации и координации на микроуровне, а не о скрытой эксплуатации на макроуровне.

С точки зрения Дюркгейма, органическая солидарность также нормативно выражается посредством возникновения занятийной регуляции, институционализирующей производственный конфликт (*industrial conflict*), в первую очередь между рабочей силой и капиталом. Здесь опять же основное утверждение заключается в том, что именно занятийные группировки будут основной движущей силой и носителями нормативного регулирования, поскольку достаточно близки к администрируемой деятельности, чтобы «знать принципы ее функционирования, чувствовать все ее требования и [понимать ее] изменения» (Durkheim 1960 [1893], р. 5). Из этого следует, что занятийные ассоциации будут наращивать выработку кодексов поведения и определять принципы разделения труда. В ранних индустриальных системах такое регулирование либо отсутствует вообще (т. е. имеет место «аномическое разделение труда»), либо насаждается в отсутствие полного согласия всех сторон (т. е. имеет место «принудительное разделение труда»), в силу чего конфликт остается неразрешенным, и это делает привлекательными революционные идеологии. По мере развития разделения труда Дюркгейм ожидает спонтанного развития регулирования посредством социального взаимодействия и его встраивания в формальное производственное законодательство с одновременным упадком некогда привлекательной социалистической и прочих революционных программ. Результирующее нормативное регулирование опять-таки можно рассматривать как форму микроуровневой организации, препятствующую развитию классов на макроуровне.

щие цели (к примеру, победа в войне, построение социализма), что способно даже малейший вклад сделать морально значимым и ценным.

Был ли Дюркгейм прав?

На данном этапе полезно разобраться, имеет ли дюркгеймовское видение развития локальной организации какую-либо значимость на сегодняшний день. Хотя классовые аналитики постоянно задаются вопросом, подтвердились ли марксистские и веберианские формулировки, классовоаналитическая аргументация Дюркгейма, как правило, такой проверке не подвергается. Напротив, работа «О разделении общественного труда» зачастую рассматривается как часть дисциплинарной «предыстории» (Barnes 1995, p. 170), и, соответственно, классовые аналитики не видят особого смысла обращаться к ней.

Учитывая ход новейшей истории, эта одержимость Марксом, Вебером и их последователями не очень целесообразна. Рынок труда во многих аспектах становится всё более «дюркгеймизированным», и не только потому, что производственный конфликт на макроуровне стал регулируемым и сдерживаемым, но и потому, что занятые группировки стали элементарными строительными блоками современных и постmodernных рынков труда. Трейман (Treiman 1977) отмечает, что современные работники обычно формулируют свои карьерные устремления в занятых терминах, профессиональные и профессионально-технические училища предназначены для обучения работников обусловленным занятием навыкам, а работодатели создают и рекламируют те или иные виды работ в терминах соответствующих занятых наименований (см. также: Parsons 1954; Wilensky 1966). Эта «занятиализация» (“occupationalization”) рынка труда подпитывается: а) долгосрочным ростом объема профессионального сектора (с характерными для него сильными занятными ассоциациями), б) появлением новых квазипрофессиональных занятий и ассоциаций, выстроенных вокруг возникающих в системе разделения труда абстрактных навыков, в) распространением таких средств, как лицензирование, регистрация и сертификация, применяемых для осуществления (частичного) закрытия в соответствии с занятными границами, и г) усилением локальных профсоюзов (таких, как Американская федерация учителей) по мере того, как теряют силу более широкие представления о рабочем движении вообще и «групповой интерес (...) становится повесткой дня» (Marshall

et al. 1988, p. 7; см. также: Visser, 1988, p. 167)¹². Эти соображения давным-давно привели Краузе (Krause 1971) к выводу, что «исторически чаще встречались занятии специфические сознание и действие, а не межзанятийные сочетания» (Krause 1971, p. 87; см. также: Freidson 1994, pp. 75–91; Van Maanen and Barley 1984, pp. 33–333; Dahrendorf 1959). В самом деле, если переосмыслить историю гильдий, профсоюзов и подобного рода производственных ассоциаций с позиций дня сегодняшнего, становится очевидным, что по-настоящему общеклассовая организация возникала лишь на краткий исторический срок и что постмодерновые формы возвращаются к локальностям и группированиям. Приведенная выше интерпретация соответствует дюркгеймианской формуле, согласно которой микроуровневая организация вытесняет и замещает классовую формацию более агрегированного вида.

Конечно же, это не означает, что место производства эволюционировало в строгом соответствии с предсказаниями Дюркгейма. С нашей точки зрения, Дюркгейм проявил необычайную прозорливость, распознав действие факторов занятостиализации, но он явно преувеличил влияние этих сил и, соответственно, скорость, с которой они могут завершить свое дело. Дюркгеймовская формула весьма уязвима в трех аспектах, которые будут рассмотрены ниже.

Мультифункционализм и конкурирующие формы ассоциации

В большинстве своих эссе по данной теме Дюркгейм наделяет занятийные ассоциации широким спектром функций, таких как: а) регулирование рынка труда посредством норм, регламентирующих

¹² Конечно, существует современная литература о «постзанятиялизме» («post-occupationalism»), описывающая постепенное отмирание функционально определенных позиций. Данная литература базируется на утверждении, что современные организации всё больше полагаются на командную работу, переобучение и многофункциональные работы, разрушающие традиционные различия на основе занятий (см., к примеру: Casey 1995). Эти перемены, если таковые действительно происходят, должны восприниматься как совсем недавний и незначительный регресс факторов занятостиализации, доминировавших в постдюркгеймианский период. Более того, постзанятиялистская точка зрения тоже удостоилась критики в свой адрес, при этом некоторые из критиков утверждают, что «давление на занятийную логику организации, пожалуй, и в самом деле нарастает» (Barley 1995, p. 40).

оплату, условия труда и межзанятийные отношения, б) обеспечение *gemeinschaftlich* среды, в которой работники могут «жить вместе, разделяя общие моральные принципы» (Durkheim 1960 [1893], р. 15), и в) функционирование в качестве «важного органа общественной жизни», на который возложено избрание делегатов в парламент (р. 27). Относительно этих ожиданий современные занятия ассоциации вполне правомерно признать плохо развитыми, особенно в плане выполнения политических функций. Безусловно, на уровне детализированных занятий политическая борьба ведется нешуточная (см., напр.: Abbott 1988), однако занятия так нигде и не добились описанной Дюркгеймом главной, непосредственной и формальной роли в политическом управлении. Вместо этого роль занятий обычно сводится к лоббированию на государственном уровне узкоспециализированных преимуществ, прежде всего права обучать и сертифицировать своих членов и другими способами устанавливать контроль над предложением рабочей силы. Но даже в этой ограниченной области занятий ассоциации продолжают конкурировать с альтернативными формами ассоциации, в первую очередь с профсоюзами. Как и предполагал Дюркгейм, конфликт между рабочей силой и капиталом был укрощен и обуздан, но это произошло как за счет институционализации крупных профсоюзов, так и за счет их замены занятиейными ассоциациями либо локальными цеховыми союзами. Результирующая сеть форм ассоциации не соответствует дюркгеймианскому видению многоцелевых ассоциаций, делящих рабочую силу на взаимоисключающие группы, вытесняющих все конкурирующие организации и, соответственно, становящихся *единственным* посредником между индивидом и государством¹³.

Неполная занятаялизация

В некоторых секторах классовой структуры занятийные ассоциации попросту не возникли либо потому, что их оттеснили конкурирующие формы (например, профсоюзы), либо потому, что любые формы социальной организации оказались нежизнеспособными.

¹³ В отличие от Токвиля (Tocqueville 2000 [1835]), Дюркгейм воспринимал широкое распространение многочисленных и пересекающихся промежуточных группировок как неадекватное и свидетельствующее об «отсутствии или слабости центральной власти» (см.: Hawkins [1994], р. 476).

собными. К примеру, занятиализация еще не охватила сектор низкооплачиваемого физического труда, предположительно из-за низкого уровня квалификации, ограниченных инвестиций в обучение и сравнительно быстрых изменений производственного процесса. Сложно сказать, останутся ли эти плохо организованные секторы неорганизованными, выработают ли они, в конце концов, стратегии, позволяющие создать некие формы закрытия и занятиализации, или же продолжают сокращаться и в итоге перестанут существовать. Хотя повышение квалификации приводит к уменьшению доли рабочей силы, приходящейся на плохо организованные секторы, этот процесс, вне всякого сомнения, протекал с переменным успехом и, не исключено, достиг своего предела (см., напр.: Spenner 1995)¹⁴. Таким образом, современную классовую структуру лучше всего рассматривать как пеструю смесь моральных сообществ и реальных занятий с вкраплениями больших участков сугубо номинальных категорий, где занятиализация еще должна произойти, если вообще произойдет когда-либо¹⁵.

Межнациональные вариации

Степень занятиализации рынка труда в разных странах также сильно отличается (см. табл. 3.1; см. также: Grusky and Weeden 2001, p. 210; Grusky and Sørensen 1998, pp. 1220–1222). К примеру, рынок труда Германии построен непосредственно на институционализированных занятийных группировках и, таким образом, может рассматриваться как особо успешная реализация дюркгеймианской формулы¹⁶. Исследователи давно отметили, что Германия обладает

¹⁴ Более того, даже в хорошо организованных участках занятийной структуры зачастую обнаруживаются сложные комбинации вписывающихся друг в друга и пересекающихся занятийных ассоциаций, не соответствующие более простой структуре, которую, по-видимому, предполагал Дюркгейм.

¹⁵ В традиционных классовых анализах место производства представляется *либо* в номиналистских, *либо* в реалистских терминах, в силу чего фундаментально гибридный характер современных классовых систем упускается из виду.

¹⁶ Однако, принимая во внимание, что агрегированные классы сохранились в Германии в виде хорошо развитых и глубоко институционализированных группировок, соответствие дюркгеймианской формулировке в лучшем случае неполно (см. таблицу 3.1).

хорошо развитыми системами профессионально-технического образования и ученичества, которые помогают привлекать занятых специфичные инвестиции и пропагандируют профессиональную самоотдачу и мастерство (см., напр.: Blossfeld 1992). В такого рода системах рабочие уже на начальном этапе карьеры должны инвестировать в одно ремесло, и сравнительно высокая стоимость переобучения приводит к формированию относительно закрытых занятых группировок. В противовес этому, пример Японии показывает, до какой степени локальная структурация может быть нивелирована институционально. Характеризуя Японию, обычно подчеркивают такие отличительные черты, как скорее универсальная, нежели функционально дифференцированная по своей ориентации учебная программа; система профессионально-технического обучения, культивирующая специфичные для фирм «навыки ненко» (“nenko skills”) (Dore 1973) на основании командной работы и постоянной ротации работ; организационная ориентация на пожизненную занятость, еще более укрепляющую специфичные для фирм связи за счет занятых в более чистом виде; и наконец, слабо развитая система профсоюзов, пресекающая функциональные специализации и, таким образом, устраняющая всякую остаточную цеховую лояльность (Ishida 1993; Cole 1979; Dore 1973). Результатом сочетания этих сил является «постзанятиалистская система» (“post-occupational system”), которую кто-то из исследователей (см., напр.: Casey 1995) вполне мог бы рассматривать как прототип постмодерной. Наконец, столь же проблематичным для Дюркгейма является случай Швеции, не только потому, что занятые солидарности в этой стране подавлялись программами «активного рынка труда» (Esping-Andersen 1988, pp. 47–53), но и потому, что агрегированные классы стали корпоративными *акторами* такими путями, которые Дюркгейм однозначно отбрасывал как эволюционные аномалии. Возможно, Швеция является хрестоматийным примером классового образования агрегированного типа, так как цеховое профсоюзное движение и организация гильдий в течение длительного времени дополнялись общеклассовыми формами коллективных переговоров. Из этого следует, что, по крайней мере в Швеции, «аномальные» организационные формы оказались гораздо более жизнеспособными, чем допускал Дюркгейм.

Таблица 3.1 *Страны, классифицированные по типу и степени классовой структуры*

<i>Агрегированная структура</i>	<i>Дезагрегированная структура</i>	
	<i>Высокая</i>	<i>Низкая</i>
<i>Высокая</i>	Германия	Швеция
<i>Низкая</i>	США	Япония

Таким образом, силы занятиализации, на которых акцентирует внимание Дюркгейм, в ряде стран и секторов рабочей силы встречали отпор. Основной возникающий в связи с этим вопрос заключается в том, а) падут ли эти островки сопротивления под натиском сил занятиализации, б) сохранятся ли они в нынешнем виде как доказательство существования различных решений современных организационных проблем или же в) их надлежит воспринимать как признаки наличия некоего фундаментального изъяна в дюркгеймианской формуле, что в конечном итоге проявит себя более ярко и обратит вспять доминирующие тенденции к группированию, локализации и занятиализации. Хотя очевидно, что здесь открывается огромный простор для дискуссий и размышлений, мы, безусловно, считаем наиболее правдоподобными интерпретации а) и б), тем более что отличительным институциональным структурам Швеции и Японии всё в большей мере грозит исчезновение, и классовые аналитики уже не так часто ссылаются на них в качестве альтернативных примеров для подражания.

Современный классовый анализ

Выше мы показали, что Дюркгейму надо отдать должное за предсказание как исчезновения агрегированных классов (негативного макроуровневого сюжета), так и подъема локальной организации на основе места производства (т. е. позитивного микроуровневого сюжета). Если принять эту дюркгеймианскую интерпретацию хода новейшей истории, возникает вопрос, как теперь следует осуществлять классовый анализ. Мы считаем, что в современную практику стоит внести два изменения: а) поиски больших классов и лежащих в их основе социологических принципов не следует считать обязательным условием классовоаналитического проекта и б) фо-

кус классового анализа стоит сместить на локальный уровень, прежде отбрасываемый как нерелевантный для исследований и теоретизирования о социальных классах. Ниже мы изложим развернутую аргументацию каждого из этих утверждений.

Преимущества реалистского объяснения

Касательно первого пункта нас беспокоит, что классовый анализ все более отрешается от институциональных реалий современных рынков труда, а ученые постулируют некие способы отображения классов, представляя такого рода классовые карты (class mappings) как *аналитически* значимые, хотя они не подкреплены ни законодательно, ни институционально и ничего не значат для работодателей, работников или кого бы то ни было (помимо небольшой группы ученых-теоретиков). Данная критика касается, к примеру, и таких стандартных социологических категорий, как «среднеквалифицированные супервайзеры» (Wright 1997), «операторы» (Featherman and Hauser 1978), «профессионалы и менеджеры» (Ehrenreich, 1977) и «работники рутинного нефизического труда» (Erikson and Goldthorpe 1992). Хотя классовые категории такого традиционного толка остаются неглубоко институционализированными на рынке труда, классовые аналитики пытаются обосновать их применение: а) утверждая, что они соответствуют классовоаналитической «логике» какого-нибудь почтенного теоретика (т. е. прибегая к «экзегетическому» обоснованию), б) аргументируя, что такие категории, будучи в данный момент латентными, непременно явно обозначатся в будущем и в конечном итоге станут классами «для себя» (т. е. прибегая к утверждениям о «латентности»), либо в) допуская, что эти категории фиксируют значительную часть вариативности жизненных шансов, политического поведения и прочих представляющих интерес эффектов (т. е. прибегая к обоснованию «объясняемой вариативностью»). Последнее утверждение по крайней мере можно проверить, однако на практике предложенные проверки сводились, по сути, к демонстрации того, что предпочитаемая классовая карта имеет *некоторую* объяснительную ценность, оставляя открытым вопрос, не покажут ли другие карты лучший результат (см., напр.: Mills and Evans, 1998; Marshall *et al.* 1988; Hout, Brooks, and Manza 1993; ср.: Halaby and Weakliem, 1993).

Такой традиционный «аналитический» подход зачастую жидется на следующей логике: исследователи должны вникать в суть и за поверхностными проявлениями каким-то образом выявлять действие более фундаментальных сил. Мы подозреваем, что отнюдь не случайно поверхностные проявления начали рассматриваться как обманчивые как раз тогда, когда обнаружилось, что агрегированные категории отживают свой век. В конце концов, сегодняшний аналитик, продолжающий выдавать на гора агрегированные схемы, в современном контексте вынужден оправдывать их некоей глубинной логикой, таким образом превращая то, что могло представляться изъясном (т. е. неглубокую институционализацию), в достоинство. Этот подход, доминирующий на сегодняшний день, вне всякого сомнения, удивительно современный. Характеризуя стратификационные системы прошлого, социологи обычно опирались на глубоко институционализированные категории (такие, как сословия, касты), делая их осмысленными и значимыми как для интеллектуалов, так и для непосвященной публики.

Реши сегодня социологи вернуться к этой стратегии, она бы привела их прямоком к микроуровню производства, на котором, как пророчески утверждал Дюркгейм, обнаружались бы глубоко институционализированные категории. Соответственно, отправной точкой современного дюркгеймианского анализа является «единичное занятие» (“unit occupation”), которое можно определить как совокупность технически схожих видов работ, институционализированную на рынке труда посредством таких механизмов, как а) ассоциация или профсоюз, б) лицензионные или сертификационные требования либо в) широко распространенное (среди работодателей, работников и прочих) понимание эффективных или предпочтительных по каким-либо другим критериям способов организации производства и разделения труда. Определенные таким образом единичные занятия зачастую генерируются как следствие конфликта юрисдикций между группами, конкурирующими за функциональные ниши в разделении труда (см., напр.: Abbott 1988). Как отмечают Грановеттер и Тилли (Granovetter and Tilly 1988), «наша устоявшаяся и овеществленная убежденность, что для одной задачи нужны санитары, для другой — медсестры, а для третьей — врачи ... является результатом правовой, политической и экономической борьбы, равно как и названия самих этих профессий» (р. 190). Таким образом, мы определили единичные

занятия в терминах социальных границ, выстраиваемых посредством разнообразных механизмов генерирования закрытия. Однако статистики часто описывают подход к построению классификаций занятий в узкоспециальных терминах, словно определяемые в таких схемах категории — всего лишь агрегации позиций со схожими «общими функциями и основными обязанностями и задачами» (International Labour Office 1990 [1968], p. 5; см. также: Hauser and Warren 1997, p. 180). Хотя все единичные занятия и в самом деле охватывают технически схожие задачи, это ограничение само по себе вряд ли может объяснить все классификационные решения, воплощенные в традиционных схемах занятий, поскольку критерием технической схожести можно оправдать бесконечное множество возможных комбинаций и агрегаций видов работ. Разумеется, это не означает, что всегда следует искать социально выстроенные границы; напротив, техническое разделение труда явно «занятиализировано» в той или иной степени, причем некоторые секторы в силу минимального уровня квалификационных барьеров и прочих ограничений остаются дезорганизованными (см. выше раздел «Неполная занятиализация»). В этих секторах попытки определения единичных занятий связаны с неизбежными сложностями и предполагают выявление социальных границ, которые в лучшем случае находятся в зачаточном состоянии и, вполне возможно, так никогда и не станут хорошо защищенными)¹⁷.

Должны ли классовых аналитиков занимать вопросы локальной организации?

Надеемся, изложенное выше красноречиво свидетельствует, что исследователи слишком увлеклись поиском агрегированных клас-

¹⁷ Концепт «единичное занятие» (“unit occupation”) еще более искусственен, принимая во внимание обычно обнаруживаемые сложные переплетения вписывающихся друг в друга и пересекающихся границ, которые непросто свести к исчерпывающему множеству взаимоисключающих занятий. Из этого следует, что когда социологи предполагают, что каждый работник должен быть отнесен к одному и только одному занятию, они совершают насилие над данными. Но поскольку они продолжают исходить из таких упрощающих предпосылок, наш подход требует от классовых аналитиков идентификации доминирующих юрисдикционных соглашений на дезагрегированном уровне.

сов и уделяют недостаточно внимания изучению более глубоко институционализированных группировок на дезагрегированном уровне. Правда, какой-нибудь критик мог бы возразить, что изучение локальной организации вполне под стать исследователям занятий и профессий, но вряд ли достойно внимания подлинно классовых аналитиков (см.: Goldthorpe 2000; Kingston 2000). Такая реакция, хоть и вполне понятна, означает неспособность разглядеть классоподобное поведение, возникающее на локальном уровне. В других работах (Grusky and Sørensen 1998, pp. 1196–1212) мы показали, что занятия предполагают коллективное действие от имени принадлежащих к ним, извлечение ренты и эксплуатацию тех, кто к ним не принадлежит, формирование жизненных шансов и жизненных стилей и вообще именно такое поведение, каким, согласно давним представлениям классовых теоретиков, должны отличаться агрегированные классы. Если классовые аналитики хотят продемонстрировать, что развитые экономики являются «комковатыми» смесями (“lumpy” amalgams) конкурирующих групп (а не бесшовными неоклассическими рынками), им, соответственно, стоит обратиться к локальному уровню и проанализировать занятыйные ассоциации, возникающие вокруг функциональных ниш в разделении труда. Цель этого подраздела — развернуто аргументировать приведенное выше утверждение для каждого из процессов социальной организации, который классовые аналитики пытались, по большей части безуспешно, обнаружить на агрегированном уровне — таких, как идентификация, закрытие, коллективное действие, проксимальная структурация (proximate structuration).

Идентификация и осознание. Совершенно естественно начать с рассмотрения субъективной сферы классовых систем. Хотя и Маркс, и Дюркгейм предвидели масштабную зачистку, в ходе которой солидарности вне сферы производства (например, этнические или региональные связи) должны будут отмереть, они расходились насчет того, какие группировки — агрегированные или дезагрегированные — станут основными выгодополучателями этого процесса. Как видим, в итоге, вне всякого сомнения, проиграла агрегированная точка зрения. Конечно, некоторые социологи по-прежнему убеждены, что современные идентичности формируются под сильным влиянием агрегированных принадлежностей (см., напр.: Marshall *et al.* 1998), однако согласно преобладающим постмарксистским представлениям, сегодня большие классы ока-

зывают лишь слабое влияние на работников. К примеру, Эммисон и Уэстерн (Emmison and Western 1990) сообщают, что лишь 7 % австралийцев указали в качестве «очень важной» идентичности большой класс, в то время как другие исследователи (см., напр.: Saunders 1989) подчеркивали, что, отвечая на открытые вопросы о классовой идентификации, респонденты склонны сомневаться, отказываться от ответа либо вообще прямо отрицать существование классов. Эти свидетельства привели многих социологов к выводу, что класс в настоящий момент является «пассивной идентичностью» (Bradley 1996, p. 72) и что сфера производства более не является доминирующим или главным локусом формирования идентичности (см., напр.: Hall 1988; Pakulski and Waters 1996). В нашем понимании, последний вывод является преувеличением и недооценивает сохраняющиеся возможности классового анализа, по крайней мере, в предлагаемой нами здесь расширенной форме. В этом плане опять же красноречивы результаты Эммисона и Уэстерна, поскольку они показывают, что детализированные занятыйные группировки остаются для современных работников одной из важных социальных идентичностей (Emmison and Western 1990, pp. 247–248). Аналогично, существуют многочисленные качественные исследования, позволяющие заключить, что занятыйные принадлежности оказывают сильное влияние на индивидуальные идентичности и самоопределения, вплоть до подтверждения дюркгеймианской «эссенциалистской» идеи, что эти связи составляют главную идентичность¹⁸. Подобные результаты сложно назвать неожиданными, поскольку занятыйные принадлежности регулярно фигурируют в наших повседневных взаимодействиях. К примеру, фирмы часто запрашивают занятыйную информацию у клиентов и заказчиков, а люди поступают аналогичным образом, вступая в контакты на вечеринках, деловых встречах и прочих общественных собраниях. Государство также собирает подробную занятыйную информацию при регистрации браков, рождений и смертей, при подаче запросов на государственные пособия и сборе налогов, при проведении переписей и исследований рабочей силы, а также при приеме иммигрантов, выдаче гражданства или выборе присяжных. Соответственно, имеется хорошо

¹⁸ См., к примеру: (Zabusky and Barley 1996; Mortimer and Lorence 1995; Freidson 1994, pp. 89–91).

развитый и широко распространенный дезагрегированный «язык занятия», в то время как агрегированный язык класса используется практически исключительно в академических институтах. Такое положение дел, возможно, чересчур очевидно, чтобы заинтересовать классовых аналитиков, ищущих более глубокие истины, но вместе с тем слишком существенно, чтобы его игнорировать при обращении к социальной организации рынка труда и субъективным восприятиям этой организации.

Социальное закрытие. Если прежде в социологии доминировали субъективистские модели класса (см., напр.: Warner *et al.* 1949), то ныне им на смену пришли подходы, фокусирующиеся на социальных процессах, посредством которых классовое членство ограничивается квалификационно очерченным кругом лиц¹⁹. Эти модели делают акцент не только на институциональных механизмах, посредством которых достигается закрытие (таких, как частная собственность, аккредитация, лицензии), но и на попытках исключенных сторон бросить вызов этим институтам и поддерживаемому ими неравенству. Таким образом, хотя теория закрытия предоставляет новый социологический язык для понимания межклассовых отношений, классовые карты, представленные теоретиками закрытия, на поверку оказались стандартной агрегационной «жвачкой». Так, к примеру, двуклассовое решение, предложенное Паркином (Parkin 1979, p. 58), предусматривает существование эксклюзивного класса (exclusionary class), охватывающего тех, кто контролирует производительный капитал или профессиональные услуги, и подчиненного класса (subordinate class), охватывающего всех, исключенных из этих позиций контроля. Такая тенденция скатываться к агрегированным картам обнаруживает гегемонию крупноклассовых формулировок и вытекающую из нее неспособность классовых аналитиков, даже вооруженных теорией закрытия, представить себе хоть какую-то им альтернативу. Действительно, если бы так или иначе кто-то переизобрел теорию закрытия без примесей классовоаналитической традиции, он бы наверняка отметил, что реальные работающие институты закрытия (такие, как профессиональные ассоциации и цеховые союзы) являются по большей части локальными ассоциациями, «представ-

¹⁹ См.: (Freidson 1994, pp. 80–84; Murphy 1988; Collins 1979; Parkin 1979; Weber 1968b [1922]).

ляющими собственно обладателей аттестатов (credentialholders)» (Murphy 1988, p. 174). В большинстве случаев базовые механизмы закрытия (такие, как лицензирование, аттестация, институт ученичества) не регулируют допуск в агрегированные классы, а служат лишь для контроля входа (и выхода) на более детализированном занятном уровне. При этом аналогичных организаций, представляющих агрегированные классы, не существует, равно как не существует и истинно агрегированных по своему масштабу юрисдикционных соглашений или механизмов закрытия²⁰.

Коллективное действие. Для большинства неомарксистов социальное закрытие представляет интерес не потому, что обеспечивает средства преследования сугубо локальных интересов (к примеру, «профсоюзное сознание»), а потому, что оно предположительно способствует развитию общеклассовых интересов и более масштабных форм межклассового конфликта. Выделенные модерными социологами агрегированные классы до сих пор демонстрировали упорное нежелание действовать в соответствии с этими теоретическими построениями. Поначалу подобное бездействие на агрегированном уровне стало поводом для разнообразных неомарксистских попыток спасти положение (см., напр.: Poulantzas 1974; Wright 1985; Korpi 1983), а затем спровоцировало более радикальную постмодернистскую реакцию, в рамках которой предполагалось, что интересы всё в большей степени определяются и формируются вне места производства (см., напр.: Lapaña, Johnston, and Gusfield 1994). Последняя форма постмодернизма при всей своей популярности упускает из виду тот простой факт, что коллективное действие по большей части вполне закономерно

²⁰ Силы агрегированного закрытия, возможно, лучше развиты вне рабочего места. К примеру, высшие учебные заведения генерируют закрытие внутри широко определяемого профессионально-менеджерского класса благодаря а) универсальным степеням высшего образования, «подлежащие обмену» на позиции в этом классе, и б) общеклассовому ограничению взаимодействия, осуществляющемуся в пределах кампусов. Аналогичным образом сегрегация по месту жительства может рассматриваться как сила агрегированного закрытия, поскольку жилые районы обычно сегрегируются в соответствии с расой, этнической принадлежностью и уровнем доходов, а не по детализированному занятию. Тут мы лишь утверждаем, что такое закрытие на агрегированном уровне создает более размытые, слабые и не столь глубоко институционализированные границы, как те, что определяют занятия и контролируют доступ к ним.

исходит от структурно определенных группировок, но лишь в том случае, если эти группировки определяются в менее агрегированных терминах, чем это принято. Тремя основными типами коллективного действия на уровне единичных занятий являются: а) стратегии закрытия сверху, созданные для ограничения доступа к занятийным позициям; б) латеральная, в горизонтальной плоскости, конкурентная борьба между занятийными ассоциациями за функциональные ниши в разделении труда и в) коллективное действие снизу, направленное на защиту занятийно специфичных выгод (к примеру, монопольного положения) от посягательств государства и работодателей. Этот акцент на инструментальном действии на микроуровне не противоречит дюркгеймианской формулировке. Да, Дюркгейм не стал тратить силы на обсуждение инструментальных устремлений занятийных ассоциаций, но во многом потому, что считал это чем-то само собой разумеющимся и стремился пролить свет на более тонкие и сложные внеэкономические функции (Durkheim 1960 [1893], p. 15). С точки зрения Дюркгейма, сугубо инструментальное действие занятийных ассоциаций не имело ни труднодостижимых, ни глубоких последствий, поскольку было направлено на отстаивание сугубо частных интересов (таких, как размер зарплаты или условия труда), а не на достижение преобразовательных или революционных целей²¹. Таким образом, хотя у нас есть основания заключить, что дезагрегированный классовый анализ является интеллектуально скромным проектом, следует отметить, что аналитики агрегированных классов также умили свои амбиции и, по сути, отбросили всеобъемлющие классовые теории истории (см., напр.: Goldthorpe and Marshall 1992, p. 385). Как отмечали Холтон и Тернер (Holton and Turner 1989), к настоящему времени от этих теорий в основном отказались, перейдя к запасным вариантам, среди которых типичными являются «реконцептуализация класса на основе неорганических *gesellschaftlich* (нем. — *общественных*) отношений либо историоризация классового анализа вокруг нескольких случайных моментов, когда,

²¹ Хотя занятийные ассоциации обычно преследуют групповые цели, распространение таких ассоциаций имеет непреднамеренные системные последствия, самым заметным из которых является «выдавливание» альтернативных общеклассовых солидарностей. В нашем эссе мы старались подчеркнуть эту связь между дюркгеймианскими микроуровневым и макроуровневым сюжетами.

как представлялось, экономический класс соответствовал социальному классу» (p. 175; см. также: Holton 1996; Goldthorpe and Marshall 1992, pp. 383–385).

Проксимальная структурация. В этом смысле классовоаналитический проект стал более ограниченным в своих целях, так как большинство современных исследователей удовлетворились простым документированием того, что принадлежность к классу обуславливает всевозможные индивидуальноуровневые следствия (такие, как установки, электоральное поведение, жизненные стили). В результате анализа «проксимальной/непосредственной структурации» (*proximate structuration*) (Giddens 1973) изучают либо категориальные эффекты агрегированных классов, либо градационные эффекты переменных, отражающие многочисленные измерения, лежащие в основе работ (к примеру, «содержательная сложность») либо детализированных занятий (к примеру, социально-экономический статус). Хотя данные подходы позволили получить важные результаты, то обстоятельство, что они игнорируют *gemeinschaftlich* характер (некоторых) дезагрегированных занятий, не может не настораживать. Как показано выше, современное закрытие обеспечивается главным образом на уровне детализированных занятий, в результате чего возникает ограничение социального взаимодействия, создающее занятияные субкультуры, также являющиеся дезагрегированными. Эти ограничения взаимодействия служат для сохранения и развития давным-давно описанного Дюркгеймом (Durkheim 1960 [1893]) типа занятийно специфичных культур (см. также: Caplow 1954). Агрегированные классы, напротив, не имеют сопоставимого влияния или власти над вторичной социализацией, и такие возникающие агрегированные культуры являются, соответственно, более диффузными и абстрактными²². Таким образом, огромным недостатком традиционного анализа жизненных стилей, диспозиций и установок является восприятие *gemeinschaftlich* занятий как номинальных категорий и, как следствие, небрежность в их агрегировании или определении размеров. И действительно, когда критики классового анализа жалуются на слабость «классовых эффектов» (в частности, см.: Kingston 2000; Pakulski and Waters 1996), эти утвержде-

²² См., напр.: (Lamont 2000, 1992; Bourdieu 1984 [1979]; Bernstein 1971; Kohn and Slomczynski 1990).

ния вызваны скорее прямолинейной и высокоагрегированной операционализацией класса, нежели собственно слабостью эффектов, связанных с местом производства (весомые доказательства чего приведены в: Weeden and Grusky 2002).

Итак, что мы имеем? Мы стремились показать, что процессы социальной организации, зачастую приписываемые большим классам, на самом деле значительно отчетливее проявляются на более низком аналитическом уровне. К примеру, мы акцентировали внимание на тенденции занятийных группировок действовать коллективно исходя из своих интересов, защищать свои границы и, таким образом, обеспечивать (частичное) закрытие, определять связывающие их членов жизненные стили и потребительские практики и становиться субъективно значимыми категориями, в которых работники воспринимают как самих себя, так и других. Конечно, классовые аналитики вольны утверждать, что такого рода процессы представляют интерес только тогда, когда проявляются на агрегированных уровнях, однако это перекрывает важный путь к оживлению классового анализа и его защите от постмодернистов, эксплуатирующих характерную слабость больших классов, с тем чтоб (ошибочно) настаивать на более широком представлении о бессмысленности обращения к месту производства. Если классовые аналитики сумеют отвлечься от своей одержимости большими группировками и признать возникновение меньших классоподобных группировок, может появиться возможность разработать более сильные описания социального поведения (см., напр.: Weeden and Grusky 2002), построить более реалистичные модели социальной мобильности и социального закрытия (см., напр.: Sørensen and Grusky 1996) и вообще стремиться к гораздо более убедительной разработке микроуровневых аспектов классового анализа (подр. см.: Grusky and Weeden 2001).

Существует ли дюркгеймианская модель эксплуатации и ренты?

Изложенное выше наводит на мысль, что дезагрегированные занятия могут представлять собой значимые социально-политические общности как раз того типа, который так долго искали классовые аналитики. В противоположность этому, обнаружить столь

же хорошо развитые социально-политические общности на агрегированном уровне оказалось сложно, и, соответственно, классовые аналитики взялись за более ограниченную задачу картографирования агрегированных «структурных положений», предположительно способных стать такими общностями в будущем. При такой формулировке большое внимание традиционно уделяется выявлению базовых осей эксплуатации, поскольку именно они, предположительно, составляют «объективные основы антагонистических интересов» (см.: Wright, 1985), которые в конечном счете можно будет распознавать и рассматривать, обращаясь к более устоявшимся социально-политическим общностям. Настоящий подраздел преследует две цели: установить, предвосхитил ли Дюркгейм такие модели эксплуатации, и выяснить, каким образом их можно успешно адаптировать или модифицировать в свете его работы.

Дюркгеймианское происхождение?

Для наших целей особую важность имеет обширный массив литературы об эксплуатации на основании квалификации (skill-based exploitation), поэтому именно на ней мы и сосредоточимся. В контексте этой литературы Райт (Wright 1985) и другие (Sørensen 1994, 2000) приравнивали эксплуатацию на основании квалификации к извлечению ренты, где под последней понимаются доходы от квалификации, обеспечиваемые за счет ограничения возможностей для обучения и, таким образом, искусственного ограничения предложения квалифицированного труда. Приняв за основу это определение, можно проверить наличие эксплуатации, подсчитав, превышает ли разница между совокупным пожизненным заработком квалифицированных работников и совокупным пожизненным заработком неквалифицированных работников издержки на предполагаемое обучение (например, плату за школьное обучение, упущенные доходы). В условиях идеального конкурентного рынка рабочая сила, предположительно, должна перетекать в более благодарные занятия, уравнивая таким образом пожизненные заработки работников и устраняя эксплуататорские доходы (с учетом поправки на стоимость обучения)²³.

²³ Тут мы игнорируем неравенство, возникающее в результате усилий, врожденных способностей и компенсирующих дифференциаций.

Однако, если возможность мобильности ограничена выстроенными барьерами, препятствующими работникам свободно занять высокооплачиваемые или привлекательные в силу других причин рабочие места, уравновешивающий поток рабочей силы нарушается и создается возможность для извлечения ренты и эксплуатации. К примеру, относительно высокую оплату труда врачей можно трактовать как возникающую в силу «искусственных» лимитов на количество учебных мест, предлагаемых медицинскими учреждениями.

Хотя такого рода эксплуатация на основании квалификации иногда представляется как обобщенная форма классической марксистской эксплуатации, данная концепция также имеет дюркгеймианское происхождение, чего так и не оценили по заслугам. Это становится очевидным, к примеру, когда Дюркгейм (Durkheim 1960 [1893], pp. 374–388) сетует на ограничения свободы мобильности, возникающие в силу либо а) норм или законов, налагающих ограничения на то, какими занятиями могут заниматься конкретные индивиды (к примеру, кастовые системы, гендерная типизация занятий), либо б) экономических барьеров или исходных издержек, отпугивающих работников из низших классов от притязаний на работы, предполагающие более длительное время поисков либо обучения. Обе эти разновидности «вынужденной мобильности» приводят к ослаблению переговорных позиций данных работников, исключая или ослабляя угрозу их ухода. Как пишет Дюркгейм (Durkheim 1960 [1893]), «если один из классов общества ради выживания вынужден соглашаться на любую цену за свои услуги, а другой может воздержаться от этого благодаря имеющимся в его распоряжении ресурсам ... то второй класс имеет перед первым несправедливое преимущество» (р. 384). На результирующий потенциал эксплуатации можно воздействовать, обеспечив возможности для мобильности посредством прямого или опосредованного вмешательства в функционирование рынка труда. То есть, с точки зрения Дюркгейма, уравнивать рыночные возможности надлежит не только путем непосредственного снятия нормативных и правовых ограничений на свободный поток рабочей силы (к примеру, снятие запретов на мобильность членов каст), но и путем запрета родителям передавать своим детям богатство и активы, дающие им косвенное преимущество в конкурентной борьбе за желанные

рабочие места (Durkheim 1960 [1893], pp. 30–31, 374–388)²⁴. Эта формулировка предвосхищает современное понимание эксплуатации постольку, поскольку обнаруживает, что переговорная сила работников является функцией от предложения и спроса на рабочую силу в рамках их занятий. В то же время она лишь частично и неполно предвосхитила современную концепцию ренты не только из-за того, что Дюркгейм делал акцент скорее на несправедливости и неэффективности «вынужденной мобильности», чем на эксплуататорских условиях оплаты труда, которым она открывает дорогу, но и потому, что он фокусировался больше на упущенных доходах работников, попавших в ловушку непривлекательных занятий, а не на ренте, образующейся, когда привилегированные работники предпринимают действия, ограничивающие предложение со стороны конкурентов.

Усовершенствование современных моделей эксплуатации на основе квалификации

Таким образом, хотя Дюркгейм был далек от предвосхищения систематической модели ренты, его акцент на локальной организации всё же поучителен при поиске ответа на вопрос, каким образом можно усовершенствовать современные модели *основанной на квалификации* эксплуатации. Действительно, исходя из того, что современные институты закрытия (такие, как профессиональные ассоциации и цеховые союзы) генерируют локальные, а не общеклассовые ограничения на предложение рабочей силы, из логики дюркгеймовской позиции следует, что рента привлекается преимущественно на локальном уровне. Как уже подчеркивалось выше, Дюркгейма особенно интересовали внеэкономические функции занятийных ассоциаций, но это не помешало ему признать, что такие ассоциации также придают своим чле-

²⁴ В настоящее время принято критиковать Дюркгейма за неспособность учесть, что высшесеклассовые родители также передают своим детям социальные и культурные ресурсы. Эта критика, очевидно, обоснованна, однако ее не следует преувеличивать. Хотя Дюркгейм не подчеркивает неэкономические неравенства так сильно, как это делают современные социологи, он всё же признает, что некоторые «нелегитимные» неравенства продолжают существовать даже после устранения экономического наследования (см. обсуждение этой темы в: Lehmann 1995).

нам «силу, необходимую для отстаивания их общих интересов» (Durkheim 1960 [1893], p. 11). Эта сила может быть использована для ограничения количества приходящих в занятие новичков, запрета конкурирующим занятиям исполнять схожие функции или других путей создания зон монопольного контроля в рамках системы разделения труда. Неомарксисты же в большинстве своем, напротив, отстаивали большие «эксплуатационные классы», охватывающие множество занятий и пересекающиеся с ними, и обосновывали такую агрегацию привычными аналитическими аргументами, дескать, работники на структурно схожих позициях эксплуатируются в равной степени, имеют соответствующие общие интересы и в итоге могут дорасти до формирования солидарных пересекающихся групп для продвижения этих общих интересов. Данный подход сопряжен с проблемами, поскольку лежащие в его основе классы обычно не имеют институционального или социально-организационного наполнения; то есть работающие институты закрытия организуются по большей части на занятийном уровне (см. выше подраздел «Социальное закрытие»), и, соответственно, на этом же уровне возникает потенциал для извлечения ренты. Как следствие, элементарными единицами эксплуатации на основании квалификации являются сами же занятия, в то время как неомарксистские классы представляют собой гетерогенные агрегации работ и занятий, имеющих структурно схожие возможности для эксплуатации. Безусловно, всегда существует вероятность, что извлекающие ренту эксплуататоры со «структурно схожими» возможностями в конце концов сгруппируются для защиты институтов аккредитации, делающих возможными закрытие и ренту (см.: Grusky and Sørensen 1998, pp. 1211–1212). В этом смысле дезагрегированные классовые карты позволяют определить современную структуру извлечения ренты, тогда как традиционные карты больших классов сводятся к гипотезам о том, как эта структура должна упроститься в будущем.

Разумеется, более фундаментальный вопрос состоит в том, должна ли базовая структура извлечения ренты обуславливать формы понимания интересов и их ущемления. С неодюркгеймианской точки зрения, традиционное определение ренты на основании квалификации можно вволю критиковать как слишком заумное и отвлеченное, чтобы оно получило широкое распространение, особенно учитывая большую популярность противоположных выкла-

док о допустимости и легитимности занятийной зарплатной дифференциации. Дюркгеймово видение предполагало, что во всех обществах неизбежно возникнут согласованные убеждения касательно «уровня вознаграждения ... приемлемого для различных занятийных групп» (Parkin 1992, p. 62), сохраняющие свое влияние даже в том случае, если наблюдаемая дифференциация будет объясняться вынужденной мобильностью и эксплуатацией (см., в частности: Durkheim 1951 [1897], p. 126). Следовательно, занятийную структуру следует рассматривать как обоюдоострый меч, одновременно содействующий созданию закрытия и извлечению ренты («ренто-извлекающая» сторона) и легитимации этой ренты и убеждению нас с вами, что она приемлема и не несет каких-либо угроз («ренто-легитимирующая» сторона). Эти легитимационные усилия могут опираться на представления о необходимости заполнения самых важных занятий лучшими работниками («функционализм»), о святости и нерушимости рыночно обусловленных вознаграждений («рыночная легитимация») либо о допустимости компенсации работникам за выполнение сложных или неприятных задач («компенсационная дифференциация»).

Как бы там ни было, в конечном счете межзанятийная дифференциация заработков обычно считается приемлемой, в то время как внутризанятийная дифференциация придирчиво изучается и иногда служит доказательством дискриминации (особенно когда она коррелирует с расой, полом или этнической принадлежностью). К примеру, отнюдь не случайно, антидискриминационное законодательство расцветает, а законодательство о сопоставимой ценности труда увядает. Для объяснения такого положения дел достаточно понять, что антидискриминационная аргументация направлена на запрет внутризанятийных неравенств в заработной плате, а законодательство о сопоставимой ценности труда — на запрет укоренившихся межзанятийных неравенств, легитимированных культурными нарративами о функциональной важности, рыночных силах и компенсирующей дифференциации (см.: Nelson and Bridges 1999). Таким образом, институционализация схемы занятийной классификации приучает нас воспринимать межкатегориальные неравенства как приемлемые и легитимные. В самом деле, у Дюркгейма немало риторики насчет важности развития основательно легитимированных «классификационных схем» именно по той причине, что они обуздывают потенциально разруши-

тельные устремления и удерживают слабейших от того, чтоб «бесконечно множить свои протесты» (Durkheim 1951 [1897], p. 383; см. также: Zeitlin 1968, p. 275). Для многих социологов более приемлемой выглядит свободная от оценочных суждений позиция, согласно которой такие легитимирующие силы чрезвычайно развиты, что ставит под сомнение всякую теорию ренты, согласно которой извлечение ренты в конечном итоге вскроется и активирует доселе латентные антагонистические интересы.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что формулировки касательно больших классов нельзя спасти простым переходом к определению класса в терминах ренты. Если исходить из традиционного определения ренты на основании квалификации, то неодюркгеймианец должен тут же указать на то, что а) эта рента извлекается на более локальном уровне, чем признает большинство классовых аналитиков, и б) сама институционализация схем занятостиной классификации способствует легитимации занятостиной дифференциации зарплат и подавлению развития антагонистических интересов. Следовательно, категории микроклассовой схемы могут так никогда и не приобрести антагонистических свойств, издавна интересующих классовых аналитиков.

Всегда ли чем больше дезагрегации, тем лучше?

Обосновывая наш неодюркгеймианский подход, мы обращались ко всем конкурирующим классовоаналитическим моделям в самых общих чертах, называя их то «крупноклассовыми», то агрегированными, то градационными подходами. Если до сих пор нам было удобно рассматривать традиционные подходы в целом, то на данном этапе полезно рассмотреть, все ли классовые модели одинаково уязвимы для развиваемой нами критики. Как показано в таблице 3.2, в практических целях можно выделить шесть общих типов категориальных схем и шкал, в каждом из которых сочетается определенный уровень измерения (т. е. непрерывный, категориальный) с предпочитаемой единицей анализа (т. е. единичное занятие, агрегация на уровне занятия, агрегация на уровне работы). В предыдущих подразделах мы фокусировались главным образом на моделях, которые либо градуировали занятия (т. е. моделях типа А и С), либо агрегировали их (т. е. моделях типа D), что

позволило нам сформулировать нашу критику в терминах гетерогенности, которая нивелируется, если кодировать единичные занятия в виде единого класса или схожих уровней на градационной шкале. Принимая во внимание, что большинство социологов используют классовые модели именно этих общих типов (т. е. типов А, С и D), такой угол зрения вполне оправдан²⁵. В то же время некоторые аналитики, конечно же, пытались понять социальную организацию производства, используя в качестве элементарных единиц анализа работы (а не занятия), тем самым заставляя нас задаться вопросом, в равной ли степени наши соображения и аргументы применимы к таким альтернативным подходам.

Можно определить работу (job) как «специфический и порой уникальный набор видов деятельности, выполняемых индивидом в расчете на экономическое вознаграждение» (Hauser and Warren 1997, p. 180). На традиционных рынках труда имеется как минимум столько же работ, сколько работников, поэтому, анализируя данные на уровне работ, можно сделать выбор в пользу даже более радикальной дезагрегации, чем предлагаем мы. Полезно задаться вопросом, должна ли возможность такой предельной дезагрегации привлекать неодюркгеймианцев. Отвечая на этот вопрос, следует вспомнить, что социальное конструирование единичных занятий осуществляется посредством различных механизмов генерирования закрытия, таких как ассоциации, профсоюзы и лицензирование или сертификация. Именно это «социальное одеяние», в которое облачаются функционально схожие работы, делает единичные занятия относительно гомогенными категориями. Источников этой гомогенности три: а) единичные занятия отбирают работников, соответствующих сформировавшимся занятийным «стереотипам» (к примеру, социология привлекает новичков, симпатизирующих левым идеям); б) явные режимы обучения дополнительно усиливают гомогенность установок, поведения и мировоззрения будущих членов общности (к примеру, магистратура, профессионально-техническое обучение, ученичество); в) непропорционально большая доля социального взаимодействия происходит в рамках занятийных границ, что закрепляет занятино специфичные установки, ценно-

²⁵ В своей недавней работе Эриксон и Голдторп (Erikson and Goldthorpe 1992) пытались оправдать свою классовую схему, ссылаясь на свойства, характерные для уровня работы (т. е. условия занятости), хотя их схема всегда операционализировалась на уровне занятия.

сти и жизненные стили. Соответственно, на каком-то этапе объяснительные выгоды от дезагрегации должны сойти на нет, поскольку излишняя дробность выводит дезагрегирование за рамки занятийных границ, институционализированных на рынке труда и генерирующих гомогенность.

Таблица 3.2 *Модели социальной организации в месте производства*

Уровень измерения	Тип агрегации или дезагрегации		
	Единичные занятия	Агрегации на уровне занятия	Агрегации на уровне работы
Непрерывные	Модели типа А: шкалы престижа, социально-экономического и культурного капитала (например: Hauser and Warren 1997; Bourdieu 1984 [1979])	Модели типа С: занятийная шкала Холлингсхеда (например: Hollingshead and Redlich 1958)	Модели типа Е: шкалы условий работы и привлекательности работы (например: Kohn and Slomczynski 1990; Jencks 1988)
Категориальные	Модели типа В: неодюркгеймианские микроклассы (например: Grusky and Sørensen 1998)	Модели типа D: неовеберианские классы (например: Erikson and Goldthorpe 1992; Featherman and Hauser 1978)	Модели типа F: неомарксистские «эксплуатационные классы» (например: Wright 1985)

Классовые аналитики, отстаивающие модели типа Е или F, согласятся с необходимостью некоторой агрегации или определения диапазона характеристик работ, однако, несомненно, будут против агрегации до уровня социально сконструированных занятийных границ. Вместо этого преимущественно используется, опять-таки, «аналитический» подход, целью которого является определение технических условий труда (к примеру, содержательной сложности, автономности), структурирующих интересы, влияющих на процессы социального взаимодействия или другим образом определяющих интересующие нас проявления. Этот под-

ход, вне всякого сомнения, позволил получить важные результаты. Однако, поскольку работы со схожими абстрактными техническими условиями (такими, как содержательная сложность) социально не организованы в значимые группы, обнаруживаемая гомогенность проистекает скорее из непосредственных эффектов технических условий, а не дополнительных социально обусловленных эффектов отбора, совместного обучения и интеракционного закрытия. Игнорирование этих социальных эффектов может быть чревато существенными объяснительными потерями.

Ограничения аналитических подходов можно изучить более пристально, рассмотрев хорошо знакомый нам случай социологов с их вроде бы отличительным «габитусом» (Bourdieu 1984 [1979]). К примеру, пытаясь объяснить гуманистический, антиматериалистический и вообще левацкий характер культуры и жизненного уклада социологов, неодюркгеймианец будет подчеркивать а) левацкую репутацию социологии и вызванный этим самоотбор новичков-леваков, б) либерализующее воздействие продолжительного профессионального обучения и социализации в духе социологического мировоззрения и в) подкрепляющее воздействие социального взаимодействия с коллегами-единомышленниками. Конечно, у социологов к тому же особые условия труда (такие, как высокая автономность и высокая сложность), однако воздействия этих абстрактных технических условий окажутся поглощенными описанными выше социальными силами. Поучительным контрастом служит случай экономистов; в конце концов, у экономистов весьма схожие условия труда (такие, как высокая автономность и высокая сложность), но несмотря на это, они сравнительно более консервативны в плане политических взглядов и жизненных стилей. Этот консерватизм было бы сложно объяснить, не признав, что экономисты проходят самоотбор по признаку консерватизма, что изучение ими в магистратуре неоклассических подходов лишь укрепляют эту уже имеющуюся у них склонность к консерватизму и что их последующее взаимодействие с коллегами-экономистами служит дополнительной защитой от каких-либо идеологических «блужданий». В таком случае консерватизм экономистов оказывается социально обусловленным, а не порожденным техническими условиями, в которых они работают.

Таким образом, сугубо аналитический подход моделей типа Е и F обнаруживает свою слабость, поскольку лежащие в его ос-

нове классовые категории не удерживаются вместе гомогенизирующим воздействием отбора, социализации и интеракционного закрытия. Конечно же, эта аргументация идентична использованной ранее для моделей типа А, С и D. Хотя предпочитаемые нами микроклассы не укладываются в классовые категории на уровне работы (а значит, риторика «дезагрегации» в строгом виде к ним неприменима), это никоим образом не задевает и не меняет нашу общую аргументацию касательно преимуществ социологического реализма.

Выводы

В своем знаменитом предисловии к работе «О разделении общественного труда» (Durkheim 1960 [1893], p. 28) Дюркгейм предсказывал, что корпоративные занятия постепенно займут «промежуточную позицию между государством и индивидом», таким образом решая проблему порядка за счет регулирования и институционализации производственного конфликта и создания новых форм солидарности на детализированном занятиином уровне. Исследователи Дюркгейма ритуально повторяют это суждение, но никогда прежде оно не воспринималось классовыми аналитиками как заслуживающая внимания эволюционная модель. По мере того, как неомарксистские классовые модели подвергались все более ожесточенным нападкам, классовые аналитики отступали обычно к какому-либо варианту неовеберизма или постмодернизма, ни один из которых не уделяет большого внимания структуризации на уровне занятия, на чем сосредотачивал внимание Дюркгейм. Таким образом, имеется обширный простор для исследования неодюркгеймианского третьего пути, перефокусирующего внимание на локальную организацию в рамках системы разделения труда.

Этот «третий путь» предполагает скорее постановку новых исследовательских вопросов, нежели готовые или шаблонные ответы. В качестве примера для такого исследования ниже приведем пять представляющих интерес эмпирических вопросов, каждый из которых затрагивает стандартные области изучения в рамках классовоаналитической традиции (подробнее см.: Grusky and Weeden 2001).

Адекватно ли крупноклассовые категории фиксируют эффекты социального класса? Хотя мы предположили, что традиционные классы не позволяют использовать объяснительную силу, предполагаемую местом производства, мы не предоставили каких-либо эмпирических доказательств в поддержку этого утверждения; поэтому бремя доказательства неизбежно ложится на исследователей, стремящихся усовершенствовать существующие подходы. В основе многих традиционных классовых схем лежат категории, являющиеся, по сути, агрегациями детализированных занятий (см. таблицу 3.2), так что появляется возможность проверить эти агрегации, изучив, сопряжено ли их использование с ощутимыми потерями объяснительного потенциала (см.: Weeden and Grusky 2002). Безусловно, такие проверки следует провести для любого рода «классовых коррелятов» (таких, как установки, потребительские практики, жизненные шансы, жизненные стили).

Является ли агрегация в одних секторах классовой структуры более оправданной, нежели в других? Для некоторых классов цена агрегации может быть особенно высокой. К примеру, жизненные стили работников нефизического труда с большой долей вероятности будут весьма гетерогенны, поскольку занятия в секторе нефизического труда вполне сформированы, и, соответственно, их члены подвержены влиянию особых культур и особого социализирующего опыта. Сектор же низкооплачиваемого физического труда, напротив, обычно представляет собой относительно однородную зону, в которой занятая популяция развита очень слабо. При всей правдоподобности такого стандартного описания оно не подвергалось проверке в сопоставлении с какими-либо альтернативными описаниями, прежде всего с нулевой гипотезой, согласно которой ученые-теоретики более чувствительны к занятиным различиям в тех секторах классовой структуры, с которыми знакомы лучше всего.

Являются ли некоторые занятия особенно хорошо сформированными? Контуры дезагрегированной структуризации также представляют интерес. Хотя традиционно принято считать ремесленные занятия хрестоматийным примером слияния работы и жизненного стиля (Mills 1956, p. 223), мы подозреваем, что в занятиной структуре есть и другие позиции, отличающиеся хорошо развитыми жизненными стилями. Как бы там ни было, доступные свидетельства наводят на мысль, что дезагрегированная структуризация

будет ярче всего проявляться, когда а) обучение требует больших усилий и времени (как, например, в случае врачей и профессоров), б) работники изолированы либо стигматизированы (как в случае ассенизаторов, лесорубов), в) устройство на работу осуществляется главным образом по принципу самоотбора через социальные сети (как, скажем, в случае актеров) или преодоление экономических барьеров (например, в случае капиталистов) либо данное занятие предполагает необычные склонности и умения (такие, как в случае гробовщиков). Эти гипотезы можно проверить, исследуя гетерогенность жизненных стилей и поведений в отдельно взятых единичных занятиях.

Действительно ли социальные классы переживают распад, как утверждают постмодернисты? В постмодернистских кругах основные дискуссии на интересующую нас тему косвенно затрагивают проблему тенденций, причем наиболее радикальные точки зрения состоят в том, что ослабляются все формы структуризации в месте производства. Однако собранные в поддержку этого утверждения доказательства весьма ограничены. В самом деле, практически все исследования по этой теме сводятся к тенденциям в агрегированной структуризации, но даже в этом случае сведения практически всегда отсылают нас к классовому электоральному поведению (см., напр.: Evans 1997), жизненным шансам (см., напр.: Erikson and Goldthorpe 1992) и некоторым другим стандартным эффектам (Grusky and Weeden 2001). Таким образом, имеющихся сведений совершенно недостаточно для подтверждения тезиса о «классовой деструктуризации» в том широком и всеобъемлющем смысле, в котором ее обычно понимают.

Искажают ли крупноклассовые модели внутреннюю структуру социальной мобильности? Если социальное закрытие обеспечивается преимущественно на уровне единичных занятий, то любой традиционный агрегированный анализ может недооценивать степень жесткости и устойчивости режимов мобильности (Sørensen and Grusky 1996; Rytina 2000). Более того, принимая во внимание, что большая часть межнациональной вариативности локальной структуризации в результате агрегации теряется, мы можем обнаружить, что после дезагрегации данных по мобильности стандартные гипотезы конвергенции более не представляются правдоподобными. Существующая литература по социальной мобильности при всей своей обширности слишком сильно зависит от крупно-

классовых формулировок и, соответственно, уязвима при пересмотре на микроклассовом уровне.

Таким образом, мы утверждаем, что традиционные исследования «классовых эффектов» можно продуктивно переосмыслить. Хотя крупноклассовые формулировки, вероятнее всего, останутся доминирующими, в нашей дисциплине следует хотя бы рассмотреть возможность того, что был сделан ошибочный поворот и что в больших классах можно обнаружить еще много нуждающегося в объяснении. Не стоит забывать, что крупноклассовые модели изначально разрабатывались для объяснения процессов преобразований на макроуровне и крупномасштабных социальных изменений (см.: Grusky, Weeden, and Sørensen 2000). По мере институционализации классового конфликта классовые теоретики постепенно отходили от этих макроуровневых теорий истории и связанных с ними эволюционных нарративов (Holton and Turner 1989), вместо этого предпочитая применять классовые категории для более скромных теоретических задач объяснения современных микроуровневых явлений (например, электорального поведения, жизненных стилей). Современное увлечение адаптацией и пересмотром крупноклассовых формулировок можно рассматривать как лихорадочные попытки оставаться в своих узких рамках, мало-помалу смиряясь с новой исследовательской программой. Конечно, нельзя исключать, что всех этих поправок никак не достаточно. Если современная микроуровневая исследовательская программа будет принята всерьез, для нее могут потребоваться новые микроклассовые модели, выходящие за пределы крупноклассового номинализма и отображающие ту локальную социальную организацию, которую удастся обнаружить.

4 Основы классового анализа Пьера Бурдьё

Элиот Б. Вайнингер

На момент его смерти в январе 2002 года Пьер Бурдьё был, пожалуй, наиболее выдающимся социологом в мире (см.: Calhoun and Wacquant 2002). Автор многочисленных классических работ, он стал обязательной точкой отсчета в различных «специализированных» сферах данной научной дисциплины (таких, как социология образования, социология культуры, «теория» и социология знания); кроме того, по итогам изучения народа кабиллов в северном Алжире в ходе войны за независимость и после нее он обрел канонический статус в культурной антропологии¹. Однако его известность стремительно выросла в 1990-е годы, когда он стал очень заметной фигурой политического противоборства с неолиберальной ортодоксией, начинавшей доминировать в политическом дискурсе континентальной Европы (см.: Bourdieu 1998a, 2001a)².

Во многих исследованиях Бурдьё в качестве фундаментальной аналитической категории выступает социальный класс, причем настолько часто, что Бурдьё повсеместно включают в перечни ведущих современных классовых теоретиков. Однако несмотря на центральную роль этого концепта в работах ученого, во вторичных источниках конкретное его понимание раскрыто слабо. На самом деле есть несколько причин того, что уловить это необычайно трудно:

- Ни свойственное Бурдьё понимание класса, ни его более общий концептуальный арсенал не могут быть сопоставлены ни с ка-

¹ Чтобы получить общее представление о трудах Бурдьё, см.: (Bourdieu and Wacquant 1992), а также: (Swartz 1997; Brubaker 1985) и эссе, собранные в: (Calhoun, LiPuma, and Postone 1993).

² Впрочем, вовлеченность в политику не была для Бурдьё чем-то новым (см.: Bourdieu 2002).

ким-то одним «непререкаемым авторитетом» (будь то Маркс, Вебер, Дюркгейм или какое-то менее известное светило), ни с какой-либо самодостаточной традицией, восходящей к такому авторитету. никоим образом, поскольку по вопросам класса, как и по большинству прочих вопросов, Бурдьё обращался к социологическому канону исключительно по мере необходимости.

- Бурдьё был убежденным противником разделения теории и исследовательской работы — до такой степени, что практически все его концептуальные инновации развивались исключительно в контексте конкретных эмпирических проектов. Это сильно затрудняет любую дискуссию, нацеленную на то, чтобы дать фундаментальную характеристику его подходу к классу или любому другому социологическому объекту³. Аналитические суждения необходимо эксплицировать из примеров их конкретного применения так, чтобы искажение было минимальным. Более того, необходимо вычленять суть этих суждений из особенностей контекста, к которому они применялись, особенно если такие попытки предпринимаются в других обстоятельствах, учитывая место и время написания работ Бурдьё.
- Бурдьё сторонился «позитивистских» методологических ориентаций, по большей части укоренившихся в англоязычном классовом анализе: в его творческом наследии, насчитывающем тысячи страниц, очень сложно обнаружить какой-либо пример использования стандартных многомерных методов. Однако при этом он прямо не пропагандировал «качественные» методы. Вместо этого его исследование опирается на совокупность количественных и качественных данных. Поскольку объяснительная логика, лежащая в основе использования этих данных, не является ни общеизвестной, ни очевидной, за его аргументацией бывает сложно уследить.
- В отличие от многих известных школ современного классового анализа, Бурдьё не обращался к теории рационального

³ Бурдьё в целом скептически относился к попыткам проследить лежащую в основе его работ теоретическую логику в отрыве от эмпирического применения (пренебрежительно называя такие попытки «схоластикой»). Тем не менее он всё же взялся, пускай в качестве эксперимента, за теоретическое прояснение различных концептов. По вопросу социального класса см.: (Bourdieu 1987; Bourdieu 1990b, pp. 122–139; Bourdieu 1991, pp. 229–251; Bourdieu 1998b [1994], pp. 1–18).

действия. Собственно его видение социального класса отличается от этих школ двумя аспектами. Во-первых, его теория действия выстраивается вокруг концепции «габитуса», определяемого как социально обусловленная система диспозиций, задающая направление «мыслей, восприятий, способов выражения и действий» (Bourdieu 1990a [1980], p. 55). В социологии Бурдьё понимание действия, порожденного габитусом, несомненно, может быть близким к трактовкам теории рационального действия, но только если оно осуществляется в социальном контексте, в достаточной степени схожем с тем, в котором формировался габитус. Другими словами, с точки зрения Бурдьё, рациональность «*социально обусловлена*» (Bourdieu and Wacquant 1992, p. 126; Bourdieu 1990a [1980], pp. 63–64). Во-вторых, при всем при этом подход Бурдьё к социальному классу также отводит важное место анализу символических систем — элемента, обычно слабо представленного или отсутствующего в моделях, исходящих из допущения о рациональном действии.

Учитывая все эти сложности, разработку подхода Бурдьё к социальному классу нельзя свести к представлению списка аксиоматических суждений. Напротив, такая разработка должна, в первую очередь, взять в качестве отправной точки конкретное применение классового анализа. В случае Бурдьё это подразумевает сфокусированность на ставшем классическим исследовании «Различение. Социальная критика суждения», увидевшем свет в 1979 году. Именно в контексте этого труда (дополненного, конечно, рассмотрением соответствующих предыдущих и последующих работ) можно познакомиться с уникальным концептуальным арсеналом Бурдьё и его нетипичными методами анализа данных.

Предварительные вопросы

Объектом «Различения», написанного на основе данных, собранных во Франции в 1960-х и 1970-х годах, является соотношение между социальными классами и статусными группами, причем последние, вслед за Вебером, понимаются как коллективности (collectivities), определяемые через единообразие жизненных сти-

лей⁴. Однако прежде чем перейти к обсуждению непосредственно текста, следует обозначить два основных соображения, стоящих за многими уникальными чертами подхода Бурдьё к классу. Они связаны 1) со значением и ролью анализа *символических систем* в классовом анализе и 2) с вопросом о *границах* между классами.

В более ранней статье, схематически наметившей многие из утверждений, позднее повторенных в «Различении», Бурдьё явно берет на вооружение широко известное мнение Вебера о «классе» и «статусной группе»:

все говорит о том, что Вебер противопоставляет класс и статусную группу как два типа *реальных* единиц (*real unities*), которые временами могут совпадать в зависимости от типа общества...; [однако] для придания веберовским анализам всей полноты их мощи и влияния необходимо вместо этого рассматривать их как *номинальные* единицы... которые всегда являются результатом выбора акцента либо на экономическом, либо на символическом — аспектах, всегда сосуществующих в одной и той же реальности... (Bourdieu 1966, pp. 212–213; дополнено мной; курсив мой. — Э. В.)

Таким образом, Бурдьё интерпретирует веберовское противопоставление класса и статуса в терминах различения между материальным (или «экономическим») и символическим. Более того, он утверждает, что класс и статус не следует рассматривать как альтернативные типы стратификации, порождающие различные типы социальных коллективностей. Напротив, различение между классом и статусной группой надлежит рассматривать сугубо как аналитически удобное средство, от которого Бурдьё, к тому же, склонен отказаться. Как следствие он настаивает на том, что классовый анализ нельзя свести к анализу экономических отношений и что он скорее *одновременно* предполагает анализ символических отношений, более-менее схожих со статусными различиями, к которым обращается Вебер.

Наряду с утверждением, что классовый анализ имеет как экономическое, так и символическое измерение, Бурдьё также отвергает один из наиболее фундаментальных аспектов классовой тео-

⁴ Как выразился Вебер, «почитание статуса (*status honor*) обычно выражается в том факте, что от желающих принадлежать к определенному кругу людей ожидается прежде всего специфический *стиль жизни*» (Weber 1958, p. 187).

рии — императив априорной демаркации классов. Основания для такого отказа явно прослеживаются в замечаниях вроде следующего:

[м]ногочисленные исследования “социальных классов” ... всего лишь рассматривают практические вопросы, навязываемые обладателями политической власти. Политические лидеры постоянно сталкиваются с ... практическими императивами, проистекающими из логики борьбы на политическом поприще, такими как ... потребность мобилизовать как можно большее число голосов, одновременно доказывая несокрушимость своего проекта сторонникам других лидеров. Поэтому они обречены поднимать проблемы социального мира в типично субстанциалистской логике границ между группами и размера мобилизуемой группы... (Bourdieu 1991, p. 246)

Бурдьё пришел к размежеванию социологии класса и проекта теоретически определяемых границ между классами по нескольким причинам. В первую очередь, аргументация о границе, разделяющей две социальные коллективности, является фундаментальной формой политического конфликта, а Бурдьё в течение всей своей карьеры придерживался видения социологии, отвергающего смешение политических и научных интересов (по этому вопросу см. также: Donnelly 1997)⁵. Во-вторых, он утверждает, что, заранее проводя границы, социологи рискуют (в своей исследовательской практике, а возможно, и в теории) начать воспринимать классы как «самодостаточные сущности... которые возникают “наперед сформированными” и только после этого... [вовлекаются в] динамические потоки...» (Emirbayer 1997, p. 283), или, другими словами, согласно «субстанциалистской» логике. Оба эти возражения отчасти проистекают из антипатии Бурдьё к спорам (часто возникавшим в 1960-х и 1970-х годах) насчет «реальных» линий разграничения между классами — прежде всего, отделяющих «средний класс» от пролетариата — и политических последствий того или иного расположения этих линий. Вопреки фундаментальным предпосылкам этих споров, Бурдьё темпераментно настаивает, что

⁵ Таким образом, в «Различении» Бурдьё заявляет, что «многие из слов, используемых социологией для обозначения сконструированных ею классов, заимствованы из повседневного употребления, где они служат для выражения (обычно полемичного) взгляда одной группы на другую» (Bourdieu 1984 [1979], p. 169).

«вопрос, с которого должна начинаться вся социология», — это «вопрос существования... и режима существования коллективов» (Bourdieu 1991, p. 250). Как будет показано ниже, из этого вопроса следует, что границы нужно понимать в терминах *социальных практик*, а не *теоретической конъюнктуры*.

Идентифицировав эти фундаментальные аспекты, можно приступить к обсуждению «Различения». Далее, во втором подразделе будет кратко изложено понимание класса согласно Бурдьё в первом приближении, где нам никак не избежать абстрагирования от его полномасштабной сложности. Это поможет нам сконцентрироваться на той настойчивости, с которой Бурдьё возвращается к вопросу о «существовании... и режиме существования коллективов». По ходу дела неизбежно будут затронуты элементы обширного концептуального арсенала Бурдьё, в том числе центральные понятия капитала, габитуса и поля⁶. В следующем, третьем подразделе мы вернемся к вопросам, временно отложенным в сторону для получения более всеобъемлющей картины. В частности, будет рассмотрено, как в работе Бурдьё связаны друг с другом различные формы социального доминирования и как эволюционировали его взгляды на протяжении его карьеры.

Очерк о теории класса Бурдьё

Бурдьё описывает «Различение» как «попытку переосмыслить противопоставление класса и статуса у Макса Вебера» (Bourdieu 1984 [1979], p. xii). Как мы уже знаем, этот проект занимал его с 1960-х, в первую очередь потому, что поднимал вопрос взаимоотношения между экономическим и символическим. С точки зрения Бурдьё, различия статусов (то есть стилей жизни) могут рассматриваться как проявления социальноклассовых различий. Для проверки этого суждения он развивает объяснительную аргументацию, постулирующую, во-первых, существование каузальной связи между классовым положением и «габитусом» и,

⁶ Эти концепции стали объектом интенсивных (если не бесконечных) мета-теоретических дискуссий. Применительно к целям данной главы эти дебаты можно смело оставить в стороне. Те, кому они интересны, могут обратиться к: (Bourdieu and Wacquant 1992) и множеству источников, упомянутых там.

во-вторых, отношение «экспрессии» (relation of “expression”) между габитусом и многообразием практик, относящихся к различным сферам потребления — практик, символически связанных между собой таким образом, что они образуют единое целое («стиль жизни»). Однако, в-третьих, Бурдьё утверждает далее, что эти практики приводят к формированию социальных коллективностей — а именно, «статусных групп» — путем выстраивания символических границ между индивидами, занимающими различное положение в классовой структуре. Процесс, посредством которого это происходит, имеет спорный характер и принимает форму того, что Бурдьё называет «классификационной борьбой». Наконец, Бурдьё показывает, что эта борьба составляет лишь одну из множества модальностей, посредством которых осуществляется «символическая власть».

Классовая структура

Для начала необходимо уяснить, что для Бурдьё понятие классовой структуры охватывает занятыйное разделение труда во всей его полноте. Из этого следует, что он трактует это понятие гораздо шире, чем марксистские теории, которые сводят его к системе позиций, определяемых в терминах владения и/или контроля над средствами производства. Как следствие, Бурдьё не сталкивается с проблемой, об которую споткнулись многие марксистские теории — а именно, с проблемой поиска решения, как поступать со всеми теми позициями в разделении труда, которые нельзя охарактеризовать в терминах канонического разделения на «собственников» и «рабочих» (либо нельзя охарактеризовать в этих терминах «адекватно» или «удовлетворительно»). Таким образом, его модель, по сути, охватывает не только занятия «среднего класса», служившие источником множества проблем в рамках марксистской традиции, но и занятия, маячившие где-то на периферии большинства классовоаналитических схем, такие как позиции в государственном «аппарате» и бюджетной сфере, так называемые «профессии» и, далеко не в последнюю очередь, интеллектуалы, художники и прочие участники «культурного производства».

В понимании Бурдьё, занятыйное разделение труда образует *систему*. Из этого следует, что позиции в разделении труда отличаются друг от друга — а значит, соотносятся друг с другом — в

терминах теоретически значимых факторов. По мнению Бурдьё, эти факторы проистекают из распределений «капитала». Капиталом Бурдьё называет «набор реально используемых ресурсов и властных полномочий» (Bourdieu 1984 [1979], p. 114). Более того, он настаивает, что существует множество *видов* капитала, которые нельзя охватить каким-то одним обобщенным концептом. В данном контексте важнейшими из них являются экономический и культурный капиталы (см.: Bourdieu, 1986; Bourdieu and Wacquant 1992, pp. 117–120)⁷. В то время как Бурдьё в течение всей своей карьеры был склонен считать смысл первого концепта более-менее самоочевидным, второй был объектом тщательной проработки (и вызывал широкие дискуссии). Попросту говоря, понятие культурного капитала касается сугубо культурно-специфической «компетентности», неравномерно распределяемой и имеющей силу (в качестве «ресурса» или «властных полномочий») в конкретной социальной среде. В высокодифференцированных обществах «прививают» культурный капитал главным образом два социальных института: семья и школа. Его фундаментальная характеристика заключается в том факте, что он формируется постепенно, поэтому его обретение требует временных затрат (Bourdieu 1986, pp. 244–246)⁸.

⁷ Бурдьё также широко известен тем, что выделял третью форму капитала — «социальный капитал» (см.: Bourdieu 1986). Эта форма капитала, с точки зрения Бурдьё, имеет второстепенное значение для анализа капиталистических обществ; но когда он время от времени обращался к обсуждению обществ государственного социализма, она начинала играть более важную роль (см.: Bourdieu 1998b [1994], pp. 14–18).

⁸ Культурный капитал также может встречаться в «объективированной» форме, то есть в форме материальных объектов, производство либо потребление которых предполагает наличие некоторого объема инкорпорированного культурного капитала. Также он может встречаться в «институционализированной» форме — как инкорпорированная компетенция, сертифицированная официальным органом, обладающим полномочиями юридически «подтверждать» ее наличие — то есть в форме образовательных аттестатов (Bourdieu 1986). Согласно Бурдьё, одной из важнейших характеристик культурного капитала является преемственность; в силу этого он может существенно способствовать межпоколенческому воспроизводству распределения индивидов по классовым положениям, поскольку «социальные условия его передачи и приобретения более завуалированы, нежели у экономического капитала» (Bourdieu 1986, p. 245).

Таким образом, Бурдьё разрабатывает свою модель классовой структуры, анализируя данные социологических исследований, включающие широкий спектр индикаторов экономического и культурного капитала, которым обладают индивиды, занимающие те или иные позиции в занятостиной системе. Эту модель можно представить в виде факторного пространства, сформированного тремя ортогональными осями⁹. Первая (и самая важная) ось дифференцирует положения в занятостиной системе по общему объёму капитала (экономического и социального), имеющегося в распоряжении тех, кто эти положения занимает. Согласно Бурдьё, классовое положение является функцией от расположения на этой оси. Таким образом, его данные свидетельствуют, что члены таких категорий занятий, как промышленники, управляющие частного сектора и профессора колледжей, занимают пересекающиеся позиции у верхнего конца оси, а следовательно, имеют общее классовое положение; соответственно, Бурдьё обозначает эти категории общим термином «доминирующий класс» (“dominant class”) (или иногда «буржуазия»). Аналогично, работники физического труда и сельхозработники занимают пересекающиеся позиции на противоположном конце данной оси, из чего следует, что они имеют общее классовое положение, противоположное занятиям, образующим доминирующий класс; эти категории обозначаются общим термином «рабочий класс» (или “les classes populaires” — «простонародные классы»). Между этими полюсами обнаруживаются такие пересекающиеся категории занятий, как мелкие бизнесмены, технические специалисты, секретари и школьные учителя, обозначаемые общим термином «мелкая буржуазия» (см.: Bourdieu 1984 [1979], p. 128–129).

⁹ Бурдьё отдаёт предпочтение множественному анализу соответствий (МАС) — статистической методике, схожей с факторным анализом, но с использованием категориальных переменных. Особый интерес для него представляла такая характеристика МАС, как сохранение индивидуальными кейсами своих категориальных «идентичностей» в рамках факториального пространства. Это позволяет строить графики дисперсии членов каждой занятостиной категории в данном пространстве (см. итоговые результаты такого анализа, приведенные в: Bourdieu 1984 [1979], pp. 128–129; для «полных моделей» см.: *ibid.*, pp. 262, 340). Интересное обсуждение использования МАС со стороны Бурдьё приведено в: (Rouanet, Ackermann, and LeRoux 2000).

Вторая ось обозначенного факторного пространства дифференцирует позиции в рамках классовых положений. Бурдьё называет позиции, занимающие противоположное положение на этой оси, марксистским термином «классовые фракции» (“class fractions”). Однако этот термин не следует интерпретировать в соответствии с марксистскими теориями, поскольку значение, которым его наделяет Бурдьё, выходит далеко за рамки марксизма. Согласно Бурдьё, классы внутренне делятся на основании *состава* капитала (*composition of the capital*), имеющегося в распоряжении занимающих соответствующие позиции, то есть относительного преобладания экономического либо культурного капитала в «наборе реально используемых ресурсов и властных полномочий». Итак, занятийные категории в пределах доминирующего класса дифференцируются таким образом, что профессора и «производители художественного продукта» — представители занятий, которые предполагают наибольший культурный капитал и наименьший экономический капитал, — противопоставляются промышленникам и работодателям в сфере торговли — представителям занятий, которые предполагают владение преобладающим экономическим и относительно небольшим культурным капиталом. Посередине между этими полярными крайностями находятся профессии, представители которых демонстрируют относительно симметричную структуру активов. Аналогично, в мелкой буржуазии вдоль второй оси мелкие бизнесмены, обладающие преимущественно экономическим капиталом, противопоставляются школьным учителям, обладающим преимущественно культурным капиталом. Промежуточное положение занимают такие категории, как технические специалисты, офисные работники и секретари¹⁰.

Занятийное разделение труда дифференцируется по третьей оси, соответствующей квазиструктурной трактовке времени. Сгенерированная главным образом на основе индикаторов экономического и культурного капитала семьи происхождения, данная ось дифференцирует позиции по *траекториям* движения тех, кто их занимает, или, другими словами, по изменениям или же неизменности объема и состава их капитала во времени. В этом случае

¹⁰ Бурдьё не смог дифференцировать фракции внутри рабочего класса на основе доступных ему данных; однако он сохранял твердое убеждение, что более качественные данные позволили бы ему обнаружить требующиеся для этого различия (Bourdieu 1984 [1979], p. 115).

данные Бурдьё показывают, к примеру, что представители профессий имеют больше шансов войти в буржуазию по праву рождения, чем все прочие представители этого класса. Стоит отметить, что его подход открывает интригующую сферу изучения мобильности: вдобавок к вертикальным перемещениям (вдоль первой оси), мобильность также может предполагать «горизонтальное», или «поперечное» перемещение (вдоль второй оси) — то есть как классовая, так и фракционная позиция индивида могут меняться с течением времени. Перемещение второго типа, при котором преобладание активов одного типа сменяется преобладанием активов другого типа, Бурдьё называет «конвертацией» капиталов (“conversion” of capitals)¹¹.

Построенную таким образом Бурдьё модель занятийного разделения труда следует понимать скорее как структуру объективных позиций — то есть позиций, «занимаемых» индивидами, но существующих как «квазиреальность» (Bourdieu and Wacquant 1992, p. 27) независимо от них. Соответственно, Бурдьё называет это *социальным пространством* анализируемой социальной формации. Это понятие должно означать единую систему объективных отношений между различными возможными комбинациями важнейших «властных полномочий и ресурсов» в данной социальной формации и их эволюцию с течением времени. Как таковое это понятие очень далеко отстоит от тех, что разрабатывались в рамках более известных традиций классового анализа. В частности, социальное пространство Бурдьё отличает от них тот факт, что три конституирующие его оси — объем, состав и траектория — рассматриваются как *непрерывные* измерения как с методологической, так и с теоретической точки зрения (Bourdieu 1990a [1980], p. 140). Из этого следует, что данная модель не постулирует наличия каких-либо внутренне присущих линий разграничения, обозначающих структурный порог, за которым один класс сменяется другим, а следовательно, в пределах «универсума непрерывности» идентификация дискретных классовых (и фракционных)

¹¹ Мобильность вдоль «горизонтальной» оси структуры подчиняется тому, что Бурдьё называет преобладающим «курсом конвертации» (“conversion rate”) различных капиталов (к примеру, преобладающие затраты или доходы, связанные с образованием). Этот курс варьирует со временем, будучи продуктом конфликта между обладателями преимущественно того или иного вида капитала.

положений составляет не более чем эвристический прием (см.: Bourdieu 1984 [1979], pp. 258–259, 339). И соответственно, хотя тот факт, что Бурдьё концептуализует социальное пространство в градационных терминах, на первый взгляд перекликается с теми «стратификационными» моделями, в которых под занятыйным ранжиром понимается непрерывная шкала позиций (дифференцируемых, к примеру, в терминах связанных с ними вознаграждений), его концепция всё же отстоит очень далеко от них благодаря своей *многомерной* конфигурации (см.: Bourdieu 1984 [1979], pp. 124–125; см. также: Bourdieu 1991, pp. 244–245). Как отмечалось, данное обстоятельство открывает дорогу анализу форм мобильности («конвертации» капитала), которые в упомянутых моделях игнорируются; а также, как будет показано далее, оно открывает дорогу анализу форм конфликта, существование которых такие модели неспособны признать¹².

Классовый габитус

Бурдьё устанавливает *непрямую* каузальную связь между позициями в социальном пространстве и практиками при помощи концепта габитуса, обеспечивающего, согласно его объяснительной схеме, необходимое опосредование: «социальный класс, понимаемый как система объективных обусловленностей, должен

¹² По собственному признанию Граски и Соренсена (Grusky and Sørensen 1998), концепция социального пространства Бурдьё напоминает разработанную ими «дезагрегированную» версию классового анализа, по крайней мере в том плане, что обе концентрируются на системе занятий. Тем не менее между этими двумя моделями обнаруживаются существенные различия. В частности, хотя Граски и Соренсен желают показать, что занятыйные положения обладают многими чертами, традиционно приписываемыми классам, сложно понять, каким образом в рамках их модели можно говорить о *занятийной структуре* — по аналогии с традиционным понятием *классовой структуры*. Причина в том, что они не склонны сформулировать принцип (или принципы) вариативности или дифференциации, способный установить теоретически значимые связи между множеством положений в пределах занятыйной системы. Попросту говоря, их подходу недостает аналогии с выделенными Бурдьё в качестве измерений социального пространства объемом, составом и траекторией. Так что есть основания усомниться в уместности использования ими идиомы класса.

быть определен не через индивида или “класс” как население, то есть совокупность... индивидов, но через *классовый габитус*» (Bourdieu 1977 [1972], p. 85) (курсив мой. — Э. В.). Именно этот концепт из всех входящих в репертуар Бурдьё вызвал наиболее острые и доселе не прекращающиеся метатеоретические дискуссии. В контексте данной главы этими дискуссиями можно смело пренебречь и подойти к вопросу габитуса с точки зрения, соответствующей проблеме, затронутой в «Различении», а также проведенному в этой работе классовому анализу.

Бурдьё описывает фундаментальное предназначение данного концепта как «избегание и объективизма действия, понимаемого как механическая реакция “без агента”, и субъективизма, изображающего действие как намеренное осуществление сознательного замысла...» (Bourdieu and Wacquant 1992, p. 121)¹³. Прежде всего, понятие габитуса обозначает социально сформированную систему *диспозиций*. В силу этого оно предполагает видение, согласно которому действия не порождаются ни явным учетом норм (то есть посредством сознательного соотнесения ситуации действия с морально обязующим «правилом»), ни рациональным расчетом (то есть посредством взвешивания относительных рисков и вознаграждений, предположительно проистекающих из разных возможных вариантов действий). Скорее, в русле прагматистских философий, понимание, исходящее из диспозиций, подразумевает, что в «типичных» обстоятельствах действие может осуществляться на *дорефлексивной* основе, то есть без опоры на сознательное осмысление правил или оценивание результатов. Тем не менее, понятие габитуса не следует путать с понятием «обычай» (в общеизвестном смысле слова), согласно которому действие может предшествовать осмыслению лишь в той мере, в какой оно является рутинным и повторяющимся. Диспозиции же могут порождать действия (или, как предпочитает говорить Бурдьё, практики), являющиеся в высшей степени спонтанными и изобретательными. Его излюбленные иллюстративные примеры взяты из музыки и спорта: состоявшийся музыкант способен импровизировать

¹³ См. также (Bourdieu and Wacquant 1992, p. 136): «[п]онятие габитуса объясняет тот факт, что социальные агенты не являются ни частичками материи, движимыми внешними факторами, ни крошечными монадами, руководствующимися сугубо внутренними причинами, выполняя некое подобие идеально рациональной внутренней программы действий».

в контексте заданной гармонической структуры без необходимости мысленно перебирать альтернативные вариации до их реального исполнения; аналогично, состоявшийся теннисист бросается к сетке ради выигрыша без того, чтобы наперед взвешивать ожидаемые последствия данной стратегии по сравнению с другими (см.: Bourdieu 1990b, p. 11; 1990a [1980], pp. 52–65; Bourdieu and Wacquant 1992, pp. 19–22). Само собой, метатеория Бурдьё не отрицает ни рационального расчета, ни намеренной оглядки на правила, однако они считаются «производными» источниками практики в том смысле, что они с наибольшей вероятностью являют себя тогда, когда габитусу приходится сталкиваться с незнакомой средой (пример: исполнитель классической музыки, согласившийся выступать вместе с джазовым ансамблем).

Согласно Бурдьё, габитус дифференциально формируется в соответствии с позицией каждого *актора* в социальном пространстве; в силу этого он эмпирически изменчив и классово специфичен (в том смысле, который в этот термин вкладывает Бурдьё). Развивая эту мысль, мы должны начать с признания того, что для Бурдьё процесс, посредством которого формируется габитус, не локализован (или, по крайней мере, первично не локализован) в «точке производства» (“point of production”). Другими словами, хотя, по Бурдьё, занятыйная система включает в себя институциональное ядро «классовой структуры», ни рынок труда, ни заводской цех (или офисный кабинет) не функционируют как площадка, на которой разворачиваются каузальные процессы, дающие начало классово специфическому габитусу. Вместо этого, согласно Бурдьё, всякое положение в социальном пространстве — то есть, всякая комбинация объема и состава капитала — соответствует конкретному набору жизненных условий, которые он обозначает как «классовые условия»¹⁴. Собственно они и призваны определять конкретные условия, в рамках которых формировался

¹⁴ В главе Соренсена в данной книге показаны различия между концепциями класса, основывающимися на понятии условий жизни и на понятии эксплуатации. С точки зрения Соренсена, первые концепции должны опираться на вводимое последними понятие «объективных» — но, как правило, латентных — антагонистических интересов для описания процессов формирования классов (к примеру, коллективных действий членов класса). Как будет показано ниже, Бурдьё рассматривает этот процесс совершенно иначе.

габитус, и, в частности, опыт переживания материальной нужды¹⁵. По мнению Бурдьё, опыт переживания конкретных классовых условий, характеризующих данное положение в социальном пространстве, накладывает на индивида отпечаток конкретного набора диспозиций.

Эти диспозиции составляют то, что Бурдьё иногда называет «генерирующей формулой». Он определяет их как «благоприобретенную систему генерирующих схем... [которая] делает возможным... производство... мыслей, восприятий и действий» (Bourdieu 1990a [1980], p. 55). Эти схемы позволяют *акторам* воспринимать свою специфичную ситуацию и ее элементы как значимые и выполнять — как правило, без раздумий или взвешивания — «соответствующую» ей последовательность действий (вот почему, как утверждает Бурдьё, наблюдаемые социологами закономерности действий зачастую кажутся результатом соблюдения норм или рационального решения). С одной стороны, эта способность *ограниченна*: чем дальше ситуация действия отклоняется от условий, в которых формировался габитус, тем больше шансов, что этот габитус станет неэффективным (разновидность индивидуальной аномии). Однако, с другой стороны, составляющие габитус «схемы» могут *экстраполироваться*: в пределах, заданных условиями их формирования, они вполне способны работать в различных сферах социальной жизни, а следовательно, придавать *общность* «феноменально различным» практикам. Одной из форм реализации этого единства — и ключевой в «Различении» — является феномен *вкуса*.

Классовые практики

Как отмечалось выше, для Бурдьё фундаментальный вопрос социологии — это вопрос «существования... и режима существования коллективов». Одним из лежащих в основе «Различения» допущений является предположение, что социальные коллективности в настоящий момент формируются преимущественно на арене потребления. Действительно, на этом допущении основывается акцентирование у Бурдьё важности стиля жизни. Вот почему

¹⁵ Изначальное формирование габитуса происходит в контексте «раннего воспитания» каждого индивида. Впоследствии он может меняться под влиянием нового опыта; однако самый ранний имеет «непропорциональный вес» (Bourdieu 1977 [1972], p. 78; Bourdieu 1990a [1980], pp. 54, 60).

следующий шаг объяснительного процесса предполагает анализ широкого спектра данных о потребительских практиках и предпочтениях, включая как имеющие отношение к «канонизованным» формам культуры (живопись, литература, музыка, театр и т. д.), так и относящиеся к культуре в более широком, антропологическом смысле слова (еда, виды спорта, газеты, одежда, декор интерьера и т. д.). Проведя анализ соответствий (*correspondence analysis*) на основе этих данных, Бурдьё сумел продемонстрировать, что различные индикаторы стиля жизни формируют структуру, изоморфную (или, как предпочитает выражаться Бурдьё, «гомологичную») структуре социального пространства. Точнее говоря, он сумел продемонстрировать, что различные предпочтения и практики кластеризуются в различных секторах социального пространства (Bourdieu 1998b [1994], pp. 4–6).

Поскольку габитус, являющийся системой «схем» диспозиций, невозможно наблюдать непосредственно, его следует познавать интерпретативно. Вот почему значительная часть «Различения» посвящена качественному исследованию различных предпочтений и практик, кластеризующихся в каждом из секторов социального пространства (то есть внутри каждого из «классов» и каждой «фракции»), с целью идентифицировать конкретные «схемы» или «принципы», лежащие в их основе и определяющие расходование экономического и культурного капитала именно таким образом, который приводит к семантической согласованности жизненного стиля¹⁶. Итак, Бурдьё демонстрирует, что в среде членов доминирующего класса возникает унитарный стиль жизни, основывающийся на том, что он называет «чувством различения». Этот габитус определяется в основном первостепенной для него эстетической чувствительностью. Различные моменты повседневной жизни дают множество поводов для проявления этой чувствительности. В частности, в каждом из них кроется возможность для подчинения функции форме:

«[х]отя очевидно, что самой широкой сферой воплощения этого является искусство, нет ни одной сферы практики, где бы эта интен-

¹⁶ Легкость, с которой Бурдьё выявляет семантическую согласованность, распространяющуюся на самые мелкие аспекты повседневной жизни, придает анализу ту насыщенность, которую, к большому сожалению, нет возможности воспроизвести здесь.

ция очистить, облагородить и сублимировать непосредственные порывы и первичные потребности не могла утвердиться и где бы стилизация жизни, то есть первичность формы в отношении функции, приводящая к отрицанию функции, не вызывала такие же эффекты. В языке это выражено в противопоставлении искренности простого народа крайне цензурированному языку буржуазии... Аналогичная экономия средств обнаруживается в языке тела: тут также возбуждение и неуклюжесть, гримасы и жестикаляция противостоят... сдержанности и невозмутимости, свидетельствующим о более высоком положении. Даже сфера первичных вкусов организуется в соответствии с этим первичным противостоением, с антитезисом количества и качества, чрева и уст, цели и средств, содержания и формы. (Bourdieu 1984 [1979], pp. 175–176)

Процитированный отрывок показывает, что Бурдьё рассматривает габитус рабочего класса как «прямо противоположный» габитусу доминирующего класса: «вкус к самому необходимому», характеризующий жизненный стиль членов этого класса, побуждает их придавать абсолютный приоритет функции перед формой, настаивать на том, что искусство должно иметь моральный посыл, и требовать делать выбор, свидетельствующий о подчинении классу в целом (и воспринимающийся как косвенная демонстрация солидарности). В свою очередь, мелкая буржуазия практикует жизненный стиль, порожденный сочетанием, с одной стороны, стремления к буржуазному жизненному стилю, а с другой — недостатка экономического или (в особенности) культурного капитала для его обретения. Поэтому ее представители предрасположены к «культурному рвению»: не имея достаточного уровня «культурности» (в буржуазном смысле), они склонны воспринимать «популярные» эстетические формы (такие, как «легкая» опера) и посвящать себя деятельности, направленной на культурное самосовершенствование.

Кроме того, Бурдьё демонстрирует наличие в доминирующем классе и мелкой буржуазии существенных внутренних различий, проистекающих из вариативности структур активов, связанных с соответствующими позициями (то есть из состава капитала)¹⁷. Таким образом, в рамках доминирующего класса обладатели пре-

¹⁷ Вспомним (см. сноску 10), что Бурдьё не может четко идентифицировать классовые фракции рабочего класса, но настаивает, что это следствие недостаточности его данных.

имущественно экономического капитала (работодатели в сферах торговли и промышленности) выражают «чувство различения» посредством погони за предметами роскоши и любовного накопления богатства, в то время как их оппоненты («производители культурного продукта» и университетские профессора) выражают этот порыв, исповедуя культурный «аскетизм», ориентированный на наиболее интеллектуально взыскательные (и наименее дорогие) формы культуры. Бурдьё подытоживает это противопоставление габитуса и стилей жизни так:

[с] одной стороны, чтение, причем чтение поэзии, философских и политических трудов, газеты “Le Monde” и (в основном левацких) литературных или художественных журналов; с другой — охота или азартные игры, а когда дело доходит до чтения, то речь идет о чтении “France-Soir” или... “Auto-Journal”... С одной стороны, классический либо авангардный театр, ...музеи, классическая музыка, ... блошинный рынок, кемпинг, альпинизм или прогулки; с другой — деловые поездки и ланчи за счет фирмы, бульварный театр... и мюзик-холл, эстрадные шоу по телевизору, ... аукционный зал и “бутики”, роскошные машины и яхта, трехзвездочные отели и спа. (Bourdieu 1984 [1979], p. 283)

Между этими полюсами доминирующего класса располагаются профессионалы и (в первую очередь) высшие руководители, которые, воздерживаясь одновременно от показной роскоши работодателей и «аскетизма» интеллектуалов, демонстрируют стиль жизни, выстроенный вокруг эстетических приверженностей «модернизму», «динамизму» и «космополитизму»: принимающие новые технологии и открытые для зарубежной культуры, они воспринимают себя «лишенными предрассудков» и ведут «раскованный» образ жизни (Bourdieu 1984 [1979], pp. 295–315). Далее Бурдьё фиксирует аналогичные противопоставления в рамках мелкой буржуазии, где вариации соотношения экономического и культурного капитала соответствуют различным «модальностям» характерного для ее представителей «культурного рвения». Он также приводит многочисленные уточнения своей характеристики стиля жизни всякого класса и всякой фракции, обусловленного внутренними расхождениями траектории.

Стили жизни, столь подробно задокументированные Бурдьё в «Различении», относятся к конкретному месту и времени, поэтому нет необходимости их здесь еще раз подробно перечислять (об-

суждение, дающее нам определенный исторический контекст, см. в: Lane 2000, pp. 140–165). Вместо этого просто отметим, что Бурдьё сумел предоставить компендиум данных, доказывающий как наличие изоморфизма между структурой социального пространства и распределением потребительских практик, так и обусловленность этого соответствия субъективной системой диспозиций, «выражение» которых во множестве сфер потребления приводит к семантическому единству практик, дающему основания привлечь к рассмотрению согласованные «стили жизни». Таким образом, в соответствии с заявлениями, содержащимися в его предшествующих замечаниях касательно Вебера, Бурдьё сумел установить необходимую взаимосвязь между классом и статусом. Тем не менее, как показано в данной главе, его анализ остается неполным. Это вызвано прежде всего тем, что изложение было, по сути, статичным, схватывающим исследуемые практики застывшими, подобно некоему снимку. Вот почему

следует выйти за пределы этого условного объективизма, который за счет “обращения с социальными фактами как с вещами” овеществляет то, что описывает. Социальные позиции, предстающие перед наблюдателем в виде мест, расположенных в статичном порядке дискретных ячеек... также являются стратегическими позициями, крепостями, которые обороняются и захватываются на поле битвы. (Bourdieu 1984 [1979], p. 244)

Различия стилей жизни, с точки зрения Бурдьё, лежат в основе и конфликтов по поводу положений индивидов в социальном пространстве, и самой структуры этого пространства. Отсюда следует, что конфликты между классами и между классовыми фракциями неизбежно имеют символическую составляющую. Именно в этом суждении явственно и в полной мере проявляется значимость попытки Бурдьё увязать «класс» и «статус».

Классификационные конфликты и символическое насилие

Третьим после «капитала» и «габитуса» общим концептом социологии Бурдьё, который следует представить, является концепт *поля* — понятие, имеющее своей целью свести воедино все в его понимании социальной структуры. Как было показано выше, Бур-

Бурдьё рассматривает классовую структуру социальной формации как объективную сеть позиций, систематически взаимосвязанных в терминах распределения культурного и экономического капитала по занятийным положениям. Концепт поля призван исключить чрезмерно структуралистскую интерпретацию социального пространства — то есть такую, согласно которой индивидам, «занимающим» различные позиции, отводится роль простых «носителей» инкапсулированных в них структурных отношений (см.: Bourdieu and Wacquant 1992, pp. 94–115). В этом контексте данный термин призван ассоциироваться с полем боя либо игровым полем, а точнее, с тем фактом, что противостоящие друг другу индивиды вступают друг с другом в конфликт или конкурентную борьбу с более либо менее выгодных позиций (Bourdieu and Wacquant 1992, pp. 16–18). На этом основании социальное пространство Бурдьё можно с равным успехом назвать «полем социальных классов» (см., напр.: Bourdieu 1984 [1979], p. 345; 1991, p. 41). В контексте «Различения» это означает, что стили жизни вовлечены в социальные конфликты.

Такие аспекты стиля жизни, как высокая кухня или коллекционирование антиквариата, с одной стороны, не просто отличаются от «обильной» пищи и изготавливаемого в промышленных масштабах декора — с другой. В действительности же эти различные формы одного и того же элемента стиля жизни (мебели, еды и т. п.) находятся в иерархическом отношении друг с другом, и, как следствие, сами жизненные стили социально ранжированы. Согласно Бурдьё, иерархический «статус» жизненного стиля является функцией от его близости к «легитимной культуре» или удаленности от нее. Под последней понимаются элементы культуры, признанные обществом «достойными», «каноническими» или «выдающимися» в каком-то ином плане. Соответственно, содержание легитимной культуры всегда значимо — оно является объектом непрерывной борьбы. Таким образом, к примеру, если рассматривать характерные детали буржуазного стиля в еде и свойственного рабочему классу стиля в еде в контексте лежащего в их основе и породившего их габитуса, они окажутся эквивалентными «двум антагонистическим мировоззрениям, ... двум проявлениям человеческого совершенства» (Bourdieu 1984 [1979], p. 199).

Бурдьё определяет по меньшей мере две модальности, в соответствии с которыми развиваются конфликты по поводу «леги-

тимной культуры». Первая отвечает твердо установившейся социологической модели «эффекта просачивания благ сверху вниз» (“trickle-down effect”). Согласно его интерпретации этой модели, имеет место постоянная конкуренция за право присвоения наиболее «выдающихся» объектов или практик. Изначально захваченные обладателями наибольшего экономического и/или культурного капитала (т. е. доминирующим классом либо одной из его фракций), эти объекты или практики с течением времени постепенно диффундируют вниз в социальном пространстве; но как раз по мере того, как они всё больше «популяризуются», каждая предыдущая группа их приверженцев всё более склонна отказаться от них в пользу новых объектов или практик, позволяющих им подтвердить эксклюзивность своего вкуса. В этой квазиимитативной форме конкуренции доминирующий класс или одна из его фракций неизбежно берет на себя ведущую роль «законодателя вкуса» (Bourdieu 1984 [1979], pp. 247–256). Согласно Бурдьё, рабочий класс, обыкновенно неспособный самоутвердиться в рамках такой конкуренции в силу как нехватки капитала, так и своей антитетической диспозиции, склонен от нее отстраняться, таким образом невольно играя роль отрицательной точки отсчета или «контраста», отталкиваясь от которого мелкая буржуазия и доминирующий класс могут пытаться закрепить свое культурное отличие. В самом деле, с точки зрения Бурдьё, неспособность рабочего класса участвовать в гонке за право претендовать на те формы культуры, легитимность которых его члены при всём при этом признают (по крайней мере, косвенно), настолько глубока, что их можно назвать «пронизанными ощущением собственной культурной неполноценности» (Bourdieu 1984 [1979], p. 251)¹⁸.

¹⁸ Возможно, Бурдьё пришлось бы внести поправки в свое, несомненно, нелестное описание культурной депривации и пассивности рабочего класса, сумей он вычленить отдельные фракции внутри этого класса, существование которых постулирует его теория, так как в этом случае он был бы вынужден анализировать их междоусобные конфликты. Тем не менее, как бы мы ни относились к этому аспекту «Различения», следует помнить, что предпосылки существования иерархии стилей жизни нельзя фальсифицировать простым указанием на канонизацию «популярных» (или бывших некогда «популярными») форм культуры. Бурдьё вполне осознает этот феномен, однако утверждает, что освящение свойственных рабочему классу культурных форм неизбежно происходит при посредничестве интеллектуалов или деятелей искусства; заряженные иным габитусом, эти культур-

Конфликты по поводу легитимной культуры с той или иной степенью неизбежности принимают форму «просачивания сверху вниз», когда камнем преткновения становится конкретная форма культуры, «освящение» и легитимация которой является прерогативой институционально санкционированной и крайне закрытой группы «экспертов», или «профессионалов» (Bourdieu 1990a [1980], p. 138)¹⁹. Парадигматическим примером является искусство с его крайне ограниченными институциональными пространствами (университетские кафедры, музеи, галереи, аукционные дома и т. п.), средствами коммуникации (журналы, лекции и т. п.) и межличностными сетями (круги художников или журналистов). Хотя это совершенно нехарактерно для предлагаемой Бурдьё трактовки отношения рабочего класса к культуре, в менее строго ограниченных сферах культуры он, судя по всему, фиксирует проблемски альтернативного культурного конфликта. И в этих случаях оспаривается сама легитимность:

[и]скусство еды и питья остается одной из немногих сфер, в которых рабочие классы бросают неприкрытый вызов легитимному искусству жизни. В пику новой этике воздержания, ... пользующейся наибольшим признанием на высших уровнях иерархии, крестьяне и, особенно, промышленные рабочие остаются верными этике застольного потакания своим слабостям. Бонвиван — не просто человек, любящий поест и выпить; это человек, способный вступать в великодушные и неформальные — то есть, бесхитростные и свободные — отношения, поощряемые и символизируемые совместной трапезой и возлиянием... (Bourdieu 1984 [1979], p. 179)

ные формы несут для них совершенно иной смысл (Bourdieu 1984 [1979], pp. 47–48, 88, 372–374).

¹⁹ «Освящение» культурных объектов и практик, генерируемое в этих (относительно) закрытых и автономных мирах, не является единогласным; напротив, согласно Бурдьё, оно составляет объект острых внутренних конфликтов. Это приводит к сложному комплексу отношений между различными *акторами* в рамках этих миров и разнообразными «публиками», состоящими из различных классов и фракций (хотя рабочий класс остается практически полностью вне этих процессов). Путеводная гипотеза Бурдьё состоит в том, что разделения в пределах этих миров гомологичны разделениям, характеризующим потенциальные публики, то есть они примерно изоморфны социальному пространству. См.: (Bourdieu 1984 [1979], pp. 230–244).

[Е]динственной сферой рабочеклассовой практики, где сам стиль достигает уровня стилизации, является язык, [включая] аргю, ... что косвенно утверждает контрлегитимность, нацеленность, к примеру, на осмеяние и десакрализацию “ценностей” доминирующей морали и эстетики. (Bourdieu 1984 [1979], p. 395; см. также: p. 34; Bourdieu 1991, pp. 90–102)

Если оспаривание культурных иерархий со стороны рабочего класса остается крайне редким явлением, то в конфликтах вокруг легитимного стиля жизни, происходящих внутри мелкой буржуазии и доминирующего класса между их соответствующими фракциями, это случается гораздо чаще. В частности, в последнем случае конфликты вокруг содержания и значения легитимной культуры являются нормой, поскольку каждая фракция стремится добиться от остальных признания превосходства собственного образа жизни и способа бытия²⁰.

²⁰ Бурдьё постоянно критикует за подчеркивание абсолютной первичности *belle lettriste*, или «высоколобой» формы культуры, уже вышедшей из употребления во Франции и никогда не существовавшей в Соединенных Штатах и многих других странах. Однако на самом деле, как убедительно напоминает нам Лейн (Lane 2000, pp. 148–157), анализ доминирующего класса в «Различении» четко отмечает падение (пусть даже на самых ранних стадиях) приписываемого «классической высоколобой» культуре статуса эталона и передачу эстафеты не книжной культуре интеллектуалов, а модернистской культуре администраторов и менеджеров.

Стоит отметить, что проведенные в последние десятилетия в США исследования культурного потребления указывают на возникновение нового типа культурной иерархии, который Петерсон и Керн (Peterson and Kern 1996) называют идеалом «культурной всеядности». Согласно этому идеалу, различные формы каждой культурной практики и каждого объекта культуры — к примеру, различные кухни, музыкальные традиции или литературные жанры — не находятся в иерархических отношениях между собой, но трактуются как имеющие собственные достойные образцы, определяемые по оценочным критериям, порожденным их конкретной «культурной средой», а потому взаимнесопоставимы. Итоговый социальный императив является некоей разновидностью культурного «космополитизма», опирающейся на структуру с имманентной значимостью и уникальными достоинствами широкого спектра объектов и практик. Также касательно этого космополитизма следует отметить, что он вполне способен функционировать в качестве транслятора статуса и однозначно предполагает асимметрично распределенную компетентность — и то, и другое было продемонстрировано Брайсоном (Bryson 1996), который, отталкиваясь от этого, вводит термин «мультикультурный капитал».

Бурдьё настаивает, что входящие в стиль жизни практики и объекты не просто «выражают» схемы, составляющие определенный габитус. Предпочтение определенного типа музыки подразумевает явное или неявное отторжение прочих существующих форм музыки; находить определенный тип кухни особо аппетитным — значит находить прочие непривлекательными; а находить определенную школу живописи вдохновляющей — значит находить остальные скучными. Во всех этих случаях отвергнутые практики либо объекты несут в себе ассоциацию с социальными *акторами*, практикующими их либо обладающими ими. Иными словами, для Бурдьё эстетическая чувствительность, направляющая повседневные выборы *акторов* в вопросах еды, одежды, спорта, живописи и музыки (распространяющаяся и на такие, казалось бы, тривиальные вещи, как жесты и позы) служит проводником, посредством которого они *символизируют* свое *социальное подобие* друг с другом и *социальное различие* друг от друга. Другими словами, при помощи мелких деталей повседневного потребления каждый индивид непрерывно *классифицирует* самого себя и одновременно всех прочих как схожих или отличающихся. Признание этой символической функции повседневного потребительского поведения открывает дорогу анализу «классификационной борьбы», в которой Бурдьё (Bourdieu 1984 [1979], p. 483) усматривает «забытое измерение классовой борьбы».

Как мы уже выяснили, Бурдьё концептуализует социальное пространство как факторное пространство. В силу этого, что достаточно очевидно, пространство, образованное непрерывными осями, *лишено внутренне присущих границ*. Как следствие, социальные *коллективности* образуются исключительно в результате этих постоянных, обоюдных актов социальной классификации: разделенные границами социальные группы являются результатом практик, нацеленных на символическую демаркацию «регионов» социального пространства (Bourdieu 1984 [1979], pp. 174–175, 476; см. также: Bourdieu 1991, p. 120; 1990a [1980], p. 140). В качестве таковых они возникают из восприятия социального пространства посредством квази-категориальных символизаций родства и несовместимости (которые Бурдьё порой называет «категоремами» (Bourdieu 1984 [1979], p. 475), чтобы подчеркнуть, что они имеют тенденцию функционировать на дорефлексивном уровне). В самом деле, для Бурдьё символическое является «сепар-

ративной силой, ... *diacrisis, discretio*, вычленяющей дискретные единицы из неделимых непрерывностей, различение — из неразличимого» (Bourdieu 1984 [1979], p. 479). Из этого следует, что любая социальная коллективность является результатом сочетания применяемых к его членам (а, следовательно, и к исключенным из него) символических актов самоклассификации и классификации другими. Однако вклад разных акторов в этот процесс взаимной категоризации и классификации неравнозначен. Напротив, способность устанавливать разделения, структурирующие восприятие социального пространства, распределена по этому самому пространству неравномерно, поскольку существенная часть символической силы, приобретаемой объектами или практиками, выполняющими классификационную функцию, проистекает из их относительной близости к легитимной культуре или удаленности от нее (см.: Bourdieu 1991, p. 242; Bourdieu 1990a [1980], p. 139; Bourdieu 1987, p. 11; Bourdieu 1990b, p. 135).

Для Бурдьё практики, посредством которых осуществляются эти процессы взаимной классификации, подчиняются коренящимся в габитусе принципам вкуса и, как следствие, располагаются ниже порога рефлексивного сознания. Тем не менее, они подчиняются стратегической логике (как в примере с бросающимся к сетке теннисистом). В результате социологам приходится обратить пристальное внимание на кажущиеся тривиальными «игры» культуры и рутинные выборы повседневной жизни.

Каждое настоящее исследование разделений социального мира должно анализировать интересы, связанные с членством и нечленством. Судя по тому вниманию, которое уделяется стратегическим, «пограничным» группам вроде «трудовой аристократии», колеблющимся между классовым компромиссом и классовым сотрудничеством, ... установление границ между классами вдохновлено стратегической целью «включения» или «включенности», «каталогизации» или «аннексии»... (Bourdieu 1984 [1979], p. 476)

В полной мере важность классификационной борьбы, ведущейся посредством стилей жизни, становится очевидной, как только мы признаем, что прежде чем может возникнуть любого рода «классовый конфликт» (в привычном смысле слова), должны обнаружить себя символические процессы, в ходе которых разграничиваются соответствующие коллективности — то есть,

в ходе которых каждый идентифицирует себя и своих оппонентов, — а также интересы, способные стать объектом конфликта (Bourdieu 1990b, p. 138)²¹.

Но поскольку *акторы*, являющиеся объектами классификационных практик, занимают определенные позиции в социальном пространстве и степень подобия или различия между их габитусами является функцией от их положения в этом пространстве, отсюда следует, что не все классификационные схемы имеют равные шансы получить социальное признание. Другими словами, вне зависимости от символической силы конкретного агента, продвигающего ту или иную классификационную схему, структура социального пространства — как абсолютно *бесспорный референт* — с необходимостью обуславливает их достоверность (Bourdieu 1990b, p. 138)²².

²¹ В марксистской традиции позицию, наиболее близкую к позиции Бурдьё, в несколько «еретическом» ключе разрабатывал и аргументировал Пшеворски (Przeworski 1985). См. обсуждение различий между ними в: (Weininger 2002, pp. 91–93).

²² Посвященной культурному космополитизму (см. сноску 20) литературы достаточно, чтобы усомниться в тех версиях «постмодернизма», которые провозглашают полный отрыв культуры от каких-либо социально-структурных уз. С точки зрения этих теорий, действенность символических систем, понимаемых как среда, посредством которой происходит «социальное конструирование реальности», более не является функцией их соответствия либо несоответствия объективной реальности (или вообще *какой-либо* «реальности», кроме них самих). «Освободительные» варианты обычно идут дальше и предполагают, что символические системы более податливы и гибки, нежели (ныне ослабевшие) социальные системы, подразумевая, среди прочего, что идентичность является результатом рефлексивного самоформирования, абсолютно не ограниченного «рождением или состоянием». Опять-таки Лейн (Lane 2000, pp. 157–159) делает полезное напоминание, указывая, что многочисленные аспекты «постмодернистского» мировоззрения уже были инкапсулированы в определенных разделах «Различения». Неявно ссылаясь на некоторых французских философов того времени, Бурдьё очертил контуры стиля жизни, постулирующего самореализацию посредством потребления и «отказа быть прикованным к конкретной точке в социальном пространстве». Эта претензия на неклассифицируемость — «нечто вроде мечты о социальном полете, отчаянной попытки бросить вызов гравитации социального поля» — была характерна для «новых переходных культурных форм», то есть фракции мелкой буржуазии, людей, занятых в производстве коммерческого символического продукта, и в первую очередь тех членов этой

Так, к примеру, попытки символически утвердить веру в категориальное единство, с одной стороны, «культурной» фракции мелкой буржуазии и, с другой стороны, «экономической» фракции доминирующего класса, лишены внутренней достоверности, поскольку рассматриваемые *акторы*, разделенные широкими промежуточными зонами социального пространства, обладают крайне отличающимися габитусами. Проще говоря, вероятность того, что какие-либо два *актора* являются членами одной и той же социальной категории, обратно пропорциональна расстоянию между ними в социальном пространстве (Bourdieu 1991, p. 232). При всём при этом, однако, верно также и то, что само по себе социальное пространство лишено каких-либо неотъемлемых границ. А если принять во внимание его непрерывную структуру, становится очевидным, что (вопреки часто выдвигаемым против Бурдьё обвинениям в гипердетерминизме) введение в это пространство символических «разделений», или границ, и, как следствие, формирование социальных коллективностей составляет каузально *неустранимый* аспект практик *акторов*. Это имеет важные последствия. Самое важное заключается в том, что из всего этого следует, что контуры возникающих в результате этих практик «социальных классов» ни в коем случае не являются наперед установленными: «разбиение» социального пространства вдоль *каждой* из составляющих его осей может происходить как крайне агрегированно, так и крайне дезагрегированно, откуда получаем бесконечное множество возможных конфигураций (Bourdieu 1987, p. 10). Таким образом, в определенных ситуациях может получиться так, что «объективные различия... воспроизводятся в субъективном переживании различия» (Bourdieu 1987, p. 5); в других же вполне может случиться так, что «социальное соседство ... имеет все шансы... стать точкой наивысшего напряжения» (Bourdieu 1990a [1980], p. 137).

Устанавливаемые посредством стилей жизни границы, возникающие из практик, тематически направленных в абсолютно разные стороны (т. е., на еду, искусство, моду и т. д.), могут быть совсем не чёткими. Напротив, эти границы с необходимостью являются неопределёнными и нечёткими (Bourdieu 1991, p. 234). По этой же причине они непостоянны и существуют лишь в потоке непре-

фракции, которые, происходя из доминирующего класса, пережили непредвиденную нисходящую мобильность (Bourdieu 1984 [1979], p. 370).

крашающихся практик (Bourdieu 1990a [1980], p. 141). Соответственно, они, вне всякого сомнения, проницаемы. Тем не менее, в качестве «символических трансформаций фактических различий» (Bourdieu 1991, p. 238) они играют ключевую роль для поддержания классовой структуры либо преобразования ее изнутри. Следует напомнить, что «практические таксономии», устанавливаемые агентами посредством символических эффектов своих практик, — это не просто наложенные на социальное пространство пустые «решетки». Различные практики, а следовательно, и различные стили жизни, находятся в иерархическом отношении с легитимной культурой — то есть (схематично) с канонизированной культурой. Как следствие, социальная классификация одновременно является социальным распределением *почета* в веберовском смысле этого слова. И фундаментальное утверждение Бурдьё звучит так: именно потому, что индивиды воспринимают друг друга главным образом посредством прилагаемого к их практикам «статуса» — или, другими словами, сквозь символическую вуаль почета, — они путаются в восприятии истинных оснований этих практик, экономического и культурного капитала, одновременно лежащего в основе разнящихся габитусов и делающего возможной их реализацию. Когда различия экономического и культурного капитала ошибочно воспринимаются как различия *почета*, они функционируют как то, что Бурдьё называет символическим капиталом (см.: Bourdieu 1991, p. 238). Эту функцию можно понять как «легитимирующую театрализацию, всегда сопровождающую демонстрацию власти» и «распространяющуюся на все практики и, в частности, на потребление». Как следствие, согласно Бурдьё, «[с]ам стиль жизни власть имущих вносит свой вклад во власть, что делает ее возможной, поскольку истинные условия ее возможности остаются непонятыми...» (Bourdieu 1990a [1980], p. 139). Постольку, поскольку это имеет место, ошибочное восприятие социального пространства — характерное как для доминирующих, так и для доминируемых, пускай даже в пользу последних — также является «символическим насилием».

От практического состояния к объективному состоянию: модальности символической власти

Для Бурдьё неопределенные, проницаемые границы, возникающие в результате ничем не ограниченной игры (неявно) антагони-

стичных потребительских практик, соответствуют тому, что можно назвать властными силами «примитивной классификации» (см.: Durkheim and Mauss 1963; Bourdieu and Wacquant 1992, pp. 12–15). Эти силы представляют собой всего лишь частную, хоть и фундаментальную, модальность, в которой может возникать институт границ. В самом деле, поскольку классификация перестает быть результатом исключительно дорефлексивной «игры» габитусов, социальные границы — а значит, и конституируемые ими коллективности — подвергаются *кодификации* (*codification*). Согласно Бурдьё, «[к]одифицировать — означает устранять эффект нечёткости и неопределённости, устранять нечётко проведенные границы и примерные разделения путем продуцирования явных классов и проведения чётких сечений, установления строгих границ...» (Bourdieu 1990b, p. 82). Это подразумевает *формализацию* (*formalization*): могут быть установлены критерии, согласно которым дифференцируются конкретные случаи, и получившиеся в результате категории могут быть исследованы исходя из логических соображений (к примеру, исключает ли членство в одной группе возможность членства в другой, что актуально для дискуссий касательно существования «межклассовых семей»). В отличие от ситуативной гибкости социальных категоризаций, образованных исключительно посредством потребительских практик, границы, подвергнутые кодификации, приобретают отчетливую точность, а в некоторых случаях даже нерушимость и силу принуждения. Таким образом, кодификация приводит к «объективации» или «кристаллизации» разделений, которые в противном случае могли бы возникать исключительно спонтанно. Таким образом, начав с уровня диспозиций, проведенный Бурдьё анализ формирования коллективностей открывает для анализа богатый набор феноменов, касающихся процессов, посредством которых существующие в «практическом состоянии» различия преобразуются в объективированные «границы» (“frontiers”). Кроме того, поскольку кодификация предполагает преобразование способа функционирования границ, она также предполагает преобразование стоящей за ними символической власти. Действительно,

[с]пособность созидать в явном виде, ...делать публичным (т. е. объективированным, зримым, называемым и даже официальным) то, что, не обрета до поры объективного и коллективного существования, оставалось в состоянии индивидуального или серийного

существования... представляет собой огромную социальную власть, власть создавать группы, устанавливая... явный консенсус всей группы. (Bourdieu 1991, p. 236)

Именно в ходе анализа различных модальностей символической власти в полной мере проявляется *политика* классификации.

Прежде всего можно отметить, что элементарная кодификация происходит в тот момент, когда какая-либо коллективность — а следовательно, граница, неявно или открыто отделяющая ее от другой(-их) — выходит на уровень дискурса. Как любит отмечать Бурдьё, «в любом предикативном утверждении касательно “рабочего класса” кроется экзистенциальное утверждение (рабочий класс *существует*)» (Bourdieu 1991, p. 250). Лингвистическое обозначение коллектива, *имя* (или социальный *ярлык*), позволяет ее границам стать объектом тематического рассмотрения, поскольку подразумевает, по крайней мере потенциальное, наличие конечного множества индивидов, границы которого можно установить, и принцип включения, применимый к конкретным случаям (см.: Bourdieu 1984 [1979], p. 480). ИмPLICITное чувство родства или несовместимости, вызываемое сходствами или различиями жизненного стиля, — относительно «серийное» состояние существования, — отныне становится выразимым; вербальное обозначение данного коллектива делает возможным явное признание за собой и другими статуса ее члена («Он не относится к среднему классу; он юрист!») и, таким образом, придает эксплицитно коллективное измерение чувству собственной идентичности индивида. Более того, исключительно благодаря дискурсивной идентичности, известной и признаваемой членами класса (или фракции), они становятся способны действовать сообща ради достижения конкретной цели, то есть *мобилизоваться*. Вот почему «социальные классы» в том виде, в котором они обыкновенно представляются в социальной теории — а именно как группы, вступающие в конфликт ради «классовых интересов», — являются глубоко дискурсивными сущностями; и поскольку сохранение или преобразование лежащих в их основании распределений экономического и культурного капитала фактически зависит от коллективных действий, дискурс влияет на форматирование и переформатирование самого социального пространства. Другими словами, за лингвистическим обозначением коллективностей должна признаваться власть «социального

конструирования», поскольку оно может создать коллективный субъект с явно признанным существованием, способный к коллективному действию. Однако оно (лингвистическое означивание) ни в коей мере не является абсолютно независимым от различий стилей жизни: эффективность лингвистического обозначения коллективов отчасти проистекает из его способности отобразить явные социальные расслоения, уже доступные довербальному опыту, а потому «узнаваемые». Кроме того, подобно этим расслоениям, дискурс ограничен структурой социального пространства, формирующей его первичный субстрат (Bourdieu 1990b, p. 138).

Как и в случае установления различий посредством практик стиля жизни, дискурсивная категоризация индивидов может встречать сопротивление, поскольку каждый индивид одновременно является классификатором и классифицируемым. Более того, индивиды, опять-таки, неравны в плане способности навязывать свои классификации. Особо значимые последствия это неравенство имеет в сфере политики (в силу причин, которые будут раскрыты чуть ниже). В самом деле, по Бурдьё, нехватка культурного капитала у рабочего класса столь велика, что его члены, в известной степени, не в состоянии — а зачастую не считают себя вправе — предлагать «рекомендательные» суждения, которые циркулировали бы в публичной сфере (см.: Bourdieu 1984 [1979], pp. 397–465). Как следствие, полномочия говорить от имени класса — артикулировать его историю, политические взгляды, нужды и требования — должны быть *делегированы* группе профессиональных представителей, в свою очередь поддерживаемых организацией (партией либо профсоюзом), призванной выполнять работу по *представлению* коллектива. Таким образом, класс обретает конкретную («метонимичную») форму «объективированного» существования, в котором поддержание его границ и мобилизация его членов непрерывно *управляется* коллективом «специалистов»: «“[р]абочий класс” существует в форме и посредством совокупности представителей, придающих ему слышимый голос и видимое присутствие, а также в форме и посредством веры в его существование, которую этой совокупности полномочных представителей удастся утвердить...» (Bourdieu 1991, pp. 251, 173–174).

Помимо создаваемой в ходе дискурса элементарной кодификации социальные институты также могут обладать властью устанавливать и регулировать конституирующие классы или фракции

границы, характеризующиеся высокой степенью прочности и постоянства, и могут делать это без оглядки на классификационные схемы категоризируемых ими *акторов*. Любимым примером Бурдьё являются образовательные учреждения, наделенные властью выдавать аттестаты. В той мере, в которой эти аттестаты имеют более-менее универсально признаваемую ценность на рынке труда, они устанавливают объективные границы между их обладателями и необладателями. Однако аттестация оказывает в то же время и символическое влияние, поскольку предполагает введение *качественных разрывов* в континуум культурных компетенций: различие между теми, кто набрал на экзамене наивысший непроходной балл, и теми, кто набрал наименьший проходной, как отмечает Бурдьё (Bourdieu 1990a [1980], pp. 137–138), становится *видовым* различием. К примеру, такие социальные категории, как «квалифицированные работники физического труда», в основном возникают вследствие эксклюзивных полномочий образовательной системы по присвоению аттестатов и разграничению различных типов аттестатов («технические сертификаты» vs «степени/дипломы»).

Границы, отделяющие коллективности друг от друга, достигают наивысшей меры объективации, когда закрепляются в *законодательстве* (Bourdieu 1987, p. 13). В этом случае мы имеем дело с полностью кодифицированной символической системой: как правило, законы толкуются, применяются и вырабатываются коллективом специально обученных экспертов, и эти процессы ограничиваются институциональной ареной, где первостепенное значение имеют последовательность и связность. Таким образом, она приобретает полностью формализованный статус *кодекса* (Bourdieu 1990b, pp. 79–80) и демонстрирует максимальную чёткость. Более того, законодательно закреплённые границы носят *принудительный* характер, и их нарушители подвергаются санкциями со стороны «официального» органа, то есть ветви государственной власти.

Венчает отслеживаемую нами прогрессию собственно государство. Взяв на вооружение формулу Вебера, Бурдьё определяет государство в терминах «монополии на легитимное применение физического и *символического* насилия на определенной территории» (Bourdieu 1998b [1994], p. 40). Это прежде всего означает, что государство, и только государство, сохраняет за собой легитимное

право устанавливать классификационные принципы, *обязательные* к исполнению, либо (в случае школ и выдаваемых ими аттестатов), по крайней мере, *выносить решение* о валидности всех таких принципов (см.: Bourdieu 1990b, pp. 136–137). Вдобавок к власти создавать законы и принуждать к их исполнению государство также участвует в различных формах социальной категоризации посредством органов, занимающихся переписью населения и регулированием различных видов деятельности (к примеру, в экономической сфере — посредством разработки занятийных таксономий или регулирования условий труда). Эта власть оказывает разноречивое влияние на классификационную борьбу, разворачивающуюся на нижних уровнях кодификации (к примеру, посредством мобилизующих дискурсов). С одной стороны, государство может вписать в социальный порядок набор категоризаций, которые, вследствие своего обязательного характера, ограничивают доступное социальным *акторам* пространство для маневра. Однако, с другой стороны, сама государственная власть может стать объектом в этой борьбе посредством ходатайства мобилизованного коллектива перед государственными органами и комитетами: «[п]рисутствие либо отсутствие группы в официальной классификации зависит от ее способности заявить о себе, привлечь к себе внимание и добиться признания, а тем самым завоевать себе место в социальном порядке» (Bourdieu 1984 [1979], pp. 480–481). Признание со стороны государства обеспечивает «официальное определение чьей-либо социальной идентичности» и, таким образом, «спасает ее носителей от символической борьбы всех против всех» (Bourdieu 1991, p. 240). Но помимо этого необходимо, опять-таки, вспомнить, что коллективности, порожденные (либо ратифицированные в своем существовании) посредством классификационных действий государства, нельзя рассматривать в терминах налагаемой на социальное пространство пустой «решетки». Точнее говоря, в процессе установления границ государство распределяет вместе с тем «привилегии и обязанности» (Bourdieu 1984 [1979], pp. 476–477; см. также: Bourdieu 1991, pp. 180–181). Так, к примеру, в контексте производства, успешное ходатайство перед государством может привести к выработке аттестационных требований, лицензионных экзаменов и прочих формальных вступительных критериев, задающих занятияные барьеры, вызывающие

закрытие и генерирование «рент»²³. (Впрочем, следует повторить, что для Бурдьё производство как место, где в современный период могли бы осуществляться формирование солидаристских связей и коллективная мобилизация, имеет второстепенное по сравнению с потреблением значение)²⁴.

Наше рассмотрение последовательно шло от диффузных, изменчивых границ, порождаемых игрой потребительских практик, к жестким, обязательным границам, санкционированным государ-

²³ Для обоснования своей «реалистской» концепции занятийного порядка Граски и Соренсен (Grusky and Sørensen 1998, p. 1195) вынуждены характеризовать занятийные классификации, сконструированные государством, как всего-навсего «номиналистские» упражнения, которые могут претендовать на опору в реальности лишь постольку, поскольку представители различных занятий уже мобилизовались и успешно выхлопотали у государства возведение вступительных барьеров. При этом Граски и Соренсен упускают из виду, что существенная автономия, которой обычно обладают государственные органы (по отношению к классифицируемым), означает, что конструирование их классификационных систем, как продемонстрировали разнообразные исторические исследования (см.: Donnelly 1997 и цитируемые там работы), с абсолютно той же вероятностью может оказаться движимым интересами самих государственных бюрократов. Более того, признание этого ни в коем случае не означает сползания к эпистемологическому номинализму, как они, похоже, предполагают. Ровно в той же степени, в которой *бюрократическое учреждение* классификационного обозначения (designation) способно привести к *признанию* как со стороны членов группы, так и со стороны исключенных из нее, оно обладает и свойством «той магической реальности, которая (по Дюркгейму и Моссу) характерна для институтов как социальных фикций» (Bourdieu 1991, p. 251). В связи с этим возникает вопрос, в формулировке Доннелли (Donnelly 1997, p. 115) звучащий так: «[к]акие последствия могут иметь официальные классификации для сознания и деятельности социальных субъектов?» В общем и целом, необходимо признать, что вне ратификации «подведомственных урегулирований» государство не оказывает никакого независимого влияния на структуризацию занятийного порядка и что признание его роли отнюдь не обязательно подрывает основы эпистемологического «реализма».

²⁴ В работе Болтански (Boltanski 1987 [1982]) приведен анализ формирования *кадров*, являющийся примером исторического исследования, которое, вплотную приближаясь к концептуальному репертуару Бурдьё, проследивает возникновение новой занятийной категории посредством мобилизации в точке производства и ходатайства перед государством. Это обсуждается также в работе: (Wacquant 1991).

ством. Однако ни социальные *акторы*, ни изучающие их социологи никогда не сталкивались с символически не дифференцированным миром. Иными словами, это рассмотрение опиралось на абстракцию, в которой все объективированные символические барьеры были изначально взяты в скобки, чтобы проследить постепенное формирование классификаций от некодифицированного состояния (стилей жизни) через процессы дискурсивной идентификации и коллективной мобилизации до, в конечном счете, «официализации» государством (см.: Bourdieu 1990a [1980], pp. 122–134). Из развиваемых в таком духе оснований проистекает один момент, представлявший для Бурдьё фундаментальную важность: все социальные коллективности являются «историческими артефактами» (Bourdieu 1987, pp. 8–9), поэтому, дабы понять их в полной мере, социология должна «реконструировать *труд истории*, создавший [собственно] социальные разделения», посредством которых они (эти коллективности) конституировались (Bourdieu 1991, p. 248).

Но при всем при том, стоит нам убрать скобки, в которые мы изначально заключили объективированные символические структуры, чтобы проследить их генезис, становится очевидно, что социальный мир в том виде, в котором мы реально с ним сталкиваемся, является «всегда уже» расщепленным неисчислимыми символическими расслоениями, от диффузных до полностью кодифицированных. А значит, *акторы*, вовлеченные во взаимную классификацию — посредством будь то потребительских практик, дискурса или иного символического носителя, прожили всю свою жизнь погруженными в уже классифицированный мир. Таким образом, их опыт восприятия социального мира всегда был опытом восприятия различий. И в результате погружения (особенно в ходе первичной социализации) в мир, уже к тому моменту разделенный, на их габитусе неизбежно отпечатывались существующие структуры социальной классификации. Другими словами, габитус также включает в себя «принципы видения и разделения» (Bourdieu 1998b [1994], p. 46) — то есть общую тенденцию определенным способом классифицировать вещи и людей этого мира, — абсорбированные из социальной среды, в которой он формировался: «[с]оциальные разделения становятся принципами разделения, организующими образ социального мира» (Bourdieu 1984 [1979], p. 471). Это придает габитусу определенную склонность к *инерции*,

а именно к воспроизводству в собственной практике классификационных структур, встреченных в раннем опыте (см.: Bourdieu and Wacquant 1992, p. 133). Эта предрасположенность тем сильнее, чем в большей мере границы между классами (и фракциями) вписываются в законодательство, приобретая таким образом официальный статус (Bourdieu 1990a [1980], pp. 138–139). Тем не менее, классификационные структуры имеют мало шансов сохраниться на веки вечные без модификаций либо преобразований. Причинами тому, в первую очередь, такие события, как экономические преобразования, могущие изменить принципы распределения капиталов. Однако, во вторую очередь, то обстоятельство, что социальное пространство столь сильно дифференцировано, обуславливает существование множества систем классификации, стремящихся пережить друг друга, и именно эта конкуренция генерирует символическое *изобретательство*. По оценкам Бурдьё, «[и]менно в промежуточных позициях социального пространства, особенно в Соединенных Штатах, неопределенность и объективная изменчивость отношений между практиками и позициями максимальны, равно как и, вследствие этого, интенсивность символических стратегий» (Bourdieu 1990b, p. 133).

Множественное доминирование

Как было показано выше, понимание класса у Бурдьё имеет несколько особенностей, отличающих его от прочих трактовок данного предмета. Эти особенности состоят в концептуализации классовой структуры в виде многомерного социального пространства; акценте на потреблении, рассматриваемом как арена социальной жизни, на которой «театрально» демонстрируется обладание экономическим и культурным капиталом; и неуклонной сфокусированности на символическом измерении практик, понимаемом как необходимый мост между *структурным сходством*, с одной стороны, и *со-членством* в социальном классе (или фракции) — с другой. Но в то же время, развивая данное изложение классовой теории и классового анализа Бурдьё, мы были вынуждены прибегнуть к упрощению, так как в описываемом на их основании мире все прочие формы доминирования были вынесены за скобки. Соответственно, ниже мы введем в рассмотрение такие эле-

менты, как этническая принадлежность и, в особенности, гендер. Поскольку Бурдьё развивал свое понимание этих вопросов уже после публикации «Различения», сначала мы подробно изложим допущения, лежащие в основе этой книги, а затем разберем то, что подверглось пересмотру в более поздних работах, в первую очередь в «Маскулинном доминировании» (Bourdieu 2001b [1998]), и выясним, как тем самым изменилось его более раннее понимание класса.

Комплексные причины

«Различение» отнюдь не посвящено исключительно влиянию различных экономических и культурных капиталов на практики. Напротив, автор часто обращает внимание на разные прочие «стратифицирующие» факторы, в том числе гендер, возраст, регион проживания и (в меньшей степени) этническую принадлежность. Но если социология традиционно рассматривает эти факторы в качестве отдельных оснований доминирования или стратификации — оснований, которые применительно к данному конкретному проявлению могут иметь (или же не иметь) эффект в сочетании с классом, то Бурдьё применяет радикально иной подход. Чтобы пролить свет на этот подход, следует пересмотреть каузальную связь пребывания на конкретной позиции в социальном пространстве с формированием габитуса, а отсюда — с конкретными практиками. Подход Бурдьё ярко проявляется в описании того, каким образом различные аспекты положения в социальном пространстве (то есть объем, состав и траектория капитала) связаны с разнообразными демографическими характеристиками (гендером, возрастом, этнической принадлежностью и т. д.), а также каким образом все эти различные элементы вместе взятые влияют на габитус:

[ч]тобы учесть бесконечное разнообразие практик одновременно унитарным и специфическим образом, следует порвать с *линейным мышлением*, признающим исключительно прямо детерминированные упорядоченные структуры, и взяться за реконструкцию *сетей* сложно переплетенных (запутанных) отношений, наличествующих в каждом из факторов. *Структурная каузальность сети факторов* ни в коем случае не сводится к совокупным эффектам... множества линейных отношений...; посредством каждого из факторов проявляется действенность всех остальных... (Bourdieu 1984 [1979], p. 107)

Упомянутую Бурдьё «структурную каузальность» можно трактовать в терминах системы *каузально интерактивных* факторов (Weininger 2002, pp. 68–71). Как отмечалось выше, эта система включает в себя эффекты, проистекающие одновременно из положения в социальном пространстве и демографических характеристик. Утверждая, что каузальные отношения в полной мере интерактивны, Бурдьё подразумевает, что влияние каждого из этих факторов на формирование габитуса (а отсюда — на конкретные практики) варьирует в зависимости от «ценности/весомости» индивида по каждому из прочих факторов. Это равнозначно отрицанию того, что Эбботт (Abbott 2001) называет «допущением об основных эффектах» в каузальной логике, то есть предположением, что каузальные факторы действуют независимо друг от друга, если эмпирически не подтверждается обратное²⁵.

Однако Бурдьё также налагает существенное ограничение в отношении того, каким образом следует концептуализировать систему интерактивных факторов. Данное ограничение касается интерпретации интерактивных отношений. Оно чётко прослеживается в используемой им терминологии: факторы, проистекающие из положения в социальном пространстве, обозначаются как «первичные», а демографические характеристики обозначаются как «вторичные» факторы (см.: Bourdieu 1984 [1979], p. 101ff). Это указывает на то, что, с точки зрения Бурдьё, интерактивные отношения следует понимать в терминах модификации эффектов, приписываемых демографическим характеристикам и вызываемых изменением положения в социальном пространстве. Если конкретнее, это означает, что, согласно интерпретации Бурдьё, влияние на габитус такого фактора, как гендер, меняется в зависимости от положения в социальном пространстве, но не наоборот. Позиция Бурдьё хорошо видна в таких замечаниях:

всё множество социально формируемых различий между полами ослабевает по мере подъема по социальной иерархии и, в особенности, приближения к... (“интеллектуальному” полюсу) доминирующего класса, где женщины склонны разделять самые типичные мужские прерогативы вроде чтения “серьезных” газет и интереса к

²⁵ Данный аспект социологии Бурдьё обычно остается незамеченным в англоязычных откликах на его труды, однако отмечается во французской литературе (см., напр.: Accardo 1997, pp. 191–211).

политике, в то время как мужчины не стесняются выражать свои интересы и склонности, к примеру в вопросах вкуса, которые в других обстоятельствах были бы восприняты как “женоподобные”. (Bourdieu 1984 [1979], pp. 382–383; дополнено мной. — Э. В.)

Габитус всегда «гендерно окрашен»; однако последствия этого (в плане генерируемых им практик) варьируют в зависимости от позиции в социальном пространстве. Таким образом, объем капитала, состав капитала и траектория в определенном смысле первичны: значение, приписываемое «вторичным» факторам, является функцией от положения в социальном пространстве; влияние же положения не варьирует систематически как функция «вторичных» факторов. Именно об этой первичности говорит Бурдьё, заявляя, что «объем и состав капитала придают специфическую форму и вес детерминации, которую прочие факторы (возраст, пол, место жительства и т. п.) налагают на практики» (Bourdieu 1984 [1979], p. 107).

Выводы из этого весьма туманного описания причинности существенны. Утверждая первичность факторов, связанных с положением в социальном пространстве, для формирования габитуса, Бурдьё приписывает им — на сугубо метатеоретических основаниях — *большую* важность в объяснении практик. Более того, он *также* объявляет их первичными линиями, вдоль которых будут вспыхивать социальные конфликты: «группы, мобилизованные на основе вторичного критерия (такого, как пол или возраст), скорее всего, будут сплоченными на менее постоянных началах и менее глубоко, чем мобилизованные на основе фундаментальных детерминант условий их существования» (Bourdieu 1984 [1979], p. 107) — то есть на основе объема и состава капитала, а также траектории. Другими словами, в «символической борьбе всех против всех» схемы, основанные на категоризациях по полу, возрасту или этнической принадлежности, по определению меньше располагают к тому, чтобы их признавали, чем схемы, которые (подобно социальным классам) сохраняют согласованность со структурными контурами социального пространства.

Перекрестные классификации

В более поздних работах Бурдьё отбросил предположение, что «жизненные условия», связанные с положением в социальном пространстве, являются фундаментальными детерминантами га-

битуса, нивелируя роль таких «вторичных» факторов, как гендер. Это привело к отказу от каузальной первичности, приписываемой объему капитала, составу капитала и траектории. Вместо этого мы обнаруживаем очерк социологии, гораздо лучше подогнанной к историческим особенностям различных оснований социального доминирования. Ярче всего это проявляется в его работах, посвященных гендеру.

Небольшая книга, описывающая очень обширную область, «Маскулинное доминирование» Бурдьё имеет своей целью представить «археологическую историю бессознательного, которое, будучи, безусловно, сформированным еще в рамках очень древнего и очень архаичного состояния наших обществ, живет в каждом из нас, независимо, идет ли речь о мужчине или о женщине» (Bourdieu 2001b [1998], p. 54). Аналитическая стратегия Бурдьё нетривиальна: обращаясь к данным ранних антропологических исследований домодерного народа Кабилии (живущего на северо-востоке Алжира), он пытается описать «патриархальную космологию», накладывающую отпечаток на габитусы, посредством которых затем организуются все институты и практики. Исходя из предпосылки, что в этой вселенной гендерное доминирование относительно прозрачно, далее он путем сравнения с современными обществами пытается идентифицировать «трансисторически постоянные» его черты, проявляющиеся по всему Средиземноморью.

В противовес «Различению», в более поздней работе Бурдьё объявляет гендерное доминирование «образцовой формой символического насилия» (Bourdieu and Wacquant 1992, p. 170). Подобно всем формам коллективной идентичности, гендер является результатом социальной классификации — в данном случае опирающейся на «мистические границы», категоризирующие мужское и женское тело (Bourdieu, 2001b [1998], p. 2) (цитируемое выражение принадлежит Виржинии Вульф). Бурдьё утверждает, что этот классификационный принцип берет свое начало в системах родственных связей, в которых брак служил механизмом, делающим возможным формирование союзов и перераспределение престижа между семьями. В этой системе женщины играли роль скорее объектов, чем субъектов обмена, поэтому их ценность определялась способностью соответствовать «патриархальному» идеалу женственности (Bourdieu 2001b [1998], pp. 42–49; Bourdieu and Wacquant, 1992, pp. 173–174) (примени-

тельно к мужчинам соответствующим идеалом считается мужественность). Как конкретная символическая схема, встроенная в габитус, гендер сильно отличается от класса: сформированный вокруг дуалистического противопоставления, он обрел недостижимые для прочих классификационных принципов жесткость и постоянство. Это объясняется, главным образом, тем, что гендер является символической системой, корнящейся в «определенных бесспорных естественных свойствах», а потому «натурализовался» эффективнее прочих — то есть легитимировался, опираясь на вроде бы естественную основу (Bourdieu 2001b [1998], pp. 13, 23). В нашем контексте невозможно в полной мере проанализировать эту работу и ее место в творческом наследии Бурдьё; вместо этого мне бы хотелось просто указать на некоторые из (как правило, имплицитных) пересмотров его понимания отношения между классом и гендером.

Вне всякого сомнения, «Маскулинное доминирование» содержит замечания, напоминающие каузальную аргументацию из «Различения», в котором гендерный характер социальных действий зависит от классового положения: «телесные свойства постигаются посредством схем восприятия, использование которых в процессе оценивания зависит от занимаемой позиции в социальном пространстве» (Bourdieu 2001b [1998], p. 64). Однако эти замечания дополняются другими, в которых отношение между классом и гендером смещается. Так, к примеру, в описании аналитического перехода от изучения домодерного общества к изучению современного общества мы обнаруживаем такой пассаж:

[в]оистину поразительно наблюдать чрезвычайную автономность связанных с полом структур относительно экономических структур, а способов воспроизводства — относительно способов производства. Одна и та же система классификационных схем, в ее существенных чертах, сохраняется в течение веков и на фоне экономических и социальных различий... (Bourdieu 2001b [1998], p. 81; см. также: Bourdieu and Wacquant 1992, p. 174)

Признавая поразительную устойчивость связанных с полом структур в течение всего исторического времени, Бурдьё должен был приписать им ярко выраженную автономность относительно экономических структур. При этом он резко порвал со своим ранним пониманием гендера (то есть с определением его в каче-

стве «вторичного» фактора). Это приводит Бурдьё к схеме исследовательской программы, сконцентрированной на «истории агентов и институтов, ... способствующих поддержанию» постоянства гендерных структур (Bourdieu 2001b [1998], p. 83). В число причастных к этому процессу институтов входят церковь, государство и система образования, а также семья (Bourdieu 2001b [1998], pp. 82–88). Фундаментальный интерес представляют крайне разнообразны́е способы, которые на протяжении истории использовались каждым из этих институтов для *кодификации различия между полами*.

Бурдьё утверждает, что, хотя феминистские политические движения недавнего прошлого и настоящего времени заметно сгладили проявления гендерной асимметрии, «некоторые из лежащих в основе этого доминирования механизмов продолжают функционировать» (Bourdieu 2001b [1998], pp. 56, 88ff). Именно в обсуждении этих механизмов обнаруживаются самые явные случаи пересмотра отношения между классом и гендером:

для всех женщин, вне зависимости от их позиции в социальном пространстве, справедливо утверждение, что они *отделены от мужчин отрицательным символическим коэффициентом*, который, подобно цвету кожи для черных или любому другому признаку принадлежности к стигматизированной группе, отрицательно влияет на всё, что они представляют собой и что делают, и который является источником систематического набора гомологических отличий: несмотря на разделяющее их огромное расстояние, есть нечто общее между женщиной-директором... и женщиной-работницей у конвейера... (Bourdieu 2001b [1998], p. 93)

Такие утверждения чётко показывают, что, исходя из «автономности», приписываемой на протяжении всей истории связанным с полом структурам, Бурдьё рассматривает гендерные разделения как *независимую* силу, структурирующую практики. Кроме того, он также указывает на многочисленные «интерактивные» отношения, теперь, впрочем, рассматриваемые как полностью «симметричные» — то есть гендер и классовое положение представляются факторами, каждый из которых ослабляет влияние другого на практики. Таким образом, в противовес каузальной логике, действующей в «Различении», в «Маскулинном доминировании» обнаруживаются такие замечания:

[с]ами по себе социальные позиции и характеризуются, и характеризуют по половому признаку, и ... защищая свои рабочие места от феминизации, мужчины пытаются защитить наиболее укорененное представление о самих себе как мужчинах, особенно в случае таких социальных категорий, как работники физического труда, или таких занятий, как связанные с армией, которые даже в глазах мужчин своей ценностью в огромной мере, если не полностью, обязаны свойственному им образу мужественности. (Bourdieu 2001b [1998], p. 96)

Конечно, дело тут не просто в том, что более поздняя работа Бурдьё принимает концепцию причинности, более близкую к стандартной «многовариантной» логике. Из этих пересмотров возникает несколько иной взгляд на «существование... и способ существования коллективов». Хотя Бурдьё всегда признавал, что социальный класс как символический принцип «видения и деления» должен конкурировать с другими такими принципами (в том числе гендером) в классификационной борьбе, посредством которой формируются коллективности (см., напр.: Bourdieu 1987, p. 12), тем не менее, он, как мы видели, наделил его в «Различении» мета-теоретической первичностью. Как только эта первичность аннулируется, класс вынужден конкурировать на равных, и символическая арена становится все более какофонической; впрочем, она и так была не самым спокойным местом, особенно учитывая жесткую и устойчивую кодификацию, которой подлежат в определенных обществах такие принципы разделения, как пол и раса. Тем более что сложные *комбинации* доминирования, порожаемые пересечением различных классификационных принципов, уже нельзя автоматически интерпретировать в преимущественно классовых терминах²⁶. Одним из следствий этого является то, что судьба социальных классов, понимаемых как коллективности, сформированные посредством практик социальной классификации, начинает сильнее, чем когда-либо, зависеть от исторических превратностей *дискурса* социального класса.

²⁶ Данное Ваканом (Wacquant 2002) описание образования и в то же время поддержания классовых и расовых разделений в США посредством исторически сменяющих друг друга четырех «своеобразных институтов» можно прочесть сквозь такую же объяснительную оптику.

Выводы

Для Бурдьё «вопрос, с которого должна начинаться вся социология», — это вопрос о «существовании... и способе существования коллективов». До самого конца его карьеры этот вопрос оставался центральным для его социологического видения. В самом деле, изменения, которые можно обнаружить в его поздних работах, полностью согласуются с этой общей сфокусированностью и фактически только углубляют ее. Бурдьё всегда предполагал, что на классовые отношения влияют прочие формы доминирования; поэтому, аннулировав в поздних работах прежде приписываемые классу преимущества, он всецело открылся для идеи о сложном «переплетении» форм доминирования в ходе истории. Поэтому если его классовая теория — с ее многомерной концепцией социального пространства — всегда стояла в стороне от традиционной идеи (ярче всего выраженной в некоторых версиях марксизма) социального мира, сводящегося к двум поляризованным блокам, то в таких работах, как «Маскулинное доминирование», уже чётко видно, что социальные классы — всего лишь грани сложной классификационной призмы²⁷. Таким образом, даже если отвлечься от придаваемого социальному классу приоритета, работа Бурдьё останется совершенно согласующейся с его непрестанной сфокусированностью на различных формах *социальной классификации*, понимаемой как *principia potestas* — фундаментальная сила, побуждающая к актам символического насилия.

Чтобы лучше понять, что означает вопрос Бурдьё о «существовании и способе существования коллективов» для классового анализа, можно обратиться к широко известному трактату Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». В этом изложении событий переворота 1851 года Маркс дал французскому крестьянству знаменитую характеристику — «мешок картошки». Отдельные крестьянские семьи, каждая из которых владела небольшим клочком земли, в существенной степени самодостаточны; они практически не поддерживают социальных контактов друг с дру-

²⁷ Традиционное марксистское понятие раздвоенного социального мира, которое сводится к единственному, антагонистичному противостоянию между классами и лишено каких-либо намеков на иные формы социальной классификации, остается всего лишь одной из многих эмпирических возможностей, впрочем, крайне маловероятной.

гом и не имеют доступа к эффективным «средствам коммуникации». Как следствие, они неспособны организоваться для мобилизации и отстаивания своих интересов и существуют в состоянии, которое исследователи позднее назвали «серийным». Таким образом, Маркс признает, что прежде, чем задаваться вопросом, заключило ли крестьянство (в данном случае) «союз» с буржуазией, пролетариатом или каким-то иным классом, следует выяснить, способно ли оно самоорганизоваться. Но даже если это так, Бурдье напоминает, что ни коммуникации, ни устойчивого социального взаимодействия между индивидами в группе с общими жизненными условиями не достаточно для образования социальной коллективности, тем более мобилизованной. Интересы, сколь бы «объективными» они ни казались, сами по себе никак не могут запустить коллективное социальное действие, и, *при всём уважении* к Марксу, в реальности этому препятствуют не просто какие-то технические сложности организации. Действительно, не имея ни малейшего желания преуменьшить значимость технических ограничений, всё же необходимо подчеркнуть, что между интересами и коллективным действием пролегает пропасть, которую можно преодолеть лишь колоссальным трудом — трудом, который осуществляется, в первую очередь, в *символическом* регистре. Акторы, организующиеся и мобилизующиеся от имени «своего» класса, должны сперва осознать себя членами одной социальной коллективности, имеющими общие интересы и общих оппонентов. Это означает, что они должны осознать себя (и своих противников в других классах) носителями хотя бы минимальной классовой идентичности.

На самом деле символический труд, который может стать предтечей мобилизации, выполняется постоянно и всеми. Из-за этого его сложно постичь социологически. Действительно, можно предположить, что единственной адекватной задаче формой классового анализа будет та, что способна сплавить структурный анализ с феноменологическим описанием неисчислимых актов взаимной классификации, пронизывающих социальное взаимодействие. И именно такой сплав оказались неспособны выработать традиционные школы классового анализа. Ярче всего это проявляется на примере марксизма. Раскол в этой традиции обнаружить несложно. С одной стороны, для историков (см., напр.: Thompson 1966 [1963]) и этнографов (см., напр.: Fantasia 1989)

«класс» — это нечто, что должно быть *создано* в определенном месте в определенный исторический момент. Такие исследования не знают себе равных в просеивании мельчайших деталей повседневной деятельности или исторических документов в попытках установить образование классов посредством процессов расстановки и демаркации, приводящих к формированию более-менее очерченных социальных групп. Но в то же время эти процессы, как правило, оказываются локализованными явлениями, которые невозможно систематически увязать с широкой классовой структурой²⁸. Выражаясь более конкретно, в таких исследованиях нельзя рассмотреть возможность систематического варьирования классификационных ориентаций синхронно со сменой структурного местоположения либо варьирования стратегий достижения этих ориентаций в зависимости от имеющихся в наличии ресурсов; и это ограничение становится тем более серьезным, чем больше мы готовы признать, что сама по себе классовая структура сильно дифференцирована и многомерна. Однако с другой стороны, аналитикам, отдающим концептуальный приоритет классовой структуре (см., напр.: Wright 1997), удастся расположить индивидов на детализированных «картах» этой структуры. Тем не менее, классифицировав таким образом социальных *акторов*, они оказываются в уязвимой позиции, что касается постижения процессов «формирования классов». Такие исследования, обычно удовлетворяются изучением того, совпадают ли (и если совпадают, то в какой мере) мнения и практики индивидов с предполагаемыми на основании их структурного положения; однако при этом упускается из виду

²⁸ Около 40 лет назад Томпсон предварил свое исследование формирования рабочего класса в конце XVIII — начале XIX века в Англии так: «Сегодня повсеместно возникает искушение предположить, что класс — это вещь. В своих исторических работах Маркс не имел этого в виду, однако в гораздо более поздних “марксистских” работах эта ошибка встречается сплошь и рядом. Предполагается, что “он”, рабочий класс, реально существует, и его существование можно определить почти математически — это все те люди, которые имеют определенное отношение к средствам производства. Как только мы это предположили, становится возможным вывести классовое сознание, которым “он” мог бы обладать (но редко обладает), если бы “он” должным образом осознавал собственную позицию и реальные интересы» (Thompson 1966 [1963], p. 10). И далее: «[к]ласс определяется людьми по мере того, как они проживают собственную историю, и, в конечном счете, это его единственное определение» (Thompson 1966 [1963], p. 11).

именно то, что можно назвать *конструктивистским* измерением социального класса. Как считает Бурдьё,

предполагая, что действия и взаимодействия могут быть каким-то образом логически выведены из структуры, мы уходим от вопроса о *переходе от теоретической группы к практической группе*, то есть от вопроса политики и политической работы, необходимой для приложения принципа видения и деления социального мира, даже если этот принцип прочно опирается на реалии. (Bourdieu 1987, p. 8; см. также: Bourdieu 1991, pp. 233–234)

(Будет также уместно добавить, что опора на теорию рационального действия, которая оставляет мало места (если вообще оставляет) для символического в описаниях коллективной идентичности и коллективного действия на метатеоретических принципах, лишь усугубляет эту близорукость.) Можно сказать, что подход Бурдьё к классу в целом имеет своей целью методически интегрировать интуиции, вдохновленные описаниями, отдающими приоритет, соответственно, структуралистскому и конструктивистскому измерениям, в согласованную программу эмпирического исследования (см.: Bourdieu 1984 [1979], p. 483).

Плюсом подхода Бурдьё является демонстрация того, что бесконечные дебаты между сторонниками номиналистского и реалистского подходов к классу безосновательны. Противостояние этих взглядов не следует трактовать как эпистемологическую альтернативу, чреватую конфронтацией между классовыми аналитиками. Напротив, номинализму и реализму доступно то, что можно описать как отдельные моменты социального процесса (Bourdieu 1990b, pp. 128–129; Bourdieu 1991, p. 234; см. также: Bourdieu 1984 [1979], p. 169ff). Следует подчеркнуть, что социальные *акторы* распределяются в соответствии с *объективной структурой* позиций, определяющей вероятность того, что у данного произвольно выбранного множества индивидов будет общий стиль жизни, общее собирательное название или организационное членство²⁹. Тем не менее, дифференцирующие вероятности,

²⁹ Как справедливо отмечает Портес (Portes 2000) в контексте теории Граски и Соренсена (Grusky and Sørensen 1998), подход, признающий «существование» классов лишь при условии возможности выделить некий тип экономической (в данном случае занятиной) самоорганизации, приводит к несуразному выводу, что некоторые индивиды — возможно, боль-

генерируемые данной структурой, могут дать начало социальным коллективностям только тогда, когда индивиды оказываются способны сконструировать адекватные *представления* о ней, в частности, адекватное представление о границах, одновременно разъединяющих и объединяющих их — будь то диффузные, проницаемые границы, обусловленные потреблением, или жесткие и строгие границы, вписанные в государственную политику и законодательство (см.: Bourdieu 1984 [1979], p. 169ff)³⁰. Будет справедливо сказать, что социальные классы могут возникнуть исключительно посредством слияния двух *частично* независимых сил: объективных вероятностей, проистекающих из структуры социального пространства, и субъективной «веры» в существование классов. Как утверждает Вакан, «[к]ласс заключается не в структурах и не в агентности как таковых, но в их взаимосвязи, которая исторически производится, воспроизводится и трансформируется» (Wacquant 1991, p. 51). Именно это подчеркивает Бурдьё (Bourdieu 1990a [1980], p. 135), заявляя, что класс определяется одновременно его «бытием» и «восприятием его другими».

Бурдьё всегда держался в стороне от главного исторического нарратива, согласно которому классовый конфликт является *собственно* «движущей силой истории» (*the «motor of history»*). И, как мы могли убедиться, в его поздних работах класс лишен каких-либо метатеоретических привилегий, которыми мог бы обладать в рамках его общей социологической ориентации. Как следствие, эта ориентация позволяет получить инструменты, необходимые для обращения к феномену, обыкновенно описываемому (пожалуй, огульно) в терминах «декомпозиции» рабочего класса. Вот почему «Нищета мира» (“The Weight of the World”) (Bourdieu *et al.* 1999) — этнографическое описание социально обусловленных страданий во Франции, впервые опубликованное Бурдьё и его коллегами в 1993 году, — содержит обильные свидетельства и анализ

шинство — «бесклассовые». Вследствие этого такой подход если и может дать, то весьма скудное представление о стилях жизни, дискурсах и формах объединения (и т. п.) этих индивидов.

³⁰ Безусловно, критерии оценки «адекватности» представления относительно его социальной функции сплочения и мобилизации отличаются от критериев, которые будут (или должны быть) использованы для оценки его адекватности в качестве аналитической конструкции, выстроенной в целях социологического исследования (см.: Bourdieu 1984 [1979], p. 473).

этнических антагонизмов в рабочем классе, возникших в результате иммиграции, преобразований индустриальной экономики и изменений в соотношении между аттестатами и рабочими местами. И написанное Чарльзуортом (Charlesworth 2000) этнографическое исследование Ротерхэма (Rotherham), городка в северной Англии, во многом опирающееся на работу Бурдьё, документирует жизнь сообщества, в котором деиндустриализация запустила «распад» всего образа жизни. Не нашедшие отражения своего положения в политических речах и оторванные от профсоюзных традиций (которые тоже разрушались), молодые представители рабочего класса, несмотря на схожесть жизненных условий и жизненного стиля, демонстрируют коллективную идентичность, совершенно не поддающуюся дискурсивной артикуляции. В этих условиях их символическое существование свелось к тому, что Бурдьё (Bourdieu 1984 [1979], р. 178) называет «жизненным стилем “в себе”» — то есть его характерные практики и объекты функционируют в первую очередь как признаки депривации, а значит, факторы стигматизации (см.: Charlesworth 2000, pp. 150–202).

Среди классовых теоретиков Бурдьё выделяется тем, что отводит центральное место символическим практикам социальной классификации. В силу исследованных нами причин, эта центральность выходит за рамки вопросов социального класса, в конечном итоге распространяясь на все формы социальной категоризации (пол, расу, нацию и т. п.). Символическое, по мнению Бурдьё, представляет собой весомую, но крайне трудноуловимую разновидность власти, воплощающейся в «таинственной алхимии» (Bourdieu 1999, р. 233). Классификация как применение символических схем является, по сути, двусторонним процессом. С одной стороны, она категоризирует, делит и разобщает индивидов, тем самым конструируя социальные коллективности: «социальная магия всегда способна создавать прерывность из непрерывности» (Bourdieu 1991, р. 120). Тем самым она создает коллективные идентичности, посредством которых социальные *акторы* познают себя и других. С другой стороны, классификация также предполагает «театрализованный показ» лежащих в ее основе властных сил, ресурсов и привилегий в какой бы то ни было их форме — экономического капитала, культурного капитала, мужских прерогатив и т. д. В этой ипостаси она функционирует как опосредствующая инстанция, через которую выражаются и при-

знаются (либо отвергаются) претензии на социальное признание. С помощью этих функций она способствует поддержанию либо преобразованию социального порядка.

Когда классификационные схемы одновременно запечатляются в диспозициях и вписываются в порядок вещей (т. е. в дискурс, институты и законодательство), может развиться крайне устойчивое к переменам «со-участие» габитуса и мира. В частности, простого осуждения и «символической провокации» редко бывает достаточно для того, чтоб нарушить глубоко укоренившееся согласие между субъективным и объективным. Тем не менее, Бурдьё решительно настаивал, что интеллектуалы, в частности социологи, как носители культурного капитала играют ключевую роль в борьбе против форм субординации, опирающихся, по крайней мере частично, на символическую власть. Имея возможность с определенным авторитетом рассуждать о социальном мире и, таким образом, влиять на представления о нем, интеллектуалы способны пролить свет на механизмы доминирования, которые иначе могли бы ускользнуть от внимания, и опыт подчинения, который в противном случае мог бы остаться за пределами вербализации (см.: Bourdieu *et al.* 1999)³¹. Однако эта способность сопряжена с определенным риском. В частности, социологи подрывают свою способность исследовать взаимосвязь между различными классификационными стратегиями, с одной стороны, и положением в социальном пространстве — с другой, когда позволяют утвердиться в своем дискурсе определенной классификационной точке зрения, которую они стремятся наделить авторитетом (и ауры) «науки». Это справедливо, к примеру, для безапелляционных суждений о «смерти» или «жизни» классов, зачастую несколько эвфемистично

³¹ Именно по этой причине Бурдьё всегда считал социологию *критической* дисциплиной: «если нет науки, кроме науки о скрытом, то наука об обществе является, по сути, критической, без необходимости для выбравшего эту науку ученого когда-либо сделать выбор в пользу критики: в данном случае скрытое является секретом, и очень хорошо хранимым, даже когда никто не подражался хранить его, поскольку оно причастно к воспроизводству “социального порядка”, основывающегося на сокрытии наиболее действенных механизмов его воспроизводства, и, таким образом, служит интересам тех, кто также кровно заинтересован в консервации этого порядка» (Bourdieu and Passeron 1990 [1970], p. 218, n. 34).

выражающих соответствующую стратегию конкретной группы или фракции (Bourdieu 1987, pp. 2–3; Bourdieu 1990b, pp. 179–180).

Бурдьё всегда считал, что интеллектуалы, благодаря обладанию культурным капиталом, являются фракцией доминирующего класса. Из этого следовало, что далеко не «случайные» классификационные пристрастия интеллектуалов — зачастую целиком и полностью зависящие от распределения чести и престижа на основании приоритета культурного перед материальным — столь же открыты для социологических исследований, как и пристрастия любого другого класса или фракции. Бурдьё (Bourdieu 1988 [1984]; Bourdieu and Wacquant 1992, pp. 62–74; Bourdieu 1990b, pp. 177–198) взялся за этот проект с энтузиазмом, воспринимая его как повод использовать социологию для того, чтоб посредством рефлексии достичь осознания (и в какой-то мере контроля) в отношении характерных способов рассмотрения социального мира, собственных тем, кто зарабатывает на жизнь рассуждениями о нем. В то же время, признавая, что интеллектуалы занимают свое чётко очерченное местечко в социальном пространстве, Бурдьё также отказался от соблазна объявить их «органичными» представителями доминируемых. И то, что он настаивал на этом утверждении в течение всей своей карьеры, с готовностью принимая все его неоднозначные последствия для своей политической практики, является доказательством его социологической прозорливости.

5 Основы ренто-ориентированного классового анализа¹

Ааге Б. Соренсен

Введение

Имеется огромный массив литературы, посвященной концепту класса и состоящей преимущественно из дебатов о том, какие свойства должен охватывать данный концепт. В результате образовалось множество разных классовых схем и аргументаций, выстроенных вокруг того, какая из схем лучше всего пригодна для фиксации классовой структуры современного общества. Дарендорф (Dahrendorf 1959) утверждает, что классы следует отождествлять с властными отношениями. Оссовски (Ossowski 1963 [1958]) и, позднее, Райт (Wright 1979) выстраивают классовые схемы путем перекрестной классификации имущественных и властных отношений либо отношений доминирования. Классовые схемы, связываемые с именем Джона Голдторпа, основываются на отношениях собственности, занятости и власти (Goldthorpe 1987; Erikson and Goldthorpe 1992). Паркин (Parkin 1979) и Мерфи (Murphy

¹ Ранние версии данной статьи были представлены на конференции под эгидой Европейского консорциума социологических исследований «Теория рационального действия в социальном анализе: применения и новшества» (Лангхольмен, Стокгольм, октябрь 1997 года) и на лекциях в Оксфордском (ноябрь 1996 года) и Северо-Западном (май 1997 года) университетах. Я глубоко признателен аудитории этих лекций за полезные комментарии, а также Ханне Брюкнер (Hannah Brückner), Джону Голдторпу (John Goldthorpe), Джону Майлзу (John Myles), Дугласу Хиббсу (Douglas Hibbs), Рольфу Хойеру (Rolf Hoijer), Кристоферу Дженксу (Christopher Jencks), Мишелю Оливье (Michèle Ollivier), Джону Скотту (John Scott), Аннеметте Соренсен (Annemette Sørensen), Рую Тейшейре (Ruy Teixeira), Эрику О. Райту (Erik O. Wright) и рецензентам “American Journal of Sociology” за комментарии, критику и полезные советы.

1988) делают акцент на отношениях закрытия, а Гидденс (Giddens 1973) — на уровне «структурации».

Целью изначально предложенного Марксом концепта класса является объяснение неравенства, социальных движений, социального конфликта и политических процессов для построения теории истории. Механизмом, придающим этому концепту столь экстраординарную объяснительную силу, является *эксплуатация* рабочего класса капиталистическим классом, продуцирующая *антагонистические интересы*. Интересы могут считаться антагонистическими, когда выгода одного *актора* или совокупности *акторов* исключает возможность получения такой же выгоды другими. Посредством процесса, обыкновенно обозначаемого как *формирование классов* (*class formation*), члены класса осознают, что имеют эти интересы, и так образуются коллективные *акторы*, вступающие в конфликты, в конечном итоге изменяющие классовую структуру и общество.

Эксплуатация, по Марксу и в рамках данного обсуждения, означает существование каузальной связи между преимуществами и ограничениями (*advantages and disadvantages*) двух классов. Эта каузальная связь создает скрытые антагонистические интересы, которые в конечном счете, когда на их основании *акторы* начинают действовать в результате развития классового сознания, обуславливают классовый конфликт. Эта каузальная связь также предполагает, что распределение преимуществ и ограничений можно изменить исключительно путем изменения классовой структуры.

Теория эксплуатации как источника преимуществ и ограничений среди классов является теорией неравенства. Это «структурная» теория неравенства, поскольку источником неравенства являются отношения между классами, а не усилия или навыки членов этих классов. В этом смысле, как любят говорить неомарксисты, пользуясь формулировкой, предложенной в (Simmel 1908), классы являются «пустыми местами», а такая теория является истинно социологической теорией, которую можно противопоставить стандартной экономической теории, согласно которой люди получают на рынке неравные доходы от своих навыков, способностей и физических активов.

В течение большей части XX века существовал консенсус, что предложенная Марксом концепция эксплуатации несостоятельна. Она базируется на давным-давно отброшенной даже

экономистами-марксистами трудовой теории стоимости. Поскольку трудовая теория стоимости является отправной точкой этой теории, можно было бы ожидать, что первоочередной задачей пересмотра классовой концепции будет формулировка более адекватной структурной теории неравенства. Тем не менее проблеме исходной теории эксплуатации уделялось крайне мало внимания, за исключением анализа концепции эксплуатации, предложенного экономистом Рёмером (Roemer 1982). Однако из чрезвычайно общей концепции эксплуатации Рёмера отнюдь не следуют с необходимостью антагонистические интересы, продуцирующие классовую борьбу и революции.

Пренебрежение к разработке адекватной теории эксплуатации для кого-то (к примеру, Murphy 1988) означает, что все становятся веберianцами. Однако классовая концепция Вебера не предлагает структурной теории неравенства, помогающей определить, когда класс становится релевантным применительно к социальному и политическому действию. Таким образом, ключевой инградиент исходной классовой концепции в том виде, в котором ее разработал Маркс, исчезает. Конечно, эта элизия не делает менее полезными концепты класса, используемые либо в эмпирических исследованиях для объяснения разнообразия поведения и установок или социальной мобильности (такие, как концепт, предложенный Голдторпом), либо для оценки процессов формирования класса (такие, как предложенные неовеберianцами).

Однако главное состоит не в противопоставлении неомарксистских и неовеберianских концептов класса. Более полезно различение между классом в смысле конфликтных групп, противостояние которых проистекает из *эксплуатации*, и классом в смысле детерминанты индивидуальных действий и ментальностей, где эти следствия проистекают из *условий жизни*, ассоциирующихся с различными классами. Оба концепта класса охватывают свойства, отражающие объем и тип ресурсов либо активов, имеющих в распоряжении тех, кто занимает те или иные классовые позиции. Я же предлагаю рассматривать класс как базирующийся на правах собственности, подобно Марксу, однако в моем случае концепт собственности шире, чем обыкновенно применяемое определение юридических прав собственности. Этот концепт экономических прав собственности определяется как способность получать выгоды от активов прямо или опосредованно, через об-

мен (Barzel 1997). Некоторые из этих прав могут поддерживаться государством, и тогда они являются юридическими правами, но люди получают также выгоды от прав, не имеющих юридической силы. Права собственности определяют богатство/состояние (wealth) человека, поэтому я утверждаю, что концепция *класса как жизненных условий* отображает все совокупное богатство человека. Часть этого благосостояния могут составлять активы, генерирующие доходы или выплаты, являющиеся *рентами*. Ренты (rents) — это доходы от активов, предложение которых фиксировано, поскольку отдельные владельцы этих активов контролируют предложение этих активов на рынке, в силу чего предложение никак не реагирует на повышение цены. Я предлагаю определять *основанные на эксплуатации, или эксплуатационные классы (exploitation class)* как структурные положения, предоставляющие права на ренто-производящие активы (rent-producing assets). Эксплуатационные классы, определяемые наличием или отсутствием ренто-производящих активов, имеют антагонистические интересы, поскольку ренты дают собственникам ренто-производящих активов преимущества, получаемые за счет не-собственников. Классовые положения, определяемые классом как условиями жизни, не обязательно предполагают антагонистические интересы, поскольку ренто-производящие активы могут не являться частью контролируемого человеком богатства.

В следующем подразделе данной главы я приведу краткий обзор важнейших классовых концепций с акцентом на теориях неравенства, ассоциирующихся с этими концепциями. Далее я изложу две классовые концепции, основывающиеся на богатстве. А в заключительной части будет обсуждаться способность предложенных классовых концепций объяснять сегодняшние события.

Теории неравенства и классовые концепции

Обсуждение классовых концепций зачастую сбивает с толку из-за многообразия значений термина «класс». Для прояснения картины полезно упорядочить классовые концепции согласно уровню их теоретической амбициозности. На самом, так сказать, дне находятся сугубо *номинальные классификации* населения в соответствии с тем или иным измерением стратификации: к примеру, доходом, пре-

стижностью занятия либо социально-экономическим статусом. Эти концепции не утверждают эмпирического существования классов, отождествляемых с классовыми границами, равно как и не предлагают ответов на вопрос о причинах существования тех измерений неравенства, на которых основываются соответствующие классификации. Однако вопреки встречающимся порой утверждениям неомарксистов эти концепции полезны для описания различий во всевозможных установках и в поведении.

На следующем уровне теоретической амбициозности находятся классовые концепции, утверждающие эмпирическое существование наблюдаемых группировок с идентифицируемыми границами. В дальнейшем для обозначения этих концепций я буду употреблять выражение «класс как условия жизни». Их можно либо выявить путем идентификации различных жизненных стилей, ассоциируемых с различными жизненными условиями в исследованиях локальных сообществ (см., напр.: Warner, Meeker, and Bells 1949), либо аппроксимировать при помощи разнообразных классовых индикаторов, таких как занятие, образование, доход, источники дохода и место жительства, дающих нам единицы измерения условий жизни различных классов. Эти концепции широко представлены в эмпирических исследованиях классов и их следствий.

Если брать недавние исследования, то, пожалуй, наиболее выдающейся классовой схемой этого типа будет схема, предложенная Голдторпом (Goldthorpe 1987) и развитая им совместно с Эриксоном (Erikson and Goldthorpe 1992). Она нашла широкое применение и оказалась очень полезной для эмпирических исследований. Голдторп (Goldthorpe 1987) подчеркивает, что для формирования класса, то есть для возникновения коллективного классового действия члены класса должны как минимум схожим образом реагировать на свою классовую ситуацию. Отчасти это вопрос схожести классовых ситуаций. Поэтому основная задача заключается в определении гомогенных классовых категорий при помощи занятийных категорий. Данная схема использовалась для обнаружения паттернов мобильности, а также анализа неравенства образовательных возможностей (см., напр.: Erikson and Jönsson 1996) и различий в установках и поведении (Marshall *et al.* 1988). Ее часто называют веберианской схемой, однако Голдторп такую атрибуцию отвергает. Граски и Соренсен (Grusky and Sørensen 1998) расширяют под-

ход выявления гомогенных групп вплоть до его логического завершения, утверждая, что единичные занятия (unit occupations) образуют соответствующую классификационную схему. В самом деле, если вопрос состоит в идентификации однородных группировок для получения полезной категоризации для разнообразных исследовательских целей, этот аргумент звучит убедительно.

Механизмы социализации и инокуляции не являются прерогативой классов. Особенности установок и поведения людей, воспитанных в локально или национально различных сообществах либо в разные исторические периоды, объясняются тем же механизмом. Таким образом, класс как условия жизни по существу является концептом, отражающим географию социальной структуры. Эти классовые схемы описывают важные различия между структурными положениями, но они не предназначены для предсказания революций. Как и в случае номинальных концептов, это не уменьшает их полезности для изучения различий жизненных стилей, которые они призваны фиксировать. Относительно свежая формулировка концептов класса подчеркивает такие культурные различия по зонам принадлежности (см., напр.: Bell 1987) и в пост-модернистских описаниях дает доводы в пользу новых расколов (см., напр.: Eyerman 1994). Исчерпывающий обзор этих подходов приведен в: (Grusky and Sørensen 1998).

Эти концепты класса не предлагают и не предполагают какой-либо эксплицитной теории неравенства или механизма продуцирования интересов неравенством, но, очевидно, исходят из того, что неравенства, обуславливающие различные жизненные условия, создаются рынком или каким-либо иным механизмом. Если Голдторп в качестве оснований своей схемы и указывает рынок, отношения занятости и властные полномочия, то чёткая связь между этими определяющими отношениями и собственно схемой не конкретизируется².

В теоретических дискуссиях о концепте класса наряду с Марксом в качестве еще одного основоположника обычно упоминают Вебера³. Вебер выходит за рамки описательных концепций класса,

² Недавно Голдторп приступил к этой задаче (Goldthorpe 1997), опираясь в первую очередь на экономическую теорию транзакционных затрат.

³ Акцентирование значения веберовской классовой концепции в литературе по классовому анализу вызывает некоторое удивление. В «Хозяйстве

явным образом относя класс к экономической организации общества. «Классовая ситуация является, в сущности, рыночной ситуацией» (Weber 1968 [1946], p. 182). Необходимость реализовать и сберечь полную стоимость своих активов приводит к возникновению *экономических интересов*, вокруг которых могут иногда формироваться конфликтующие классы. Вебер исходит из стандартной экономической теории, объясняющей, как люди получают неравные доходы от своих активов и ресурсов. Однако эта теория не указывает, при каких обстоятельствах экономические интересы будут антагонистическими и приведут к конфликту. Ничто не мешает веберовским классам не иметь антагонистических интересов, вызванных тем, что один класс получает преимущество за счет другого класса. В идеально конкурентных рынках с нулевыми транзакционными издержками невозможно постоянно получать преимущества или сверхрыночные доходы за счет кого-то другого⁴. Таким образом, классовое положение становится несущим

и обществе» (Weber 1978 [1922]) Вебер обращается к классу лишь в двух местах, но в обоих случаях речь идет об очень коротких фрагментах. Хотя можно сказать, что и Маркс так нигде ни разу не развил в явной форме классовую концепцию, тем не менее, во всех его работах класс, вне всякого сомнения, был основным предметом анализа. У Вебера мы не находим ни обсуждения, ни обстоятельного анализа. Такое впечатление, что он просто-напросто не считал класс важным концептом. Это нельзя объяснить недостатком в Германии альтернативных определений и обсуждений предложенной Марксом концепции в то время, когда Вебер писал отрывки, позднее скомпилированные в «Хозяйство и общество». Гейгер (Geiger 1932) приводит список из 16 определений, предложенных немецкоязычными учеными. За вычетом определения Маркса, в большинстве своем они датируются первыми десятилетиями XX века. Поскольку на английский были переведены только Маркс и Вебер, именно Вебер, несмотря на фрагментарную природу его работ на эту тему и не особую значимость классовых концепций в его трудах, стал главным источником обоснования разработки классовых концепций, альтернативных концепции Маркса.

⁴ Это стандартный результат для существующей в неоклассической экономической теории идеально конкурентной вальрасовской модели (Walrasian model), в которой все прибыли и ренты уравниваются и нивелируются. Вебера, конечно, нельзя обвинять в игнорировании этой идеализированной концепции экономики, однако следствием неспособности веберовцев идентифицировать структурные позиции, дающие значительные преимущества, является теория, более слабая, нежели классовая концепция Маркса.

щественным. Для конфликта экономических интересов необходимо, чтобы преимущества не были временными⁵.

Вебер не придает особого значения этому различию между преходящими и более постоянными преимуществами, продуцирующими антагонистические интересы. Он дает две подсказки на счет того, каким образом различаются экономические интересы. Первая состоит в отождествлении экономических интересов с товарами и услугами, которые люди продают на рынке возникающих перед ними экономических шансов. Вторую подсказку можно вывести из следующего утверждения:

Самый элементарный экономический факт заключается в том, что способ, каким происходит распределение каналов распоряжения материальной собственностью ... сам по себе уже определяет специфические жизненные шансы. Согласно закону предельной полезности, подобный способ распределения исключает из соревнования за обладание высоко ценимыми товарами не-собственников ... Такой способ распределения монополизировывает возможности заключить выгодный контракт для всех, кто, будучи обеспечен товарами, не нуждается в их обмене. (Weber 1968 [1946], p. 181)

Ниже я покажу, что идея важности монополии прямо касается классового анализа⁶, однако в силу более конкретных причин, нежели выдвигаемые Вебером. Так называемые неовеберовцы уделяют много внимания ограничениям доступа к классам, или закрытию, связывая идею Вебера о статусных группах с классом. Идея классового закрытия, на которой акцентировали внимание Гидденс (Giddens 1973), Паркин (Parkin 1979), Мерфи (Murphy 1988) и другие, заключается в том, что у классов есть что защищать и чего желать, однако, не считая общих замечаний о бедности и аттестатах, нет ни малейших намеков на то, когда и обязательно ли собственность и аттестаты приводят к возникновению антагонистических классовых интересов, формирующих основу для классового действия.

На высшем уровне теоретической амбициозности находится марксистская классовая концепция, предлагающая структурную теорию неравенства в описанном выше смысле. В классовой кон-

⁵ Как отмечает Хайек (Hayek 1948), один из парадоксов идеально конкурентного рынка заключается в отсутствии мотивации для конкуренции.

⁶ Этот пункт будет проиллюстрирован на основе идеи монопольных рент, которая будет рассмотрена в следующем подразделе.

цепции Маркса ключевым процессом, определяющим классовые отношения, является эксплуатация, то есть процесс, посредством которого один класс получает экономическое преимущество за счет другого класса. При феодализме эксплуатация прозрачна — феодал-помещик присваивает часть продукции крестьян либо, что еще прозрачнее, заставляет крестьян часть рабочей недели бесплатно работать на его поместье. При капитализме эксплуатация более скрытая, поскольку рабочие якобы добровольно соглашались работать за зарплату. Однако их зарплата не отражает стоимости произведенного ими продукта, которая равна воплощенной в продукте рабочей силе, — это абстрактная величина, не обязательно равная воплощенным трудозатратам. Зарплата равна обменной стоимости (*exchange value*), или цене труда, которая должна отражать издержки на производство труда, как и в случае других цен. Разница между зарплатой и произведенной стоимостью (*the value produced*) является источником излишка (*surplus*) [прибавочной стоимости, в терминах Маркса. — *Прим. перевод.*], присваиваемого капиталистом и генерирующего прибыль (*profits*) — конечную цель всякой капиталистической деятельности. Данный излишек принадлежит рабочему, следовательно, капиталист обогащается за счет рабочего. Очевидно, что эти два класса должны иметь антагонистические интересы.

Как показывает история марксизма, предложенное Марксом объяснение неравенства и угнетения весьма привлекательно. Идея о том, что бедность рабочего класса вызвана тем, что рабочие тратят часть своего труда на обогащение капиталиста в силу капиталистической организации собственности, вне всякого сомнения, соблазнительна. Она не только дает объяснение неравенства, но и указывает эффективный выход: надо изменить классовые отношения, создающие эксплуатацию. Однако право рабочих на излишек — это нормативное утверждение, сформулированное Марксом и разработанное им в первом томе «Капитала». Излишек никак не влияет на наблюдаемые экономические показатели вроде цен. В третьем томе Маркс это осознал и выдвинул положение о том, что сумма излишков в стоимостях труда и сумма цен должны быть равны. Однако, «как правило, прибыль и прибавочная стоимость... являются действительно разными величинами... Разница в величине между прибылью и прибавочной стоимостью... полностью скрывает происхождение и истинную природу прибыли, и не только для капи-

талиста... но и для рабочего» (Marx 1959b, p. 58). Эта скрытая природа источника эксплуатации делает невозможным эмпирическое использование теории и является источником затруднений, с которыми сталкивается трудовая теория стоимости.

Эксплуатация — это присвоение труда капиталистом, такое же, как присвоение труда феодалом при феодализме. Разница между зарплатой и прибавочной стоимостью означает, что капиталист будет иметь тем больше, чем больше прибавочной стоимости он может получить от рабочего за некоторый промежуток времени. Отсюда исключительно важны доступные капиталисту *средства эксплуатации*. Таким образом, концепт класса Маркса приобретает двойственное измерение — юридического владения и доминирования/власти, которое рассматривается в качестве ключевого элемента данного концепта в дискуссиях о марксистской классовой концепции⁷. Неомарксисты обычно отделяют истинно марксистскую классовую концепцию от веберианских формулировок, указывая на недостаток внимания в последних к средствам эксплуатации. Выдвигается формулировка, согласно которой класс определяется *в точке/месте производства (point of production)*⁸. Неомарксисты правы насчет Вебера, однако сфокусировались на неверном измерении марксистской концепции, на *доминировании*, дабы избежать проблем, связанных с трудовой теорией стоимости.

Два широко цитируемых предложения по переформулировке марксистской классовой концепции основываются на средствах эксплуатации как главном элементе концепции класса (Dahrendorf 1959; Wright 1979). Дарендорф (Dahrendorf 1959) предлагает наиболее радикальную формулировку марксистской классовой концепции, устраняя из нее основу эксплуатации, то есть юридические права собственности, и оставляя лишь доминирование или властные полномочия.

⁷ Если к доминированию в сфере занятости добавить идеологические и политические структуры, получим замысловатую классовую концепцию, разработанную Пулантзасом (Poulantzas 1975).

⁸ Основным исключением из этого правила является классовая концепция Рёмера (Roemer 1982), которая будет рассмотрена ниже. Критика, строго подчеркивающая необходимость для марксистской концепции определения классов «в месте производства», содержится в работе Райта (Wright 1982). Позднее Райт пересмотрел свою позицию (см., напр.: Wright 1997).

Теоретическая проблема Дарендорфовой переформулировки заключается в том, что он нигде подробно не раскрывает, почему властные отношения непременно должны создать антагонистические интересы — самый что ни на есть корень образования классов. Контракты занятости добровольны и означают подчинение власти в обмен на плату. В конкурентных рынках труда дискомфорт и отчуждение, которые могут быть вызваны подчинением, должны, как указывает Саймон (Simon 1957) в своем анализе контрактов занятости, компенсироваться более высокими зарплатами. Таким образом, антагонистические интересы формироваться не должны. Если не применять трудовую теорию стоимости, властные полномочия и доминирование сами по себе отнюдь не обязательно создадут эксплуатацию.

Райт (Wright 1979, 1985) получает классовые категории путем перекрестной классификации собственности так, как это предлагал еще Оссовски (Ossowski 1963 [1958]), и его обоснование на удивление ясно. Поскольку большинство населения имеет очень мало собственности либо вообще ее не имеет, классовая дифференциация происходит преимущественно в соответствии с властными полномочиями. Концепции Райта нашли широкое применение в эмпирических исследованиях. Лишь обсуждавшаяся выше классовая концепция Голдторпа завоевала такую же популярность в эмпирическом классовом анализе. Райт (Wright 1979) утверждает, что его первая классовая схема основывается на теории эксплуатации, однако нигде эту теорию не приводит и не обсуждает. Позднее Райт (Wright 1985) берет на вооружение теорию эксплуатации, предложенную Рёмером (Roemer 1982), и надлежащим образом переформулирует свою классовую схему, сохраняя властные полномочия, которые он теперь называет «контролем над организационными активами» (Wright 1985, p. 79), в качестве главного измерения классовых отношений.

Исследования, использующие классовую схему Райта, обнаруживают влияние полномочий на доходы, однако это влияние не требует классовой интерпретации. Властные полномочия измеряются количеством подчиненных, и это количество, очевидно, будет сильно коррелировать с карьерными ступеньками, утвержденными в рамках схем продвижения по службе, используемых на внутренних рынках труда. Чтобы точно установить, что данное влияние является влиянием именно властных полномочий, необ-

ходима дифференциация между штатными должностями и должностями в линейных подразделениях, чего никто никогда не делал. Экономическое объяснение влияния на доходы властных полномочий как таковых сложно обосновать — дальнейшее развитие данной аргументации см. в: (Sørensen 1991).

Маркс ввел средства эксплуатации, в частности властные полномочия, в качестве ключевого элемента своей классовой концепции не для объяснения доходов менеджеров и супервайзеров, а потому, что трудовая теория стоимости требует двойственности измерений концепта класса. Если эту теорию отбросить и заменить неоклассической теорией предельной производительности, потребность в средствах эксплуатации исчезает, поскольку в теории предельной производительности отсутствует различие между обменной и прибавочной стоимостью. В теории предельной производительности рабочему оплачивается его вклад в продукцию: ленивый рабочий получает меньше, чем прилежный. Конкуренция на рынке труда гарантирует, что капиталист платит не больше и не меньше вклада рабочего в его, капиталиста, производство.

Маркс не использовал теорию предельной производительности, поскольку не знал о ней. Он, вне всякого сомнения, разделял представления о конкурентной природе рынков труда в условиях современного капитализма и, вполне возможно, принял бы стандартную теорию, описывающую эти рынки. Как пишет Рёмер, «неоклассическая модель конкурентной экономики — неплохая платформа для марксистов, откуда им следовало бы начать исследование идеализированного капитализма» (Roemer 1982, p. 196).

Рёмер пытается сформулировать теорию эксплуатации, согласующуюся с современной экономической теорией и исходной интенцией, которой Маркс руководствовался при разработке своей классовой концепции, а именно, что обладание производительными ресурсами предоставляет их собственнику преимущество за счет не-собственника. Таким образом, неравенство в плане производительных активов создает эксплуатацию: стоимость произведенного более бедным *актором* зависит от наличия богатого *актора*⁹. Рёмер иллюстрирует эту идею, используя теорию игр и определяя, что эксплуатация существует, если группе, занимающей

⁹ Это обобщение того, что иногда называют дифференциальными или Рикардовыми рентами (подробнее см.: Sørensen 1996).

проигрышное положение, выгоднее выйти из экономики со своей долей производительных активов.

Этот концепт эксплуатации как результата неравного распределения активов в рамках рыночной экономики имеет свою специфику. Рёмер (Roemer 1986) показывает, что если допустить, что **акторы** имеют различные временные предпочтения, то может оказаться, что между эксплуатационным статусом и богатством будет наблюдаться обратная корреляция. Рёмер решает эту проблему своего концепта эксплуатации, предлагая вовсе отказаться от данного концепта¹⁰. Это означает отрицание самой возможности сформулировать удовлетворительную структурную теорию неравенства.

Наиболее теоретически амбициозная концепция, концепция класса как эксплуатации, берущая начало в работах Маркса, предлагает механизм возникновения антагонистических интересов и, соответственно, генерации классового конфликта. Однако эта теория опирается на трудовую теорию стоимости, отброшенную экономической теорией. Разнообразные попытки воскресить эту концепцию с использованием концепта властных полномочий неудовлетворительны, поскольку не очевидно, что властные полномочия являются источником эксплуатации и антагонистических интересов. Предложение рассматривать эксплуатацию как коренящуюся в неравенстве относительно всех активов также приводит к неудовлетворительным результатам.

Есть и другое решение. Оно заключается в том, чтобы сохранить акцент Маркса на правах собственности как источнике эксплуатации, но при этом не рассматривать в качестве источника эксплуатации все богатство. Вместо этого я предлагаю ограничить эксплуатацию неравенством, генерируемым владением *ренто-производящими активами* (*rent-producing assets*). Ренто-производящие активы либо ресурсы создают неравенство в том случае, если их владелец получает преимущество за счет не-владельцев. Эти не-владельцы выиграли бы от перераспределения или устранения ренто-производящего актива. Концепция *класса как эксплуатации* на основе концепции ренты согласуется с совре-

¹⁰ Согласно Рёмеру, «теория эксплуатации — это обиталище, которое нам больше нет нужды содержать: она служила нам домом, позволившим вырастить здоровых детей, и теперь пришла пора двигаться дальше» (Roemer 1986, p. 262).

менной экономической теорией и, следовательно, избегает проблем трудовой теории стоимости. Она также избегает аномалий, описанных Рёмером.

Класс и богатство

Маркс считал, что классы базируются на правах на доходы от богатства, и Вебер считал собственность крайне важной для возникновения экономических классов. Эксплуатация — это вопрос экономического преимущества, полученного за счет кого-то другого. Далее я покажу, что право на доходы от богатства действительно является ключевым для распределения этих доходов.

Права на доходы могут отражать юридическое владение. Однако права на преимущества, предоставляемые активами либо ресурсами, могут быть эффективными и не будучи юридическими правами. По Барцелю (Barzel 1997), экономические права собственности следует рассматривать как отражение способности индивида потреблять товар или актив непосредственно либо посредством обмена, то есть контролировать использование товара либо актива. Такие экономические права могут обеспечиваться юридической санкцией, и в этом случае они усиливаются, однако могут быть эффективны и без поддержки со стороны государства. Права собственности не являются абсолютными и постоянными и могут изменяться посредством индивидуального либо коллективного действия по защите и расширению этих прав. Такое действие сопряжено с трансакционными издержками, являющимися расходами на передачу, захват и защиту прав. Иллюстрации будут приведены ниже. Когда трансакционные издержки положительны, нет строгого разграничения прав и их передача либо защита затруднительны либо невозможны. Положительные трансакционные издержки могут возникать в силу различных причин. Барцель (Barzel 1997) подчеркивает, что измерение некоторых атрибутов активов может дорого обходиться, поэтому они могут быть не в полной мере известны действующим либо потенциальным владельцам. Эти атрибуты могут фиксироваться другими, которые вследствие этого получают право на выгоды от этих атрибутов. Передача прав, позволяющих *актору* реализовать полную стоимость своих активов, может обходиться дорого вследствие дороговизны их перемеще-

ния либо силового препятствования ему. Коллективное действие, необходимое для перераспределения создающих монополию прав собственности, также обходится дорого¹¹.

К примеру, в современной корпорации акционеры не владеют всеми активами организации, но разделяют их с другими сторонами внутри и вне организации, имеющими право на прибыли с разнообразных атрибутов этих активов. Менеджеры получают некоторые выгоды, поскольку акционеры не в состоянии полностью контролировать используемые ими активы в силу недостатка информации. Другие работники могут получать определенные преимущества (см. ниже), скажем, сохраняя контроль над собственными трудозатратами. То, что владение разделяется, не означает, что концепт собственности как базиса эксплуатации должен быть отброшен, как это предлагает Дарендорф (Dahrendorf 1959)¹². Так, отсутствие индивидуальных юридических прав собственности на производительные активы в социалистическом обществе не означает, что в таком обществе индивиды ничего не выигрывают, контролируя использование активов. Разве что в таких обществах права собственности более ограничены, и может быть сложно выявить тех, кто получает такие выгоды (Barzel 1997).

Более широкий концепт прав собственности, предложенный Барцелем, подразумевает, что индивиды — даже рабы — обыкновенно в определенных обстоятельствах имеют некоторые права

¹¹ Барцель (Barzel 1997) и другие (см. обзор в: Eggerton 1990), делающие акцент на подходе к анализу экономических институтов на основе прав собственности, рассматривают транзакционные издержки как результат недальновидности или недостатка информации. Это следствие сосредоточенности на добровольном обмене. Я полагаю, что *акторам* может не удаваться выручить за свои активы их полную стоимость еще и потому, что им препятствует некая грубая сила или чрезмерная стоимость объединения действий нескольких *акторов* в коллективное действие и поддержания этого действия.

¹² Дарендорф (Dahrendorf 1959) отрицает, что собственность может быть основой формирования классов. Его аргументация основывается на существовании неравенства в обществах государственного социализма, где отсутствуют законные права частной собственности на средства производства, и образовании современных корпораций, в которых законное владение и контроль разделены. Надеюсь, мне удастся показать, что аргументация Дарендорфа базируется на чрезвычайно ограниченном концепте собственности.

собственности на активы (Barzel 1997, p. 105). Это значит, что все индивиды будут иметь некое богатство, пусть даже оно сводится исключительно к их способности выполнить задание, которую можно обменять на зарплату.

Возможно, полезно будет прибегнуть к простой формализации. Пусть v_j обозначает стоимость актива j , где под стоимостью понимаются поступления от j в течение всего срока существования актива. Эти поступления обыкновенно имеют монетарную природу, однако могут быть также социальными либо психологическими. Далее, пусть c_{ij} обозначает право *актора* i на актив j либо контроль i над j . Тогда суммарное богатство в распоряжении i будет равно:

$$w_i = \sum_j c_{ij} v_j,$$

где w_i — богатство *актора* i ¹³.

Индивиды максимизируют свое богатство путем максимизации доходов от своих активов, задействуя их в производстве товаров и услуг. Это, как правило, означает, что им нужно воспользоваться другими активами, которые контролируются другими *акторами*. Таким образом, им необходимо вести дела с этими другими *акторами*. Фермеру для максимизации дохода от трудозатрат и навыков, которые он может посвятить фермерству, нужна земля; рабочему для реализации стоимости его главного актива, а именно его рабочей силы, нужны работодатель, станки и сырье. Эти активы зачастую контролируются другими *акторами* или принадлежат им: землей владеет помещик, станками — капиталист. *Актор*, нуждающийся в этих активах, может их купить либо взять в аренду. Здесь под арендой понимается передача прав на актив¹⁴. Рабочий может предоставлять в аренду

¹³ Данная формулировка подобна определению власти в условиях системы рыночного обмена, предложенному Коулменом (Coleman 1990). Он усматривает в этой формулировке равновесный исход процесса обмена, в котором *акторы* обмениваются контролем над ресурсами для максимизации своей выгоды в системе без внешних факторов. Здесь же никакая концепция равновесия не подразумевается. Кроме того, Коулмен концентрируется на обмене любых ресурсов. А здесь речь идет прежде всего о производительных ресурсах. Чтобы богатство в виде активов или ресурсов представляло ценность, активы должны генерировать поступления, а значит, быть задействованы в производстве чего-нибудь.

¹⁴ При использовании понятий «аренда» (rentals) и «рента» (rents) может возникнуть путаница. «Аренда» означает передачу прав пользования акти-

свою рабочую силу капиталисту в обмен на зарплату либо выступать арендатором в отношении капиталиста в обмен на приносимую тому прибыль. Такие аренды особенно важны в случае долговечных активов либо ресурсов, и даже когда активы покупаются во владение, хорошая бухгалтерская практика предполагает подсчет арендной платы, которую следует выплатить владельцу.

Суммарное богатство, контролируемое *акторами*, определяет их классовую ситуацию относительно *класса как жизненных условий*. Контролируемые активы определяют доходы и их разнообразие. Рабочие будут получать зарплаты в результате своих усилий и навыков, и для изменения их доходов будут важны их индивидуальные занятийные возможности. Активы влияют на уважение и престиж со стороны сообщества, если знание об этих активах допускает коллективную оценку положения *акторов*. Контролируемые активы будут формировать возможности для ведения дел с другими *акторами* и, соответственно, для предпочтений или экономических интересов в том значении, которое вкладывал в понятие экономических интересов Вебер. Определяя благосостояние и благополучие, равно как и экономические возможности и инвестиции для максимизации этих возможностей, суммарное богатство и его состав создают поведенческие предрасположенности, ответственные за механизмы инокуляции и социализации, ассоциирующиеся с классом как жизненными условиями, что будет подробно рассмотрено ниже.

Когда индивидам необходимо вести дела с другими *акторами* для доступа к активам, нужным для реализации дохода от их богатства, *акторы* могут иметь возможность контролировать предложение необходимого актива. Издержки на перемещение и прочие затраты могут закрыть доступ к альтернативным поставщикам, предложение может быть ограничено самой природой актива, либо поставщик необходимого актива может создать монополию. Всё это позволяет *акторам*, контролирующим нужный актив, установить более высокую плату за пользование данным активом, нежели необходимо для покрытия издержек по активу. К примеру, владелец шахты в изолированной местности может получить преимущество за счет более низких зарплат, поскольку рабочие не имеют возмож-

вом от одного *актора* другому за плату (заработную плату за труд или проценты с капитала). Эти платежи образуют поступления держателю прав на прибыль с актива. Частью этих поступлений может быть экономическая рента, которая будет детально рассмотрена ниже.

ности найти альтернативные рабочие места¹⁵. Таким образом, рабочие не могут реализовать такие доходы от своего труда, которые теоретически могли бы реализовать в другом месте, а владелец шахты несет меньшие производственные затраты и, соответственно, имеет *большую* прибыль от производства. Преимущество, получаемое фактически за счет способности контролировать предложение активов, называется экономической рентой.

Ренты могут также отражать отсутствие полной информации. Исполнительные лица организаций могут получать блага, значительно превышающие необходимые для гарантии их работы на компанию, поскольку они имеют возможность контролировать денежные потоки, которые акционерам отслеживать не под силу. Или же предложение актива может быть ограничено, поскольку его доступность зависит от наличия некоторых других активов. Ренты играют ключевую роль в возникновении *эксплуатационных классов*, поскольку те, кому ренты приносят блага, заинтересованы в защите своих прав на ренто-производящие активы, в то время как те, кто не способен реализовать доход от своих активов в полной мере, заинтересованы в устранении рент. Следовательно, ренты могут создавать антагонистические интересы и конфликт.

Чтобы проследить возникновение рент, полезно пристальнее рассмотреть транзакции, связанные с максимизацией доходов от производительных активов. Расценки на аренду активов, необходимых для максимизации доходов с ресурсов *актора j* , являются для *j* издержками в случае активов, которыми он не владеет, и прибылями в случае активов, которыми он владеет. Это значит, что его богатство критически зависит от цен на значимые для него активы. Эти цены обычно зависят от предложения и спроса на рынке. Если предложение определенного актива, за который *j* платит арендную плату, увеличивается, цена на него падает, и богатство *актора j* увеличивается, поскольку снижаются его затраты. Аналогичным образом на стоимость активов влияет спрос. Это нормальный вариант.

Теперь допустим, что предложение чего-то, необходимого *j* для задействования его активов, контролируется *актором k* . Скажем, *актору k* принадлежит земля, доступ к которой нужен *актору j* для получения доходов от своего труда и навыков земледелия. Они договариваются о цене за пользование землей, и эта цена яв-

¹⁵ В этом случае у владельца шахты будет монополия.

ляется затратами *актора j*, снижающими получаемые им от своего труда и навыков блага. При обсуждении цены *j* и *k* будут сравнивать, сколько за пользование землей платят другие фермеры. В долгосрочной перспективе конкуренция гарантирует образование такой цены, которая обеспечит *j* достаточную выручку для выживания и способности обрабатывать землю и компенсировать землевладельцу покрываемые им расходы, скажем, на ограждения. Разумеется, *j* может попытаться приобрести землю, а не арендовать ее, однако на конечный итог это не влияет: арендная плата землевладельцу заменяется арендной платой за капитал на финансирование приобретения, то есть ссудным процентом.

Для возникновения конкурентного равновесия необходимо, чтобы предложение земли варьировало в зависимости от колебания цен. Также необходимо, чтобы арендаторы земли были мобильны и, соответственно, способны воспользоваться преимуществами предложений по арендной плате со стороны землевладельцев. Если эти условия не соблюдаются, если предложение земли фиксированное и ограниченное либо если мобильности арендаторов земли — фермеров или крестьян — препятствуют силовое воздействие или закон, землевладельцы могут устанавливать цены на аренду, превышающие гипотетическую конкурентную цену, просто покрывающую их затраты, связанные с землевладением. Разница между действующей и конкурентной арендной платой составляет то, что называется *экономической рентой*.

Ренты — это выплаты за активы, превышающие конкурентную цену, или цену, достаточную для покрытия затрат, а следовательно, превышающие уровень, достаточный, чтобы задействовать актив. Отсюда ренту на актив *i* можно определить следующим образом:

$$r_i = v_i^a - v_i^c,$$

где v_i^a — реальная стоимость *i*, а v_i^c — стоимость, возникающая в условиях конкуренции и равная затратам, обеспечивающим доступ к активу¹⁶. Эти стоимости определяются потоком доходов, генерируемых активом по ходу времени.

¹⁶ Рента является компонентом того, что мы обычно называем *прибылью* (profit), но при подсчете прибыли обыкновенно учитываются вложения в капитал, или процент, полученный как плата за прежние накопления, и компонент платы владельцу актива за управление активом. Эти компонен-

Существование рент зависит от способности владельца актива контролировать его предложение. Я уже упоминал классический пример: договор аренды, связанный с феодализмом. Одна часть выгод от распоряжения землей уходит на оплату труда крестьянина¹⁷, а еще одна часть — на оплату землевладельцем капитальных затрат на землю. Рентной выгодой, получаемой от арендных отношений, является остаток, то есть выплата, не востребованная для найма крестьян и поддержания плодородности земли. Это преимущество, которое получает землевладелец в силу его прав на доходы с контролируемого им актива¹⁸. Однако эта рентная выгода означает ущемление для крестьянина, поскольку он не реализует свой труд и навыки за их полную стоимость.

Рента отнюдь не обязательно связана с землей. Рента возникает на основе всех производственных активов, предложение которых фиксированно и которые нужны акторам для максимизации их богатства; или же рента может присутствовать в виде результата операционных издержек, связанных с получением доступа к нужным активам. Альфред Маршалл (Marshall 1949 [1920]) уделил огромное внимание концепции ренты и обобщил ее применимость к выгодам, получаемым от любого производительного ресурса либо актива. Он показал, что ренты также могут возникать в виде выплат за использование капитала и рабочей силы, предложение которых ограничено; в виде выплат за использование уникальных комбинаций капиталов и рабочей силы, к примеру, создаваемых определенными технологиями; а также в виде выплат

ты не являются частью ренты, получаемой тогда, когда процентная ставка и заработные платы соответствуют рыночной норме прибыли.

¹⁷ Классическая экономика рассматривала землю как основной источник ренты, иногда называемой земельной рентой, что подчеркивало зависимость прибыли от землевладения (такой терминологией пользуется, к примеру, Маркс). Рента — это «доля произведенного землей, выплачиваемая за природные и неуничтожимые силы почвы» (Ricardo 1951 [1821], p. 67).

¹⁸ Это типичная сделка. Можно возразить, что землевладелец получает выгоду в обмен на защиту (North and Thomas 1973), но это, в лучшем случае, объясняет лишь происхождение такой сделки. Также Барцель (Barzel 1997) показывает, что ситуация может осложняться в зависимости от типа контракта, существующего между крестьянином и землевладельцем. Например, при определенных условиях сделки крестьянин может получить преимущества за счет землевладельца, истощая плодородные свойства почвы.

за неординарные и редкие индивидуальные способности, которые нельзя развить одной лишь тренировкой (такие, как музыкальные таланты, артистическая креативность, атлетические способности). Ренты могут создаваться в рамках трудовых отношений, когда работники контролируют свои трудозатраты, пытаясь увеличить выгоды, получаемые посредством заработной платы, поскольку затратность мониторинга не позволяет работодателю привести зарплату в соответствие с трудозатратами. В общем, важная особенность состоит в том, что компонент выплаты, получаемой с актива, или поступления от него превышают уровень, необходимый для организации предложения актива.

Ассоциация ренты с землей — не просто историческая случайность; она также отражает обыкновение заключать долгосрочные договоры аренды, а следовательно, долгосрочность рент. В конкурентной экономике ренты могут возникать в промышленном производстве в результате инноваций либо ограничений импорта. Но когда другие обнаруживают, что обладание определенным ресурсом приносит сверхприбыль, или ренту, они по возможности увеличивают предложение данного ресурса. Это снижает сверхприбыль и в конце концов приводит к ее исчезновению. Маршалл (Marshall 1949 [1920]) называет такие временные ренты *квазирентами*. Именно эти временные ренты типичны для капиталистического производства и будут играть важную роль в дальнейшем обсуждении.

Для нашего анализа чрезвычайно важно, что ренты — это преимущества владельца активов, не являющиеся необходимыми для организации применения этих активов. Если землевладельцу, чтобы позволить фермеру пользоваться своей землей, достаточно конкурентной выплаты, то в любом превышении ее не необходимости, в базовом смысле этого слова. Это преимущество, которое ничего не стоит. Фермер явно заинтересован в снижении либо, если возможно, устранении ренты. Землевладелец столь же явно заинтересован в обратном, то есть в сохранении предоставляемого рентой преимущества. Таким образом, ренты создают антагонистические интересы. Определенные ренты особенно важны для социальной структуры и социальных изменений. Речь о долгосрочных рентах, которые, будучи результатом долгосрочных прав собственности на ренто-продуцирующие активы, дают значительные преимущества одним и ставят в крайне невыгодное положение

ние других. Они лежат в основе классовой формации, поскольку владельцы таких рент будут защищать свои права собственности на эти активы, а не-владельцы будут стремиться эти права ликвидировать.

Итак, совокупное богатство индивида, обусловленное контролируемыми им активами, будет определять его жизненные условия и, таким образом, его классовое положение в терминах класса как жизненных условий. Далее будет показано, что последствия этих условий зависят не только от совокупного богатства, но и от временной вариативности доходов с этого богатства (определяющей вариативность стоимости этого богатства). Часть совокупного богатства может генерировать блага, получаемые за счет кого-либо другого, который выиграл бы от иного распределения контроля или прав собственности на различные атрибуты активов. Эта *ренто*-продуцирующая часть определяет класс как эксплуатацию. Ниже я разовью эти идеи, сперва вкратце рассмотрев идею класса как жизненных условий в качестве совокупного личного богатства, а затем подробнее рассмотрев эксплуатационную классовую концепцию на основе прав на доходы от ренто-продуцирующего богатства.

Богатство и класс как жизненные условия

Как отмечалось выше, имеется множество исследований, показывающих, что класс как жизненные условия действительно является сильной детерминантой всевозможных эффектов¹⁹. Гораздо

¹⁹ Множество доказательств этого также дают исследования, использующие социально-экономический статус в качестве независимой переменной. Социально-экономический статус в смысле «достоинств» (“goodness”) (Goldthorpe and Hope 1974), судя по всему, отображает представления людей касательно жизненных условий, ассоциирующихся с различными занятиями, и измеряется богатством их представителей. Фундаментальных различий между тем, что измеряется по классовой схеме вроде схемы Голдторпа (Goldthorpe 1987), и социально-экономическим статусом нет; дискретная классовая схема способна разве что зафиксировать невертикальную вариативность, игнорируемую измерениями социально-экономического статуса. Если социально-экономический статус сгруппировать в дискретные категории, получим номинальную концепцию класса как жизненных условий. Ведутся дискуссии о том, не упускают ли дискретные

хуже обстоят дела с пониманием того, как эти эффекты возникают. Конечно, в нашем распоряжении имеется богатая литература по социализации, демонстрирующая, что класс связан с важными различиями в социализации, мы знаем о существенных ценностных различиях между классами, а также о массе различий в жизненных стилях, ассоциирующихся с теми или иными классами. Однако это лишь возвращает вопрос на предыдущий уровень. Что есть такого в жизненных условиях разных классов, что объясняет все эти различия?

Я предлагаю такой вариант ответа: богатство на протяжении жизни и ожидаемая вариативность доходов с этого богатства представителей различных классов. Имеются бесчисленные свидетельства того, что социальный класс объясняет тем больше эффектов, чем однороднее классовые категории относительно разнообразия ресурсов или их объемов. При этом важно рассматривать не межсекционное распределение дохода, а долгосрочный профиль богатства, определяющий то, что экономисты называют *перманентными паттернами доходов и потребления*. Человек, получивший высшее образование, будет ориентировать свой жизненный стиль не на уровень доходов своей юности, а на ожидаемые в долгосрочной перспективе жизненные условия, соответствующие богатству, ассоциирующемуся с его человеческим капиталом.

Далее, важна также вариативность доходов с капитала, особенно для возникающих в различных классах паттернов социализации. В свое время в литературе речь шла о выявлении существенных различий между социальными классами в плане того, что называлось «способностью отсрочивать вознаграждение» (см., напр.: Schneider and Lysgaard 1953). В 1970-х годах эта литература в большинстве своем была отброшена, поскольку воспринималась как отображение попытки «возложить вину на жертву» (см.: Ryan 1971). Относительно недавно психологи и экономисты предложили другую формулировку для того же самого феномена (см.: Ainslie 1992). Люди приуменьшают будущие вознаграждения, причем зачастую очень значительно. В частности, имеют место существенные различия между социальными классами или различными социально-экономическими уровнями в плане ориентации в отно-

классовые схемы некоторые социально-экономические эффекты (Hout and Hauser 1994).

шении времени, когда людям более низких социально-экономических уровней свойственен значительно более короткий временной горизонт, чем другим. Те, кто существенно приуменьшает будущие вознаграждения, меньше инвестируют в собственное здоровье и образование, а также в здоровье и образование своих детей.

Эти межклассовые различия во временной ориентации, или паттернах отсроченных вознаграждений отражают уровень неопределенности в жизненных условиях, или вариативности доходов. Эта неопределенность — отнюдь не вина «жертвы», но рациональная реакция на ожидаемо высокую ненадежность доходов²⁰. Банки для ненадежных инвестиций также устанавливают более высокие процентные ставки, а банки, по идее, действуют рационально. Влияние неопределенности на инвестиции людей в самих себя и своих детей должно быть тем сильнее, чем ниже общий уровень ресурсов. Меньшее количество ресурсов означает меньший резервный запас.

Совокупное богатство человека состоит из двух основных компонентов. Первая часть — личное, человеческое и физическое богатство, приобретаемое по большей части вне рынка труда в семьях и школах, однако кое-что из этого получают в ходе обучения на рабочем месте. Второй компонент — богатство, приобретенное в рамках отношений занятости.

Личное богатство, существующее вне зависимости от отношений занятости *актора*, имеет несколько компонентов. Особо важен объем человеческого капитала, полученного посредством инвестиций в обучение и здоровье. Сюда можно также отнести навыки и способности, приносящие ренты.

Наконец, объем богатства, вне всякого сомнения, зависит от одаренности физическим капиталом, полученного от семьи, из которой происходит человек, и приумноженного им благодаря предприимчивости и инвестициям вне зависимости от вовлеченности в рынок труда. Это разнообразие одаренностей создает различные стимулы для инвестирования в человеческий капитал и тому подобное, и эти различия объясняют настойчиво подчеркиваемую невертикальную природу классовой схемы Голдторпа, к примеру,

²⁰ Недавние опросы населения (Dominitz and Manski 1997) свидетельствуют, что ощущение людьми неуверенности меняется от одной группы населения к другой именно так, как можно предполагать, основываясь на распределении богатства и вариативности доходов с богатства.

что касается жизненных условий фермеров. Очевидно, что этот компонент личного богатства представляет огромную важность для полноты анализа классовой структуры.

Индивиды также приобретают богатство в рамках своих отношений занятости. У них может быть доступ к возможностям обучения на рабочем месте, увеличивающего их человеческий капитал. Компонент человеческого капитала, приобретаемый на рабочем месте, может иметь особое значение для выполняемой работы и фирмы-работодателя, усиливая тем самым переговорную позицию работника. Благодаря специфическому человеческому капиталу или коллективному действию работник может получать зарплату выше рыночной, повышая стоимость своих трудовых активов и получая таким образом ренту. При таких обстоятельствах отношения занятости будут закрытыми, в отличие от открытых отношений занятости, характерных для конкурентного рынка. Результирующее увеличение ожидаемой продолжительности отношений занятости критически важно для вариативности доходов и, следовательно, для последствий различий в богатстве, поскольку чем отношения занятости короче, тем вариативнее доходы с богатства. Продолжительность отношений занятости также важна для объема богатства, приобретаемого в рамках данных отношений. Следовательно, от людей, состоящих в стабильных отношениях занятости, следует ожидать *больших* инвестиций в самих себя и своих детей. Больше всех должны инвестировать профессионалы, отличающиеся большими объемами человеческого капитала и стабильными трудовыми отношениями. А значит, те, кого Эриксон и Голдторп (Erikson and Goldthorpe 1992) называют «служебным классом», должны быть особо успешны в обеспечении будущего своих детей. Хотя не существует никаких специфических тестов для проверки предложенной здесь идеи, многочисленные исследования социальной мобильности и неравенства образовательных возможностей показывают способность профессионалов и прочих обладателей человеческого капитала высоких уровней и носителей устойчивых отношений занятости обеспечить успех своим отпрыскам.

Богатство, ренты и эксплуатация

Проблема формулировки теории эксплуатации заключается в определении процесса, посредством которого некий обладатель экономических прав собственности получает преимущество за счет тех, кто этими правами не обладает. Как показано выше, передача богатства, которая становится возможной благодаря приобретению прав на активы, генерирующие экономические ренты, удовлетворяет этому требованию.

Ренты удовлетворяют требованиям структурной теории неравенства. Ренты создаются социальными отношениями собственности на ренто-производящие активы (очевидным исключением являются ренты на природные способности, которые будут подробно рассмотрены ниже). Обладающие преимуществами эксплуатационные классы (*advantaged exploitation classes*) — это позиции в социальной структуре, позволяющие индивидам получать контроль либо экономические права собственности на активы или атрибуты активов, генерирующие ренты; лишенные преимуществ эксплуатационные классы (*disadvantaged exploitation classes*) определяются через отсутствие этих прав²¹. Изменение отношений собственности, генерирующих ренты, должно изменить распределение богатства и, соответственно, классовую структуру.

Держатель ренто-производящего актива заинтересован в обеспечении непрерывного получения выгод, а те, кому в этом отказано, явно заинтересованы в том, чтобы достичь таких выгод, завладев этим активом либо уничтожив социальные структуры, обуславливающие ренты. Когда акторы действуют, исходя из своих интересов, они создают социальные структуры и процессы для

²¹ Райт (Wright 1997) предлагает сходное определение эксплуатации, хотя и не формулирует его в терминах концепции ренты. Вдобавок к каузальной связи между преимуществами и ограничениями классов Райт подчеркивает зависимость наделенных преимуществ классов от плодов труда классов, лишенных преимуществ, как необходимое условие существования эксплуатации. Таким образом, когда европейские поселенцы вытесняли коренных американцев, это не было эксплуатацией посредством получения преимуществ за счет коренных американцев; это было «неэксплуатационное экономическое угнетение» (Wright 1997, p. 11). Впрочем, очевидно, что европейские поселенцы породили антагонистические интересы, вызвавшие конфликт, поэтому не очень понятно, что нового дает нам требование передачи плодов приложения рабочей силы.

защиты либо ликвидации рентных благ. Эти меры, хорошо описанные неовеберийцами, сводятся к процессам закрытия и узурпации (Parkin 1979) и процессам перехода от простого понимания своих интересов — через развитие сознания — к действиям ради достижения этих интересов (Giddens 1973). Чтобы такой сценарий состоялся, устойчивым должно быть не только членство, но и интересы.

Различение между временными и постоянными рентами очень важно для анализа процессов классовой формации. Оно зависит не только от стабильности принадлежности к структурным положениям, приводящей к возникновению антагонистических интересов, как указывают Голдторп и Гидденс. Формирование классов также зависит от показателя изменчивости преимуществ и ограничений, вызванных рентами. Из этого прямо следует, что при феодализме структурный конфликт, или классовый конфликт должен проявляться более ярко, нежели при капитализме, ибо при феодализме ренты более постоянны. И действительно, в развитых капиталистических обществах еще не произошло ни одной революции.

Зачастую игнорируется важность распределения предоставляемых рентами преимуществ во времени. Межсекционное неравенство (cross-sectional inequality) отнюдь не обязательно подразумевает долговременное преимущество, обеспечиваемое постоянной рентой. К примеру, согласно теории человеческого капитала, более высокие доходы более образованных работников компенсируют более высокие затраты на обучение и не создают постоянного преимущества в течение всей жизни человека. Таким образом, навыки, полученные в соответствии с предполагаемым теорией человеческого капитала механизмом, не создают ренты, а следовательно, не создают и классов. В так называемой новой классовой теории, рассматривающей классы как возникающие на базе навыков и образования (Gouldner 1979; Konrad and Szélenyi 1979), этот момент в целом игнорируется. Безусловно, образование может создавать ренты, однако мера уровня образования, применяемая, к примеру, в классовой схеме Райта, не позволяет отделить ренту от компонента человеческого капитала. Роль образования в классовом анализе будет рассмотрена ниже.

Виды социальных организаций и процессов, возникающие вокруг ренто-производящих активов, различаются в зависимости от рассматриваемого типа активов. Феодализм можно описать как

хорошо выстроенную организацию распределения рентных выгод на основе земли, а меркантилизм — как распространение этих установлений/порядков на промышленное производство. В современном индустриальном обществе существуют три требующих рассмотрения типа рент, в свое время уже описанных Маршаллом (Marshall 1949 [1920]): 1) монопольные ренты, основывающиеся на монополизации предложения актива, скажем, когда кабельный оператор получает от местной власти монополию на распространение телевизионного сигнала; 2) композитные ренты, сформированные уникальными комбинациями производительных рент либо специфичностью активов, к примеру, когда рабочий приобрел навыки, применимые только на конкретной работе; и 3) ренты на основе природных способностей и талантов, к примеру, роста и умения ловить мячи, необходимых для попадания в профессиональную баскетбольную команду. Рассмотрим основные свойства каждого из этих трех типов.

Монопольные ренты

«Искусственные», или социальные ограничения производства создают монопольные ренты. Монополия может возникнуть «естественным путем» в силу увеличения отдачи от масштаба, что обуславливает непомерные для других затраты на начало производства, как, скажем, в случае производства автомобилей. Зачастую монополии создаются правительствами посредством лицензий либо патентов. Наконец, монополии создаются социальными организациями, такими как профсоюзы или промышленные ассоциации, договаривающиеся о регулировании производства какого-либо продукта. Во всех этих случаях предложение продукта будет нечувствительным к его цене, и ренты возникнут и будут сохраняться до тех пор, пока монополия не будет разрушена.

Предположим для большей ясности, что монополист работает в условиях производства, генерирующих постоянную отдачу от масштаба, в силу чего средние затраты будут равны предельным затратам. Ни один существенный момент приведенной аргументации от этого предположения не зависит. В ситуации идеальной конкуренции продукция и цена (output and price) будут равны q_c и p_c , и цена будет соответствовать стоимости продукции. Монополист же имеет возможность установить цену p_m , которая пре-

вышла бы преобладающую в условиях идеальной конкуренции цену p_c . Это вызовет повышение выручки с каждой произведенной единицы товара и увеличение прибыли производителя свыше объема, необходимого для осуществления производства, то есть возникновение ренты. Помимо образования ренты и соответствующего увеличения неравенства произойдет уменьшение богатства общества, ибо за цену p_m производится меньше продукта. Это — «невозвратные потери» (deadweight loss), вызванные монопольными рентами и означающие ущерб благосостоянию общества, то есть социальные потери ресурсов.

Конечно, увеличение выручки монополиста является преимуществом, которое не отказались бы заполучить и другие. Соответственно, если эти другие успешно выйдут на рынок, возникающая в результате конкуренция может в итоге ликвидировать монопольную ренту, снизив цену до p_c и повысив количество произведенной продукции до q_c . Когда это произойдет, временное преимущество изначального производителя станет квазирентой.

Само собой, этот сценарий предполагает, что другие могут начать производство. Если цены на развертывание производства неподъемны, учитывая технологии производства и ограничения со стороны правительств либо профессиональных ассоциаций, то предметом конкуренции будет получение монополии. Такая конкуренция будет типичным случаем *погони за рентой*, то есть конкуренции с нулевой суммой за ренто-продуцирующие активы. Конечно, усилия и прочие затраты, связанные с попытками заполучить ренто-продуцирующую собственность либо ресурс, снижают преимущества монополии. В самом деле, желающие получить монополию должны быть готовы отдать за ее обретение эквивалентную долю выгод, в силу чего рентные преимущества, по сути, исчезают. Затраты на погоню за рентой не увеличивают производительность общества, а следовательно, являются бесцельной потерей ресурсов (Tullock 1980). Это расточительство присовокупляется к издержкам в виде невозвратных потерь.

Природа погони за рентой зависит от того, подлежит ли монополия обмену на рынке. Если она подлежит обмену, то акт продажи может вызвать масштабное перемещение богатства к тем, кто получил монополию первым, и последующие владельцы не смогут реализовать ренту. Так, часто утверждают, что ренты, получаемые фермерами в виде сельскохозяйственных субсидий, приводят

к росту цены на землю и, следовательно, более высоким выплатам процентов, что нивелирует исходное преимущество. Если уж ренто-производящая монополия была создана, ее очень сложно устранить, даже если монополия полностью капитализирована, а сама рента исчезла. Очевидно, что новые владельцы очень заинтересованы в получении рент, за которые они платили, пусть даже их преимущество исчезло. Таллок (Tullock 1980) описывает пример системы таксистских жетонов (*taxi medallion system*), схожей с учрежденной в Нью-Йорке. Жетоны продаются, принося своим первоначальным владельцам большие барыши, однако последующие владельцы получают уже не больше нормального уровня дохода. Существование жетонов наносит ущерб благосостоянию потребителей. Этот ущерб можно снизить, лишь убрав ограничения на оказание услуг такси, что практически невозможно сделать без ущерба для нынешних обладателей жетонов.

Целый ряд монопольных рент возникают на рынке труда. *Ренты на основании занятости* (*employment rents*) образуются, когда занятость и рабочие места закрываются для посторонних посредством коллективных действий профсоюзов, утвержденной властями сертификации профессий и другого рода лицензий на занятие²². Профсоюзы создают ренты, когда делают закрытыми цеха, мастерские и т.п. или дозируют занятость при помощи системы ученичества. Профсоюзы также могут существенно изменить распределение рент, когда получают в свое распоряжение уравнивательные системы зарплат, повышающие зарплаты наименее продуктивным, чьи рыночные зарплаты должны быть самыми низкими (доказательства см.: Freeman and Medoff 1984). Профессиональные ассоциации создают ренты, когда получают в свое распоряжение сертификацию, ограничивающую доступ к занятости кругом обладателей надлежащих сертификатов, либо когда получают контроль над набором в профессию посредством контроля над образовательными учреждениями (хороший пример — медучилища). В целом образовательные аттестаты/дипломы/сертификаты (*credentials*), используемые в качестве средства дозирования занятости или доступа к специфическому для данного вида

²² Боулз и Джинтис (Bowles and Gintis 1990) используют термин «рента от занятости» (*“employment rent”*) для идентификации эффективной заработной платы, то есть заработной платы выше рыночной, устанавливаемой для стимулирования усилий работников. Она будет рассмотрена ниже.

занятости профессиональному образованию, создают монопольные ренты для обладателей аттестатов. Более детально про аттестаты речь пойдет ниже.

Основанные на занятости ренты вызывают погоню за рентой — конкуренцию с нулевой суммой за позиционные блага (positional goods) (Hirsch 1976), которую я называю «конкуренцией за вакансии» (Sørensen 1983). Ренты от занятости могут быть не только монопольными рентами. Позиции могут закрываться без воздействия внешних сил, таких как профсоюзы и профессиональные ассоциации. На внутренних рынках труда закрытые позиции могут создаваться без коллективных соглашений в силу существования композитных рент, создаваемых специфичностью актива, к примеру, специфическими навыками, что будет рассмотрено ниже.

Кое-кто подвергает сомнению значимость монопольных рент. Как отмечалось выше, ренты создают «невозвратные» потери — внешний эффект, снижающий благосостояние общества. Коуз (Coase 1960) высказал важное возражение против введения внешних факторов в идеализированную экономическую систему, полезное для развития теории. Коуз утверждает, что при условии распределения прав собственности никаких издержек, вызванных внешними факторами, включая обусловленные монопольными рентами, не будет, если отсутствуют трансакционные издержки. Одним из примеров воздействия внешних факторов, которые он приводит, является вытоптанный скотом урожай. Обыкновенно в таких случаях владелец скота должен возместить убытки выращившему урожай фермеру, однако Коуз утверждает, что это решение ассиметрично. Вопрос состоит в том, какие затраты на предупреждение вытаптывания будут больше — на ограждение или на перегон скота в другое место. Рациональные агенты сравнят эти затраты и договорятся о цене ограждения, дабы устранить внешний фактор. Применительно к рентам это означает, что не-владельцы ренто-продуцирующих активов должны заключить сделку с владельцем, дабы компенсировать ему ликвидацию монополии. Таким образом, по Коузу, институты, существующие длительное время в условиях конкурентной экономики, включая те, что возникают для создания монопольных рент, должны стать эффективными и не создавать ренту.

Выручка монополий обыкновенно ниже, чем издержки, которые они налагают на всех остальных. Следовательно, договоренность, по Коузу, должна устранить ущерб благосостоянию, и после

отмены монополии объем производства увеличится, что создаст конкурентную ситуацию. Однако если монополист уже претерпел издержки на погоню за рентой, его убытки могут быть настолько ощутимыми, что ему тоже понадобится компенсация затрат. Достичь этого, как показано выше, не всегда удастся. Следовательно, если издержки на погоню за рентой существенны, монопольные ренты могут сохраняться, на что указывает посвященная погоне за рентой литература (см., напр.: Tullock 1989).

В чем бы ни заключалась проблема с издержками на погоню за рентой, если распространить доводы Коуза на более многочисленные категории *акторов*, мы столкнемся с другой базовой проблемой, на которую указывают Диксит и Ольсон (Dixit and Olson 1996). Рациональность индивидов, предполагаемая Коузом, когда он формулирует идею симметричного договора между двумя сторонами, отнюдь не обязательно обуславливает коллективную рациональность, необходимую, если в качестве одной из сторон, обычно ущемленной, выступает более многочисленная группа *акторов*. Организация многочисленной группы для предотвращения проездов «зайцем» связана не только транзакционными издержками (Olson 1965). Диксит и Ольсон (Dixit and Olson 1996) показывают также, что даже в отсутствие транзакционных издержек выгоды от устранения внешнего фактора в пересчете на каждого члена многочисленной группы могут оказаться столь малы, что не возникнет никакого коллективного действия. Именно этим организационным проблемам посвящена литература по вопросам классовой формации, точнее, именно этому она должна быть посвящена. Имеется обширная литература по социальным движениям, где авторы пытаются выяснить, в каких случаях интересы эффективно транслируются в действие, и делают акцент на мобилизации ресурсов, политических процессах и проблеме коллективного действия. Эта литература на удивление обособлена от литературы по классовой формации, разрабатываемой неовеберийцами.

Композитные ренты, или ренты на специфичность актива

Когда два отдельных актива или ресурса настолько специфичны по отношению друг к другу, что плата за их совместное использование превышает плату за пользование каждым из них по отдель-

ности, возникают композитные/сложные ренты. Ярким примером композитной ренты, который приводит Маршалл, является совместное преимущество владельцев и работников в выигрышной рыночной позиции (Marshall 1949 [1920]). Особым примером является совместная рента, получаемая при строительстве мельницы на ручье владельцем мельницы и владельцем ручья. Если мельницу можно разместить только в одном-единственном месте, тогда ренты владельца мельницы и владельца источника воды неотделимы друг от друга: «Остается лишь “утрясать и торговаться”, чтобы решить, как превышение стоимости этих двух активов вместе взятых по сравнению со стоимостью данного места применительно к другим целям должно перейти владельцу последнего» (p. 520).

Композитные ренты возникают из того, что в литературе по транзакционным издержкам обозначают как специфичность актива (*asset specificity*). Они образуются, скажем, когда рабочие проходят специфическое обучение на рабочем месте и, следовательно, в одной фирме более производительны, чем в другой (Becker 1964). Кроме того, композитные ренты могут обуславливаться проблемами мониторинга и агентности. Композитная рента создает совместное преимущество, которое исчезнет, если состязание на равных основаниях между фирмой и работниками прекратится, то есть отношения занятости станут закрытыми. Существуют два вида решения таких проблем.

Во-первых, композитная рента может быть устранена посредством такой организации производства, при которой исчезают проблемы транзакционных издержек и отношения занятости становятся открытыми. Касательно специфических навыков это подразумевает отказ от использования таких навыков. Это «деквалификация» (*deskilling*) путем устранения потребности в специфических навыках отличается от исходной идеи «деквалификации», выдвинутой Брейверменом (Braverman 1974) и состоящей в том, что капитализм попытается устранить потребности рынка труда в каких-либо навыках и квалификации вообще. Несмотря на многочисленные попытки, общая тенденция к «деквалификации» так и не реализовалась; кроме того, утверждение, что работодатели неизбежно окажутся в выигрыше от снижения общего уровня требуемых навыков, теоретически бессмысленно. Впрочем, снижение композитных рент, вызванных специфическим обучением на рабочем месте, было бы правдоподобной стратегией.

Второе решение заключается в использовании организационных механизмов повышения мотивации для снижения важности композитных рент без нарушения закрытости отношений занятости для посторонних. Большой массив литературы по организационным вопросам внутренних рынков труда может рассматриваться в качестве анализа организационных решений задачи увеличения доли фирмы в композитных рентах. Приметным решением является создание схем карьерного роста, повышающих мотивацию. Схемы карьерного роста играют на взаимозависимости между мотивацией, создаваемой конкуренцией с нулевой суммой за заработную плату, и дифференциацией заработков, создаваемой ступенями карьерной лестницы, составляющими позиционные блага.

Карьерные лестницы создают межсекционное неравенство. Именно это неравенство приписывается классам, согласно классовой схеме Райта, основывающейся на власти. Как бы то ни было, в соответствии с теорией отсроченных выплат (Lazear 1995), карьерные лестницы могут быть устроены так, чтобы в начале карьеры давать зарплату ниже рыночной, что объясняется необходимостью обучения, а в конце карьеры — зарплату выше рыночной. Такая схема привязывает работника к фирме и сохраняет композитную ренту: работник получает положительную или отрицательную ренту в зависимости от своего ранга в системе. Это не означает, что по итогам всей своей карьеры работники получают итоговый излишек. Как и в случае инвестиций в образование, межсекционное распределение не дает оснований говорить о преимуществах в долгосрочной перспективе. Если карьерные лестницы функционируют так, как задумывалось, они интенсифицируют усилия работников и поглощают композитные ренты работодателя, что противоречит обычной интерпретации эффектов власти.

Интерпретация систем карьерного роста как ренто-поглощающих систем (*rentcapturing systems*) также подразумевает, что работодатели заинтересованы в обнулении положительных рент, которые работник должен получить в конце карьеры, путем увольнения работника, как только эти самые положительные ренты начнут возникать. Это может создать «репутационные» проблемы отдельным фирмам, однако если о такой практике договорится большое количество фирм, репутационные эффекты снизятся.

Еще одним средством интенсификации усилий и получения большей доли композитной ренты являются системы стимулиро-

вания заработной платой (incentive wage systems). Платя работникам зарплату выше рыночной, фирмы увеличивают их усилия, поскольку работники будут бояться манкировать своими обязанностями из опасения потерять работу²³. Райт (Wright 1979) обратился именно к эффективной заработной плате (efficiency wage) для объяснения доходных преимуществ «полуавтономных» работников²⁴. В своей новейшей классовой схеме Райт предлагает аналогичное объяснение зарплатного преимущества менеджеров, именуемого «рентой за лояльность». Крюгер и Саммерс (Krueger and Summers 1987) используют эффективную заработную плату для объяснения устойчивой дифференциации заработной платы по отраслям, которую нельзя списать ни на неучтенные характеристики работников, ни на компенсационную дифференциацию.

Ренты на природные или культурные одаренности

Маршалл (Marshall 1949 [1920]) убежден в возникновении рент на «бесплатные дары природы» в форме врожденных одаренностей (genetic endowments), обуславливающих способность создавать нечто востребованное. Ренты могут непосредственно отображать врожденные одаренности, скажем, когда гены ответственны за определенные физические свойства для выполнения определенных задач, например рост в случае баскетболистов. С другой стороны, ренты могут извлекаться опосредованно, скажем, когда индивидуальная одаренность способствует выработке определенных навыков, таких как успехи в учебе. В последнем случае одаренность не обязательно должна быть генетически обусловленной.

²³ Боулз и Джинтис (Bowles and Gintis 1990) рассматривают образование эффективной заработной платы как результат «конкурентного обмена», определяющего неравноправные властные отношения, порожденные неравным распределением активов при капитализме.

²⁴ Теория эффективной заработной платы дает объяснение вынужденной безработицы (Solow 1979). Зарплатное преимущество превращает риск безработицы в дисциплинирующий механизм, поскольку работник после увольнения зачастую может рассчитывать на получение лишь конкурентной заработной платы. Поэтому стоит ожидать, что в высококонцентрированных отраслях, скажем, в автомобильной и металлургической промышленности, увольнения будут особо частыми, что и подтверждается наблюдениями.

Для обучения важна и культурная одаренность, но тем, кто не социализировался в данной культуре и кому недостает необходимого культурного капитала, учиться будет сложно (Bourdieu and Passeron 1990 [1970]). Таким образом, культурный капитал может рассматриваться как источник ренты, аналогичный генетической одаренности.

Учет рент на индивидуальные одаренности в качестве источника структурного неравенства может показаться парадоксальным. Однако эти ренты имеют важные социальные последствия, отсылающие нас к литературе по классовому анализу²⁵. В частности, ренты на природные и культурные одаренности имеют важное значение в контексте возникновения аттестации.

Способности в целом обуславливают более высокую производительность и более высокие зарплаты во многих сферах занятости. Впрочем, производительность можно повышать путем обучения. Стоимость обучения, необходимого менее способным, создает для способных перевес при условии, что способные работники без специального обучения и менее способные, но обученные работники в случае одинаковой производительности получают одинаковую зарплату. С увеличением спроса на те или иные аттестаты (credentials) — то есть на образование — ренты более способных растут. Соответственно, они стремятся получить дополнительное образование и более престижные и дорогие аттестаты. Этот самостимулируемый спрос является главной темой посвященной креденциализму (credentialism) литературы (см., напр.: Collins 1979). Более высокие ренты побуждают высшие учебные заведения повышать стоимость обучения. Тем самым они получают свою долю рент, создаваемых аттестатами. В дальнейшем эти ренты позволяют нанять престижный профессорско-преподавательский состав для обучения способных к наукам, что улучшает репутацию этих заведений и еще больше увеличивает ренту с выдаваемых ими аттестатов²⁶.

Обладатели престижных аттестатов стремятся сохранить привилегии для своих отпрысков. Этому способствует создание значимого для обучения культурного капитала. Однако само существование аттестатов также важно. Гарантировать своему отпрыску превос-

²⁵ Прочие социальные следствия рент на индивидуальные одаренности описаны в: (Sørensen 1996).

²⁶ Этим наблюдением я обязан анонимному рецензенту.

ходство в способностях нельзя, но можно сделать немало того, чтоб обеспечить этому самому отпрыску ценный аттестат, облегчая ему доступ к заведениям, выдающим эти ценные аттестаты. В отсутствие таких аттестатов менее способные отпрыски высокостатусных семейств могут быть вынуждены конкурировать за престижные рабочие места с более способными претендентами скромного происхождения. Обеспеченная аттестатами монополия на трудоустройство защищает менее способных претендентов высокостатусного происхождения от поражения в конкурентной борьбе с более способными претендентами менее высокого статусного происхождения. Таким образом, аттестаты позволяют высокостатусным группам передавать преимущества своим менее способным отпрыскам, а тем более — самым способным. Неовеберянцы подчеркивают, что высокостатусные группы крайне заинтересованы в создании аттестации и закрытости (Parkin 1979; Murphy 1988).

В целом, дифференциальные ренты, генерируемые индивидуальными одаренностями, предполагают, что увеличение равенства образовательных возможностей посредством распространения образования должно увеличить ренты на природные и культурные одаренности. Следовательно, такая политика должна пользоваться серьезной поддержкой со стороны тех, кто уже получает существенные ренты со своих одаренностей, как, например, профессора²⁷.

Эксплуатационно обусловленные классы и коллективное действие в условиях современного капитализма

Погоня за рентой создает лобби для влияния на регулятивную деятельность, субсидии и социальную политику правительств. Социальные движения лоббируют повышение благосостояния ущемленных групп посредством предоставления им рент. Крупные корпорации лоббируют свои интересы через взносы в избирательные кампании, преследующие цель добиться такого рода политики и регулирования, которые увеличивают рентные поступления этим корпорациям. Ренты разделяют владельцы различных производительных акти-

²⁷ Действительно, в прошлом партии рабочего класса скептически относились к политике уравнивания образовательных возможностей (информация по Скандинавии приведена в: Erikson and Jönsson 1996).

вов, — например, когда владельцы земли конфликтуют с владельцами промышленных производительных активов в вопросе тарифов на ввозимое зерно, — но объединяют рабочих и капиталистов ради сохранения регулирования импорта и торговых барьеров, создающих ренты определенным фирмам и отраслям промышленности.

То обстоятельство, что классовое действие в современном капиталистическом обществе направлено на погоню за рентой и защиту прав собственности на ренто-производящие активы, явно воплощается в концепцию, отличную от той, которую имел в виду Маркс, анализируя капитализм в конце XIX века. К примеру, в концепции Маркса для образования преимуществ нет необходимости в монополиях и специфичности активов. Созданная рабочей силой прибавочная стоимость является универсальной чертой капитализма, природа которого коренится в непрестанной погоне за неуклонно снижающейся нормой прибыли. Однако если отбросить трудовую теорию стоимости, это подрывает идею обязательного существования «скрытой» формы прибавочной стоимости в капиталистическом производстве, как это представлялось Карлу Марксу. Основными видами классового действия становятся погоня за рентой, защита существующих рент и устранение рент.

Стоит задаться вопросом: вписываются ли погоня за рентой, защита ренты и устранение рент в магистральный сценарий развития капитализма по Марксу. Маркс, несомненно, был прав насчет динамики развитого капитализма. Движителем этой динамики является погоня за обретением ренто-производящих активов посредством инноваций и расширения продукции, а также создания спроса посредством рекламы прибыльной продукции. Другой чётко выраженной чертой современного капитализма является непрестанная погоня за преимуществами для достижения сверхрыночных доходов — путем реорганизации фирм и корпораций либо в форме слияний и поглощений, либо в форме изъятия капиталовложений, или так называемых дивестиций (*divestment*). Результатом этих процессов являются квазиренты, обыкновенно быстро устраняемые конкуренцией. Отдельные капиталисты проигрывают и выигрывают, а некоторые становятся обладателями огромных богатств. Хотя их состояния являются результатом квазирент, устранение этих самых квазирент их не уничтожает. Данный процесс вызывает расширение рынков и порождает глобализм. Эта история широко известна и подробно описана.

Устойчивые ренты индивидуальных владельцев капитала предполагают определенного типа коллективные действия. Основной формой коллективного действия в среде капиталистов является организация картелей. Конечно, функционирование картелей может быть затруднено в силу антимонопольного регулирования со стороны правительства. Однако, несмотря на все эти препоны, они могут быть эффективными благодаря разного рода организационным сетям между советами директоров и т. п., однако соблазн нарушить договор всегда остается. Более эффективная стратегия получения устойчивых рент опирается на поддержку со стороны государства для сохранения преимущества: предоставление лицензии или иную форму защиты от появления конкурентов. Армия лоббистов пытается заполучить эти привилегии, рассказывая законодателям, каковы будут последствия и польза от их действий. Обоснованием создания монопольных рент государством обыкновенно служит то, что регулирование создаст некое общественное благо, которое в противном случае будет утеряно: компетентные врачи, безопасные машины и семейные фермы.

Может ли сценарий Маркса для классовой структуры развитого капитализма базироваться на концепции основывающихся на ренте классов как воплощения эксплуатации? Обычно в качестве главной причины пересмотра теории Маркса рассматривают его предсказание обнищания. Очевидно, что идея об увеличении абсолютной бедности рабочего класса, вызванном усилением эксплуатации, была опровергнута экономическим ростом, имевшим место после написания Марксом своих трудов. Кроме того, в течение длительного времени в большей части обществ наблюдалось снижение относительного неравенства. В начале 1980-х в США и многих других развитых обществах это снижение сменилось ростом неравенства, продолжающимся по сей день. Тем не менее у нас нет оснований придерживаться идеи, что мы наблюдаем растущую поляризацию и гомогенизацию рабочего класса. Впрочем, недавно в нашем распоряжении оказались весомые свидетельства того, что капитал научился очень эффективно устранять преимущества рабочего класса в смысле рент, получаемых на рынке труда. Устранение этих преимуществ поспособствовало увеличению неравенства.

Капитал выигрывает от уничтожения монопольных рент на рынке труда и от увеличения своей доли в композитных рентеах либо уничтожения источника этих композитных рент. Устранение

рент на рынке труда приносит выгоды капиталисту тогда, когда он получает выгоду от увеличения эффективности производства. Далее он получает выгоду, если его богатство зависит от оценки эффективности его производства. Такую оценку дает фондовая биржа. За период роста неравенства фондовая биржа существенно увеличила богатство акционеров и поощряла устранение ренты на рынке труда. Это достигалось несколькими путями, каждый из которых приводил к увеличению неравенства: 1) устранение рент, созданных коллективным действием, через профсоюзы; 2) устранение внутренних рынков труда и композитных рент и 3) снижение реальной стоимости минимальной заработной платы.

Профсоюзы создают ренты двумя способами. Они могут обеспечивать значительные премиальные к зарплатам работников, охваченных профсоюзными контрактами. Непрофсоюзным работникам может быть выгодно, когда работодатели пытаются избавиться от профсоюзов. Такие выгоды имеют тенденцию перетекать к высококвалифицированным работникам. Как показали Фримен и Медофф (Freeman and Medoff 1984), хотя профсоюзы действительно обеспечивают преимущества, ренты с них весьма скромны. Основным эффектом профсоюзов является снижение неравенства заработных плат. Особенно эффективны профсоюзы в плане снижения разрыва между заработными платами более и менее производительных работников. Профсоюзы могут создавать существенные ренты для этих менее производительным в силу низкой квалификации или других причин работников.

Широко известным значимым изменением на рынке труда стало снижение влияния профсоюзов. Под этим понимается как уменьшение количества работников, являющихся членами профсоюзов, так и ослабление способности профсоюзов добиваться повышения зарплат и заключать компромиссные соглашения. Скажем, среди несельскохозяйственной рабочей силы количество членов профсоюзов упало с примерно одной трети до нынешних 16 %. Влияние профсоюзов на структуру заработной платы гораздо важнее, чем членство в них (Mitchell 1985). Однако снижение количества членов сопровождалось снижением влияния профсоюзов. Об этом свидетельствует рост количества уступок, снижение количества забастовок и всё большая умеренность требований со стороны профсоюзов (Mitchell 1985). Описание того, как эти тенденции поспособствовали увеличению неравенства, приведе-

ны в: (Fortin and Lemieux 1997). В этой же работе подчеркивается важность дерегуляции высококонцентрированных отраслей промышленности с целью устранить композитные ренты, получаемые работниками и фирмами, работающими в этих отраслях.

Занятийная закрытость и композитные ренты также широко распространены в тех отраслях промышленности и фирмах, где отсутствуют профсоюзы, на внутренних рынках труда и среди традиционно не охваченных профсоюзами работников вроде многих беловоротничковых групп. Композитные ренты, получаемые в этих сферах, устраняются увольнениями. Увольнения без предупреждения снижают гарантии занятости, но не обязательно уровень занятости. Однако утрата гарантий занятости означает также потерю всех получаемых работником рент. Гарантия занятости означает, что хуже, чем на данном рабочем месте, работнику не будет. Если подворачивается лучшее рабочее место, он может перейти туда, и этот переход отнюдь не должен сопровождаться увеличением производительности. Следовательно, система закрытого трудоустройства, как, например, на внутренних рынках труда, продуцирует карьерные паттерны, отображающие исключительно увеличение рент, а не увеличение производительности. Сокращение штата уничтожает эти карьерные структуры.

За последние 15 лет масштабы увольнений в целом выросли с 1,2–1,4 млн потерянных рабочих мест в 1979 и 1980 годах до 3,4 млн в 1993-м. В 1982 году количество уволенных возросло до 2,62 млн и в течение 80-х годов никогда не падало ниже 2 млн. Во время рецессии 1991 года оно выросло снова и, судя по всему, с тех пор остается стабильным. Доля «белых воротничков» в общем числе уволенных заметно выросла и составляет около 40 % всех ликвидированных рабочих мест (Bureau of Labor Statistics 1998). Прослеживается тесная взаимосвязь между эпизодами сокращения штатов и поведением акций компании, наводящая на мысль, что во многих случаях именно финансовые рынки принуждают фирмы к сокращениям (Love 1997).

Композитные ренты, ассоциирующиеся с внутренними рынками труда, также могут быть устранены путем реорганизации рабочего процесса и других изменений технологии производства. Либо же они могут быть устранены путем нивелирования специфичности актива за счет аутсорсинга или заключения контрактов с субподрядчиками. Эти изменения широко обсуждаются, в частно-

сти выясняют, каким образом они могут поощрить эволюцию новых типов отношений занятости.

Устранение рент от занятости посредством сокращения штатов и реорганизации рабочего процесса зачастую приводит к тому, что работники вынуждены искать новые рабочие места на рынке труда без особого выбора, на какую работу согласиться. Это должно означать, что следующая работа после сокращения, вполне вероятно, будет хуже предыдущей. Это также означает, что соотношение производительности сокращенного работника и его зарплаты будет иным, чем на его предыдущем месте работы. Результатом ликвидации рабочего места должно быть большее соответствие действительной индивидуальной производительности уровню заработной платы. Имеются определенные свидетельства, позволяющие предположить, что в 1980-х годах взаимосвязь между зарплатами и производительностью была более тесной, чем в 1970-х (Levy and Murnane 1992; Mitchell 1985). Так, Хольцер (Holzer 1990) обнаруживает их более точное соответствие, чем Медофф и Абрахам (Medoff and Abraham 1981), однако эти исследования не вполне сопоставимы. Цзюнь, Мерфи и Пирс (Juhn, Murphy, and Pierce 1993) обнаруживают увеличение неравенства, вызванное увеличением доходности неучтенных навыков.

С идеей о существовании более тесной связи между зарплатами и личными одаренностями согласуется также наблюдаемое нами заметное увеличение внутризанятийного неравенства. Это справедливо для всех занятий, однако особенно ярко проявляется у менеджеров и торгового персонала. Если уж на то пошло, за период с 1980-го по 1989-й общий коэффициент Джини для мужчин вырос с 0,315 до 0,332, при этом в менеджерских и торговых занятиях вместе взятых он увеличился с 0,322 до 0,353, тогда как во всех прочих занятиях индекс Джини вырос с 0,302 до 0,312 (Ryscavage and Henle 1990, p. 11). По мере увеличения неравенства структурные позиции стали представляться всё менее существенными для объяснения вариативности заработков²⁸.

Увеличение неравенства во многом вызвано увеличением зарплат и других выплат (wages and earnings) самых высокооплачи-

²⁸ По Канаде имеются весомые доказательства снижения важности «структурных» характеристик и характеристик работ по мере возрастания неравенства зарплат (Myles, Picot, and Wannell 1998).

ваемых работников и стагнацией либо снижением доходов всех прочих. Стагнация и снижение являются следствием уничтожения ренты. Рост доходов самых высокооплачиваемых является результатом разделения ренты с капиталом и может оправдываться аргументом, что в 1970-е топ-менеджеры недополучали, а потому были недостаточно заинтересованы работать в полную силу; в частности, они могли проявлять большую терпимость к рентам, получаемым другими работниками (см., напр.: Jensen and Murphy 1990).

Большую роль в изменении этой ситуации, несомненно, сыграла фондовая биржа. Возник еще один механизм повышения заинтересованности менеджмента — посредством выкупа контрольного пакета акций за счет кредита, вынуждавшего менеджмент выдавливать весь дефицит за пределы фирмы для удовлетворения долговых обязательств. Выкупы за счет кредита также значительно обогащают топ-менеджеров. Наконец, усиление конкуренции могло увеличить ренты на способности, необходимые, с точки зрения советов директоров, для жестких менеджеров.

Снижавшаяся до недавнего времени реальная стоимость минимальной заработной платы также снижает ренты от занятости тех менее производительных работников, которые благодаря существованию минимальной зарплаты получали больше, чем было бы их конкурентное вознаграждение. Это усугубляет бедность, поскольку нет никаких гарантий, что конкурентная заработная плата поднимет работника над чертой бедности. Уничтожение ренты на рынках труда, исключая разве что самых высокооплачиваемых менеджеров, делает рынок труда более гибким и изменчивым, поскольку лишь немногочисленным группам есть что защищать. В результате имеем уменьшение структурированности, а следовательно, уменьшение позиционного неравенства, однако в целом неравенство увеличивается. Таким образом, хотя большая гомогенизация в целом, возможно, не была результатом этих последних тенденций, уничтожение рент на рынке труда создало рынок труда с ослабленной структурной поддержкой трудовых доходов. Идею гомогенизации рабочего класса можно подтвердить, если рассматривать ее в контексте наличия структурных преимуществ, делающих доходы от работы менее зависимыми от индивидуальных одаренностей и более зависимыми от выбора занятия и коллективного действия.

Нет никаких гарантий, что эффективные рынки труда создают благоденствие. В современном обществе ренты необходимы для

обеспечения пристойного жизненного уровня самой бедной части населения. Эти ренты предоставляются государством в форме пособий малоимущим и прочих социальных благ. Современное государство всеобщего благосостояния обеспечивает требуемую поддержку, но одновременно создает арену для погони за рентой для всех, включая средние слои и их с эффективными группами по интересам. Защита ренты и погоня за рентой в государстве всеобщего благосостояния выходят за пределы данного обсуждения. В других исследованиях (Sørensen, 1998) я рассматривал разрушение традиционных норм, связанных с предоставлением социальных благ, и возникающее в результате этого усиление погони за рентой.

Заключение

Надежный базис классовой концепции должен основываться на правах собственности на активы и ресурсы, генерирующие экономические выгоды. Понятие права собственности следует трактовать очень широко, а именно как экономические права собственности, определяемые как способность получить доход с актива, прямо или опосредованно, посредством обмена (Barzel 1997). Некоторые из этих прав могут поддерживаться государством, и тогда они являются законными правами, однако люди получают также привилегии от тех или иных прав, которым нельзя придать силу закона. Права собственности определяют богатство *актора*, и я утверждаю, что *класс как жизненные условия* отображает совокупное богатство индивида. Часть этого богатства могут составлять активы, генерирующие доходы или выплаты, которые являются рентами. Распределение рент создает *эксплуатационные классы*, способные вовлекаться в коллективное действие.

Класс как жизненные условия — очень полезная концепция для анализа того, как паттерны отношений, поведения и социализации варьируют в зависимости от позиции в социальной структуре. Ярким примером является классовая концепция, предложенная Голдторпом (Goldthorpe 1987; см. также: Erikson and Goldthorpe 1992). Основная задача конструирования классовых схем, объясняющих различные жизненные условия, — выявление группировок, гомогенных относительно совокупного богат-

ства, типа богатства и вариативности богатства во времени. Такие группировки будут отличаться объемом и типом инвестиций, вкладываемых в себя и своих детей. Таким образом, мы получаем классовые схемы, включающие невертикальные измерения, отображающие тип имеющегося в распоряжении богатства и его вариативность во времени, генерируемую, к примеру, благодаря стабильности отношений занятости.

Предложенная здесь концепция преодолевает очевидную проблему, присущую и вебериянскому, и неовебериянскому классовому анализу, которые не предлагают никакого объяснения, почему кто-либо может быть неудовлетворен своим положением в обществе и заинтересован в формировании класса. Устойчивые ренты обуславливают антагонистические интересы. Те, кто не владеет ренто-продуцирующими активами, в силу существования ренты оказываются в невыгодном положении. В их интересах устранить ренту, а в интересах ренто-получателя — сохранить преимущества. Предложенная мною здесь концепция проливает свет на многие моменты. Концепция квазирент утверждает, что монопольные ренты зачастую преходящи, и связанные с ними интересы, следовательно, не являются устойчивыми. Таким образом, не только стабильность принадлежности к структурным позициям и закрытость важны для классовообразования, но и вариативность рентных привилегий во времени также значима для предсказания классовой формации. Ренты дают новую интерпретацию креденциализма как средства сохранения и передачи привилегий от предыдущего поколения следующему в условиях неуверенности насчет способностей отпрысков.

Основывающаяся на ренте концепция класса как эксплуатации дает объяснение роста в последнее время неравенства доходов и практики сокращения штатов для упразднения рент на рынке труда.

Главными классовыми действиями со стороны *акторов* будут погоня за рентами, защита рентных привилегий и уничтожение рент в таких структурных положениях, как внутренние рынки труда. Из этого утверждения следует, что капиталистическому классу выгодно создание рынка труда, соответствующего допущениям неоклассической экономики, и я пытался показать, что в последние десятилетия капитализм успешно ликвидировал ренты на труд. Ликвидация рент на рынке труда создает более эффективные рынки труда — то есть рынки труда, менее структуриро-

ванные и более изменчивые. Простые классовые схемы становятся всё менее применимыми к безрентному рынку труда. Впрочем, упразднение рент также увеличивает неравенство на рынке труда и производит больше богатства, перетекающего к некоторым из владельцев средств производства, например к капиталистам, независимо от того, кто они — старые семейства, новые предприниматели, пенсионные фонды или выпускники со взаимно используемыми фондами. Образующееся в результате общество соответствует предсказаниям Маркса о природе развитого капитализма: «Буржуазия повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения... Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных дарованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную Свободу Торговли» (Marx 1959a [1848], p. 323).

Таким образом, основное предсказание о развитии капитализма с позиции основывающейся на ренте классовой теории состоит в том, что ренты исчезнут со структурных положений на рынке труда. Результатом этого станет бесструктурное общество, лишенное всяких уголков и закоулков социальной структуры, которых мы привычно ожидаем, поскольку феодализм не исчезает внезапно. Это приведет к переходу богатства к тем, кто обладает правами на ренто-продуцирующие активы, пусть даже эти активы зачастую сводятся к квазирентам, поскольку богатство, созданное квазирентами, не уничтожается при уничтожении самой ренты. Так что в результате мы наблюдаем растущее неравенство по богатству (Wolf 1995).

Если проинтерпретировать магистральный сценарий Маркса для развитого капитализма как касающийся распределения рент, он подтверждается. Погоня за рентой задает динамику капитализма, а уничтожение рент на рынке труда создает структурно более гомогенный рабочий класс, то есть рабочий класс, лишенный структурных опор для своего благосостояния.

6 Основания постклассового анализа

Ян Пакульски

Современные классовые теории и анализы — внуки марксизма. Как отметил во вступлении Райт, они разделяют со своим прародителем широкие объяснительные притязания. Они нацелены на картографирование и объяснение структуры неравенства, особенно экономически обусловленных жизненных шансов, связывая эти неравенства с паттернами отношений собственности и занятости. Кроме того, они нацелены на выявление ключевых экономических расколов, в первую очередь лежащих в основе преобразовательной социальной борьбы. При этом они сочетаются и конкурируют с рядом альтернативных — то есть неклассовых — аналитических и теоретических конструкторов. К последним относятся концепты и суждения, проистекающие из теоретического наследия Токвиля, Дюркгейма и Вебера: занятийные теории стратификации, фокусирующиеся на социальном разделении труда и занятостином закрытии; «статусные» теории неравенства, выявляющие основанные на традиционных ценностях источники расовой, гендерной и этнонациональной форм неравенства и конфликта; а также теории, концентрирующиеся на политической власти, организационных иерархиях власти и сопровождающей их социальной напряженности и борьбе. Эта конкуренция осложняется частичным взаимопроникновением конкурентов. Как показано в предыдущих главах, наследие классического марксизма претерпело несколько переформулировок, размывших границы между исходными аналитическими различиями класса, занятия, статуса и политической власти. Таким образом, всякое толкование аналитической и теоретической конфронтации между классовыми и неклассовыми подходами к социальному неравенству, разделению и конфликту должно опираться на определенные, зачастую спорные, различия в дефинициях. В данном случае мы исходим из того, что класс является фундаментально экономическим феноменом, что он отра-

жается в паттернах социальной «сгруппированности», что классовая позиция отражается в социальном сознании, идентичности и антагонизме и генерирует формы действия в экономической и политической сферах, обладающие потенциалом к преобразованию капитализма.

Определяемые таким образом классовая теория и классовый анализ сталкиваются с двумя основными проблемами: проблемой валидности, то есть степени эмпирического подтверждения их ключевых принципов; и проблемой релевантности, то есть способности высветить наиболее характерные черты современной социальной иерархии, разделения и конфликта. И в том, и в другом отношении, особенно что касается релевантности, классовая теория и классовый анализ подвергаются критике¹. В частности, утверждают, что их способность отобразить ключевые аспекты социальной иерархии, разделения и конфликта неуклонно снижается. Причиной этому — упадок «классовой формации», особенно социальной и политической артикулированности рабочих классов. На первый план выходят прочие аспекты социального неравенства и антагонизма, отражающие расовые и гендерные разделения, влияние гражданства, распределение политической власти и действия элит². Как следствие современный классовый анализ, в отличие от своего классического предшественника, превращается в абстрактное академическое изыскание, изолированное от политических практик социальных движений и партий.

Защитники классового анализа утверждают, во многих отношениях убедительно, что классические классовые модели требуют обновления и усовершенствования. Основы этой обновленной классовой теории и анализа, предложенные Эриком Райтом, Ричардом Брином, Дэвидом Граски и Ааге Соренсенем, демонстрируют большой теоретический и аналитический потенциал классовых конструктов. Однако их авторы также сталкиваются с чере-

¹ См., напр.: (Pakulski and Waters 1996a, 1996b; Clark and Lipset 2001).

² Лучшей проверкой на релевантность является способность классового анализа пролить свет на такие ключевые события прошлого века, как образование коммунистических государств, взлет и поражение фашизма, распространение гражданства, мобилизация «новых» движений (за гражданские права, феминистских, зеленых и за права меньшинств), падение европейского коммунизма, объединение Европы и мобилизация религиозных фундаменталистов.

дой дилемм. Во-первых, возникает дилемма идентичности. Чем более состоятельны и релевантны предложенные классовые конструкторы, тем более они схожи с их непосредственными конкурентами, в первую очередь с веберовским и дюркгеймовским анализами занятийной и статусной стратификации. Это аналитико-теоретическое превращение³ заставляет задаться вопросом, имеет ли смысл называть теорией класса «классовую теорию», лишенную своих отличительных элементов. Во-вторых, возникает дилемма объяснительных компромиссов. Чем более отточенными становятся утверждения классовой теории и классового анализа, тем менее они способны отобразить и объяснить наиболее характерные черты современной социальной иерархии и антагонизма. Отсюда проистекают частые «пересечения» обновленных классовых анализов с неклассовыми (гендерными, расовыми, занятийными, политическими и т. п.) анализами, порождающие все новые вопросы насчет релевантности классовых конструкторов. Такое впечатление, что классовым теории и анализу грозит либо сращивание со своими конкурентами, либо постепенное забвение.

Предлагаемая здесь стратегия сильно отличается от того, что отстаивают поборники класса. Вместо реконструкции, обновления и «развития» классовой теории и классового анализа я предлагаю их поглощение более полным, сложным и разносторонним — однако менее детерминистским — теоретическим и историческим видением социального упорядочения и изменения. Первым шагом к такому поглощению является конкретизация класса как историко-аналитического концепта. Она предполагает локализацию класса в историко-эволюционных рамках в качестве *конкретной* социальной конфигурации неравенства, типичной для индустриальной эры. Иными словами, выдвигается идея, что «классовость» социальных неравенств, а следовательно, и релевантность классового анализа в различные исторические периоды разнятся. В заключительном подразделе будет показано, что «классовость» достигает своего пика в индустриальном обществе и спадает по мере интенсификации постиндустриальных и постмодерных трендов. Современным развитым обществам по-прежнему свойственно неравенство, но в бесклассовом понимании. Эти всё более усложня-

³ Обнаруженное, среди прочих, Уотерсом (Waters 1991) и более подробно обсуждаемое в: (Pakulski and Waters 1996a).

ющиеся конфигурации бесклассового неравенства и антагонизма, как показано здесь, требуют более широких теоретических и аналитических конструкторов⁴.

Аспекты класса

В то время как в обыденном дискурсе «класс» является синонимом социальной иерархии и структурированного неравенства вообще, в социологическом анализе и научном дискурсе он имеет более конкретные значения. Эти значения — семантический «ореол» концепта класса — как правило, отражают основные принципы «классического шаблона»:

- центральность отношений собственности и занятости (классовой структуры) в формировании социального неравенства, то есть распределении социетальной власти и экономических жизненных шансов вообще и доходов в частности;
- центральность классовой структуры в формировании прочих социальных отношений и ее роль матрицы «социальной структуры». Это предполагает «классовую формацию», то есть соответствие между классовой структурой, с одной стороны, и паттернами социальной «сгруппированности» — с другой;
- центральность классовой структуры в структурировании социального антагонизма и открытого конфликта. Из этого следует, что классовый конфликт и классовая борьба формируют общественно-политические расколы и остаются ключевыми движущими силами социальных изменений.

В связи с этой характеристикой класса возникают три вопроса: об относительной силе классовой обусловленности доступа к ключевым «властным ресурсам» и, таким образом, о взаимосвязи между классовой и социальной иерархиями; об относительной силе классовой формации и, таким образом, о взаимосвязи между классовым и социальным разделением; и об относительной значимости классового антагонизма в формировании социаль-

⁴ Более подробное описание этих конструкторов можно найти в других работах (напр., см.: Pakulski 2004). Ниже я привожу лишь схематический набросок «основополагающей» сути неклассового анализа.

ных конфликтов. Как следствие, дебаты о релевантности концепта класса для анализа современных развитых обществ неизбежно затрагивают не только вопросы, касающиеся рамок «классового неравенства», то есть неравенства, объясняемого функционированием классовой структуры (как правило, определяемой на основе отношений собственности / занятости), но и вопрос «классовой формации» и «классового конфликта». Классы — это не только структурные позиции, но и реальные антагонистичные коллективы (collectivities).

Насколько значимы и важны классовые детерминанты неравенств по сравнению с иными неклассовыми детерминантами? Насколько сильны классовые различия по сравнению с неклассовыми социальными различиями, к примеру, профессиональными, расовыми, этнонациональными? Насколько сильны и значимы классовые идентичности по сравнению с неклассовыми — например, гендерными, региональными, религиозными — идентичностями? Какие тенденции прослеживаются касательно их относительной социальной и политической значимости? Сторонники обновленного классового анализа, в первую очередь Райт, утверждают, что хотя класс важен, степень его социальной и политической значимости может варьировать и быть довольно скромной. Однако, если значимость класса не только относительно низкая, но и снижающаяся, то вряд ли есть смысл в реконструкции и усовершенствовании классовой теории и классового анализа. Интеллектуальные инвестиции в альтернативные теории кажутся более многообещающими в плане объяснительной отдачи.

К числу наиболее часто обсуждаемых альтернатив классовому анализу относятся «многомерные» веберовские анализы стратификации, дюркгеймовские анализы занятийной дифференциации, а также токвилевские подходы, фокусирующиеся на гражданском обществе и исследовании властной стратификации и формировании элит. Хотя некоторые из них обсуждаются Эриком Райтом, Ричардом Брином, Дэвидом Граски и Элиотом Вайнингером в качестве трамплинов для обновленного классового анализа, я покажу, что гораздо полезнее рассматривать их в качестве теоретических оснований для *альтернативных* (классовому) объяснений неравенства и антагонизма в развитых обществах.

Классические основы социологического (неклассового) анализа

Видение социальных неравенств и их современной динамики Алексиса де Токвиля (Tocqueville 1945 [1862]) во многом является зеркальным отражением марксистского классового видения. В то время как Маркс диагностировал классовую поляризацию, Токвиль обнаруживал прогрессирующее уравнивание условий, экспансию демократических практик и распространение эгалитарных норм и нравов. По Токвилю, это прогрессирующее уравнивание отражало совокупное воздействие христианских ценностей, развития торговли и промышленности, растущего достатка, усиления гражданского общества (гражданских ассоциаций) и прогрессирующей демократизации культуры. Он утверждал, что социальное взаимодействие и мобильность становятся частыми и открытыми, права собственности — расплывчатыми, а собственность распределяется более равномерно. Новый («демократический») общественный строй был не только эгалитарным, но также индивидуалистическим. Именно индивид, а не корпоративный коллектив становился средоточием инициатив. Это стимулирует прогрессирующую индивидуализацию и массивификацию мотивов, вкусов, интересов и действий. Иными словами, равенство и демократия поощряют «сходство» (“likeness”), и это качество придает дополнительный стимул социальному выравниванию. Токвиль предсказывал, что в условиях торжества республиканской демократии «страсть к равенству» распространится на все сферы жизни и все аспекты человеческих отношений, в том числе политические, трудовые и бытовые.

Современные исследователи социального неравенства уделяют особое внимание проведенному Токвилем анализу новой формы социальной иерархии, вырастающей при республиканской демократии. Особо ярко выражены такие пять присущих этой иерархии черты. Во-первых, она сглаживается, поскольку всеобщее гражданство отражается не только в массовом предоставлении гражданских прав, но и в «демократии нравов» (“democracy of manners”). Граждане модерна питают отвращение к надменности и подвергают сомнению всякие претензии на превосходство. Единообразие и неформальность поведения становятся обычным делом во всех слоях общества. Это обуславливает высокий уровень социальной мобильности, что составляет вторую черту демократической иерархии. В ре-

спубликанской демократии восходящая социальная мобильность осуществляется преимущественно через экономический успех и широко приветствуется. Успех и его самый очевидный симптом, богатство (*wealth*), являются объектами всеобщего восхищения. Кроме того, эти представления усиливаются уравниванием занятийных статусов, что составляет третью черту республиканской иерархии. Все профессии становятся открытыми в социальном смысле, поскольку большинство профессионалов становятся наемными работниками. Кастоподобные социальные разделения либо ослабевают, либо полностью исчезают. Хотя неравенство относительно богатства сохраняется, оно не создает ни социальных дистанций, ни разделения. Новые богатые не образуют новую социально возвышающуюся и изолированную аристократию и не монополизируют политические привилегии. Богатство и власть формально разделены, хотя коррупционные практики вроде покупки должностей и присвоения политических выгод получают широкое распространение. В-четвертых, сглаживание иерархий и сокращение социальных дистанций выражается в массивификации образования и распространении публичной информации. Школьное обучение становится открытым, образование рассматривается как важное средство социального продвижения, а всеобщая грамотность формирует социальную основу для массовой печати. Это, в свою очередь, стимулирует возникновение условий для развития общественного мнения и компетентного гражданского участия. Наконец, демократические тенденции оказывают влияние и на гендерные разделения: патернализм рушится и женщины становятся всё более независимыми, хотя материнство по-прежнему накладывает на них «неустранимые узы». Всё это позволяет Токвилю сделать смелое заявление: «Я считаю, что социальные изменения, уравнивающее положение детей и отцов, слуг и хозяев и вообще начальников и подчиненных, повысят статус женщины и будут все больше уравнивать ее с мужчиной» (Tocqueville 1945 [1862], p. 211).

Токвиль дополняет это видение прогрессирующего «равенства условий» (которое можно назвать «бесклассовым неравенством») двумя важными характеристиками. Во-первых, он весьма скептичен относительно перспектив расовой интеграции даже в том случае, если его предсказания сбудутся и рабство будет ликвидировано. Более вероятно возникновение неформальной сегрегации и антагонизма, подпитываемых демократическими устремлениями

черного населения. Еще более пессимистичным тоном он предсказывает сохранение сегрегации коренных американцев в сочетании с прогрессирующим уничтожением их культур — осуществляемым, как он с сарказмом отмечает, из «уважения к законам гуманизма». Во-вторых, он также скептически настроен в отношении перспектив уравнивания рабочего люда и бизнес-элиты. Однако, несмотря на неравенство, он сомневается, что какая-либо из этих групп превратится в сплоченный социальный класс. Рабочие слишком атомизированы, чтобы сформировать сплоченные коллективы; бизнес-элита слишком мобильна, слишком внутренне фрагментированна в силу конкуренции и слишком социально гетерогенна, чтобы сформировать сплоченную группу⁵.

Марксистский и токвилевский анализы выявляют два лика современных социальных иерархий и предлагают два парадигмальных взгляда на современные тенденции. Для марксистов классовые деления знаменуют новую форму иерархического угнетения, эксплуатации и доминирования, скрывающихся за фасадом «свободного трудового договора», либеральной идеологии и эгалитарных нравов. Марксистам приписывают прояснение этих скрытых аспектов современного социального неравенства и соотнесение классового неравенства с ключевыми характеристиками современного капитализма: частной собственностью на капитал и превращением труда в товар. Токвилевские находки столь же важны и основательны: в современном обществе экономические неравенства сосуществуют с уравниванием нравов и гражданских статусов или даже затмеваются ими. Республиканская демократия генерирует новые иерархии богатства, но при этом сглаживает социальные разрывы, созданные ростом промышленного богатства. Главной проблемой, стоящей перед современным обществом, является не классовое разделение, а разделение общества на демократически избранных политических деспотов и политически беспомощных граждан, озабоченных материальными проблемами⁶.

⁵ «Говоря по правде, несмотря на то, что при демократии бывают богатые люди, класса богатых как такового здесь не существует, ибо эти богатые люди не имеют классового сознания или общих целей, традиций, ожиданий... Они не скреплены навеки друг с другом; объединяющие их интересы постоянно их и разделяют» (Tocqueville 1945 [1862], II, p. 160).

⁶ Токвиль анализировал эту опасность в своих исследованиях «деспотической демократии».

Эмиль Дюркгейм (Durkheim 1933) предлагает иную альтернативу аналитическому и теоретическому шаблону класса. Дюркгейм рассматривает социальные неравенства в контексте прогрессирующей социальной дифференциации, которая сама является продуктом усиления социальных взаимодействий или «моральной сплоченности» (“moral density”). Тот факт, что новые социальные функции, возникающие в процессе дифференциации, организованы иерархически, менее важен для Дюркгейма, нежели *режим* этой организации. Тогда как в традиционных обществах социальные иерархии жесткие и идеологически обоснованные, в современных обществах они открытые и обладающие, как правило, функциональной легитимностью.

Дюркгейм провел важное различие между социально приемлемыми неравенствами, то есть функционально значимыми для индустриального строя и отражающими коллективные ценности и идеалы, и неравенствами, произвольно навязанными. В самом общем смысле, первые соотносятся с «сакральным» (“sacred”): идеями, объектами и догмами, имеющими статус особых, запретных и вызывающих благоговение. Эти сакральные сферы отождествлялись с основными социальными ценностями, общепризнанными стандартами. Социальные неравенства являются социально легитимными, если отражают социальные ценности. В современных обществах эта ценностная основа воплощается в отсылках к «заслугам» (“merit”): индивидуальным вкладам, усердию и эффективности. С другой стороны, нелегитимные неравенства, к которым Дюркгейм отнес широкий диапазон дискриминаций, осуждаемых как социалистами, так и либералами, либо не имеют ценностной поддержки, либо проистекают из «принудительного разделения труда» — ярлыка, обозначающего немеритократическую иерархию и привилегии.

Социальные неравенства, связанные с неравномерным распределением собственности, рассматривались Дюркгеймом как легитимные. В отличие от Маркса и Вебера, Дюркгейм приписывал собственности сакральное происхождение и рассматривал привилегии владения как легитимированные остаточным сакральным статусом собственности. Узаконенные исключения, связанные с правами собственности, были для Дюркгейма проявлением непосредственной связи с древними табу и ритуалами. Подобным образом Дюркгейм связывал гендерные иерархии с сакральной сфе-

рой и древними классификациями населения — символическими таксономиями, формировавшими социальные представления и дистанции, в первую очередь между «мы» и «они». Проведенные Дюркгеймом исследования этих «примитивных классификаций» сформировали теоретическую основу социальной антропологии неравенства, впоследствии использованной Пьером Бурдьё.

Аналогичным образом Дюркгейм также утверждает, что политические неравенства, в первую очередь связанные с ролями в государстве, несут в себе сильный остаточный заряд сакральности наряду с функциональной легитимностью. Государственные лидеры обладают остатками той сакральной власти, которой обладали племенные вожди или *pater familiae*. В то же время особая роль государства как «мозга общества» обуславливает необходимость власти и автономности государственных элит. В этом плане политическая иерархия укрепляется в силу ее важности ее функции (социальной координации) и связи с сакральной сферой. Вот почему набор на эти властные позиции должен осуществляться в ритуализированной манере. Занимающие такие посты должны доказать свою пригодность к данному делу, демонстрируя заслуги и успешно следуя предначертанному *cursus honorum* (пути чести — *лат.*).

Второй важный вклад Дюркгейма в социологию неравенства касается формы и эволюции занятийных иерархий. Социальная дифференциация (иными словами, «разделение труда») возносится Дюркгеймом до статуса определяющего процесса модернизации. Она приводит к фрагментации крупных социальных единиц, таких как сословия, гильдии и *классы*. Таким образом, в отличие от Маркса, Дюркгейм предсказывает фрагментацию и декомпозицию иерархических коллективов и умножение численности занятийных групп. Он также предсказывает, что взаимоотношения между занятийными группами будут скорее гармоничными, нежели конфликтными, вследствие все более жесткого регулирования экономической конкуренции со стороны занятийных ассоциаций и государства. Занятийные группы становятся главными элементами новой стратификационной системы, поскольку обеспечивают для своих членов идентичность, статус и материальное вознаграждение. Государство помогает им, превращаясь в главного менеджера социальной стабильности и сплоченности.

Социальная иерархия, согласно Дюркгейму, должна формироваться также «ценностной полиморфией» и прогрессирующим ин-

дивидуализмом, причем последний должен находить отражение в возрастании значимости прав индивида. Однако Дюркгейм был озабочен очевидной кластеризацией занятийных групп в крупномасштабные и потенциально конфликтующие между собой «ассоциации по интересам». Эти сущности плохо вписывались в современные «органически солидарные» общества, поскольку опирались на «механические» связи, проистекающие из идеологически сконструированного «общего интереса». Таким образом, несмотря на признание существования «несправедливого преимущества», которым пользуются работодатели, Дюркгейм считал классовую формацию и поляризацию маловероятными. Принцип классовой солидарности был несовместим с принципом социальной дифференциации, а антагонистическая идеология классовой борьбы вступала в противоречие с порождаемым органическими связями чувством взаимодополняемости⁷. Вместо классовой формации и классового конфликта Дюркгейм предрекал устойчивую и по большей части гармоничную (хотя всегда уязвимую перед угрозой аномии) занятийную дифференциацию, сопровождающуюся государственным регулированием.

Дэвид Граски (Grusky 2001, p. 18) (см. также главу 3 данной книги) вслед за Дюркгеймом предлагает рассматривать занятия в качестве базовых единиц современной социальной иерархии. Крупноуровневые классоподобные субъекты номинальны и, в отличие от занятий, не образуют реальных и значимых группировок. Занятия — продукт спонтанной дифференциации и «органической» социальной кластеризации. Они формируют реальные «моральные сообщества» (а не просто ассоциации) и порождают сильные идентичности. Вместе с тем занятия признаются и поддерживаются государством и вовлечены во все формы определения вознаграждений. Кроме того, они служат каналами карьерных устремлений и способствуют сродству стилей жизни, вкусов

⁷ Если один из классов общества для выживания вынужден брать за свои услуги любую предложенную цену, а другой может воздерживаться от этого благодаря имеющимся в его распоряжении ресурсам, которые, впрочем, не обязательно проистекают из какого-либо социального превосходства, второй класс имеет над первым несправедливое преимущество по закону. Другими словами, не может быть богатых и бедных от рождения, если нет несправедливых контрактов (Durkheim 1933, p. 384).

и потребления. Даже если они временно агрегируются в крупно-уровневые классы, такие агрегации хрупки.

Проблемы с доводами Граски начинаются, когда он высказывает мысль, что занятия следует считать «реальными классами». Непонятно, что мы выиграем от слияния этих двух терминов и концептов: класса и занятийной группы. Его попытка сформулировать дюркгеймианскую теорию эксплуатации (посредством извлечения ренты) еще более проблематична, поскольку противоречит дюркгеймианскому функционализму, лежащему в основе видения занятийной дифференциации. Это уводит Граски от дюркгеймовской социологии занятийной дифференциации в сторону веберовской теории рыночного закрытия. Подобно Паркин (Parkin 1979) и Мёрфи (Murphy 1988), он утверждает, что занятийные и профессиональные группы становятся основными каналами для закрытия, которое можно рассматривать и как эксплуататорское, и как защитное.

Однако между функциональной дифференциацией и закрытием имеются радикальные отличия. Первая подразумевает спонтанное разрешение конфликта (снижение конкуренции), второе — конфликт и давление. Только если рассматривать занятийные группы в качестве каналов для закрытия, они представляются антагонистичными классоподобными группами. Таким образом, теорию занятийного закрытия и извлечения ренты можно сформулировать, лишь распрощавшись с ключевыми положениями Дюркгеймовой теории. Но этот отход имеет свою теоретическую цену. Отбрасывая дюркгеймовское видение функциональной дифференциации, Граски лишает себя возможности объяснить *происхождение* занятийных кластеров. Более того, он сталкивается со свидетельствами снижения закрытия (государственной «дерегуляцией») и исчезновения индустриального конфликта в развитых обществах. Как по мне, они гораздо лучше вписываются в тенденции, которые предугадал Дюркгейм, нежели в предсказания, проистекающие из теорий закрытия.

Основные принципы неклассового социального анализа неравенства и конфликтов были заложены Максом Вебером, в первую очередь в его многочисленных, но не систематизированных заметках к «Хозяйству и обществу» (Weber 1978 [1922]). Больше всего в этих заметках поражает их полемический тон, часто игнорируемый как «левыми веберианцами», так и сочувствующими

марксистскими критиками. Вебер отвергает всеобъемлющие утверждения Маркса об универсальной центральности классового неравенства, эксплуатации, разделения и антагонизма. Он также формулирует альтернативное видение социальной стратификации, согласно которому социетальная власть и жизненные шансы формируются посредством рыночных талантов, принятых культурных кодексов чести и организационной власти в их совокупности, в первую очередь в рамках государства. Эти различные «генераторы» могут либо действовать по отдельности, и в этом случае социальные неравенства подчиняются одному доминирующему принципу распределения, либо комбинироваться, создавая сложные градации социетальной власти и жизненных шансов. Так или иначе, рыночные, статусные и властные позиции редко образуют матрицы для групповой формации. Последнее подразумевает культурную сферу смыслов (Weber 1978 [1922], pp. 306–307, 927–939).

Как Вебер, так и его последователи убедительно доказывают потребность в сохранении аналитического разделения трех указанных «генераторов» и сопутствующих измерений социального неравенства — класса, статуса и партии, а также в рассмотрении социальной стратификации и групповой формации как сложных и условных. Эти аргументы обычно используются против марксистских классовых аналитиков, пытающихся втиснуть все три генератора в одну общую концепцию класса и зачастую предполагающих изоморфизм между неравными позициями и социальной структурой⁸. Веберианцы также предостерегают от допущения о существовании соответствия между структурой неравенства, паттернами формирования групп и закономерностями социального действия. Вебер предупреждает, что эти три элемента редко со-

⁸ Именно относительная распространенность, относительная выраженность генерирующих сфер отношений важны для формирования паттерна социального неравенства, режима стратификации и типа общества в целом. Вебер отмечает: «В зависимости от преобладающего режима стратификации мы будем говорить либо о “статусном обществе”, либо о “классовом обществе”» (Weber 1978 [1922], p. 306). Большая часть проанализированных Вебером исторических обществ (фактически, все общества иного, чем современный западный, типа) описывались как «статусные общества», то есть общества, в которых наиболее характерными были неклассовые неравенства.

впадают. К примеру, «социальные классы» отображают барьеры в социальной мобильности и взаимодействии, что зачастую идет вразрез с классовыми границами. Аналогично, «статусные группы» формируются на матрице жизненных стилей и паттернов потребления и, как правило, игнорируют классовые различия.

Как и «классические» теоретики элит (Вильфредо Парето, Гаетано Моска и Роберт Михельс), Вебер подчеркивает центральность политической власти как ключевого аспекта социальных неравенств в современных обществах. Все они утверждают, что именно политическая власть, в первую очередь власть современного государства, как правило, является фундаментом социальных привилегий в современном обществе. Власть проистекает не только из контроля над средствами производства и рыночными талантами, но также, причем во всё большей степени, из организации, или контроля над средствами политического доминирования. То есть социальная организация неизбежно приводит к возникновению элит — сплоченных и солидарных олигархий на вершине крупных организаций. В то время как пропасть между элитой и массами будет неизбежно оставаться широкой даже в формально демократических обществах, властные иерархии все же имеют шанс сгенерировать крепкую легитимацию за счет перехода к формально демократическим процедурам. Вероятно, бесклассовый эгалитаризм так и останется идеологической мечтой, однако существование открытой политической иерархии и ответственных демократических элит вполне возможно.

Веберовская социология власти формирует удобный трамплин как для критики классовой теории, так и для альтернативной формы социологического анализа неравенства, разделения и антагонизма. Основными «генерирующими структурами» социального неравенства в веберовской социологии являются рыночные/имущественные, общностные и властные отношения. Они отражают, соответственно, права собственности и рыночные свободы; установившиеся ценности и традиции распределения почестей; а также силу корпоративных бюрократий (в первую очередь государственных). Все вместе они формируют социально и исторически многообразные матрицы распределения социетальной власти и индивидуальных жизненных шансов. Однако эти матрицы не обязательно совпадают со способами формирования социальных отношений, образования социальной кластеризации, возникновения соци-

альных разделений и нарастания социальных антагонизмов. Эти аспекты формирования социальной иерархии отражают автономные процессы социальной кластеризации и закрытия, формирования идентичности и солидарности, культурного дистанцирования и политической организации — всего того, что коренится в доминирующих смысловых системах. Социальные разделения могут формироваться по классово-рыночным линиям, а также по этническим, региональным (национальным), партийно-идеологическим, расовым и религиозным — этот момент подчеркивают современные неовеберянцы (напр.: Giddens 1973; Scott 1996), а также теоретики социального пространства и дифференцированной ассоциации (напр.: Laumann 1973; Stewart *et al.* 1980).

Сложные структуры неравенства

Социальное неравенство может варьировать по степени сложности (complexity) — взаимодействию различных структурных «генераторов» — и степени социальной артикулированности, сформированности социальных групп. Социальная стратификация — степень структурированности социального неравенства в устойчивые иерархии — также варьирует. Как и социально-культурная артикуляция иерархических слоев посредством паттернов общих идентичностей и дифференцированных ассоциаций. Когда социально-культурная артикуляция слаба, то есть когда границы между слоями размыты, групповые идентичности и солидарности слабо выражены, различия накладываются друг на друга, а разделения изменчивы, социальные неравенства могут принимать сложную и нестратифицированную форму. Мы покажем, что поздний модерн фиксирует сдвиг в этом направлении, к сложному/комплексному неравенству. Это требует пересмотра наших взглядов на социальное неравенство, разделение и антагонизм. Такой пересмотр включает несколько ключевых шагов:

Признание множественности генерирующих структур

Как отмечают большинство аналитиков индустриальной модернизации, в первую очередь Макс Вебер, классы всегда совпадали по времени и конкурировали с прочими аспектами неравенства

(Weber 1978 [1922], pp. 306–307, 927–939). Хотя ключевые властные ресурсы могут трансформироваться друг в друга, они редко накапливаются и кристаллизуются в согласованные социальные иерархии и разделения. Причина в том, что класс, статус и партия проистекают из различных аспектов социальных отношений и дополняются различными формулами легитимации распределения социальных ресурсов. Класс соответствует формуле «каждому — согласно собственности и рыночным навыкам» (“to everyone according to property and marketable skills”). Она нечувствительна к традиционным статусным притязаниям, а следовательно, революционна по своим социальным последствиям. Партийно-властные иерархии опираются на принцип «каждому — согласно рангу» (“to everyone according to the rank”), обозначающему иерархическую дистанцию от организационных центров власти. Бюрократии современных государств являются особенно эффективными генераторами таких систем рангов, поэтому они становятся стержнем стратификации при государственном социализме. Наконец, статусные притязания следуют формуле «каждому — согласно установленным социальным конвенциям» (“to everyone according to established social conventions”). Такие соглашения касательно ассиметричного присвоения статуса обыкновенно опираются на традицию (например, традиционные интерпретации священных текстов, устоявшиеся практики и т. п.), но также эволюционируют с появлением новых форм социально признанного «различения».

Признание влияния образования и знаний

Описывая статусные группы в Европе начала XX века, Вебер упоминает, пускай и кратко, новые формы образовательного «креденциализма» (“credentialism”).

Распространение дипломов, выдаваемых университетами, бизнес- и инженерными колледжами, и всеобщее требование учреждения образовательных сертификатов во всех сферах приводят к формированию привилегированного слоя в бюро и офисах. Такие сертификаты подтверждают притязания их обладателей на смешанные браки со знатными семьями, притязания на соблюдение “кодексов чести” ... притязания на вознаграждение за “респектабельность”, а не за хорошо выполненную работу, притязания на гарантированный карьерный рост и страхование по старости и, самое главное, притязания на

монополизацию социально и экономически привилегированных позиций. (Weber 1948, pp. 241–242)

Успешность креденциализации зависит от закрепления способности поддерживать, отстаивать и придавать законную силу правам обладателей дипломов/аттестатов. Как замечают Вебер и его современные последователи (в первую очередь, Гарольд Перкин и Фрэнк Паркин), притязания этих категорий, прежде всего профессионалов, дают толчок статусному принципу распределения («в соответствии с образовательными аттестатами»). Однако они также подрывают и подвергают сомнению старые статусные притязания, основывающиеся на традиции. Таким образом, возникающие образовательно-статусные группы питают противоречивые, если не откровенно враждебные, чувства к притязаниям на основе традиции и класса. Иными словами, если профессиональное закрытие часто пользуется рыночными монополиями, оно игнорирует и «голые права собственности». То есть современные профессионалы, интеллектуалы и менеджеры являются скорее группировками статусного типа, нежели классами.

Эти современные статусные группировки действуют в секулярном и рационально-правовом контексте. Они являются отражением всепроникающей либеральной идеологии равных возможностей на основании заслуг. Кто-то может возразить, что эта идеология плохо уживается с классовыми принципами. Последние должны согласовываться со статусными различиями — так утверждают социально-культурные классовые теоретики, такие как Пьер Бурдье, репутационные стратификационисты, такие как Эдвард Шилз, теоретики человеческого капитала, такие как Гэри Беккер, и исследователи постиндустриализма, такие как Дэниел Белл. Особый статус образования (в частности, сертифицированного высшего образования) проистекает из его привилегированной роли скорее в качестве удобного «индекса заслуг», нежели просто источника ликвидных навыков. В первую очередь, именно высшее образование превращается в ключевой социальный артикулятор универсалистского принципа достижений и заслуг. Эта решающая роль образования является неотъемлемой частью доминирующей либеральной идеологии, отождествляющей образование с заслугами⁹.

⁹ Образовательные категории становятся не только важными статусными позициями, но и мощными матрицами социальной формации — этот факт под-

Признание влияния гражданства и демократии

Токвилев анализ прогрессирующего «равенства условий» образует плацдарм для современных аналитиков общественного и политического неравенства. Исследователи гражданства и демократии отмечают следующий парадокс: распространение гражданства влечет за собой как некоторое социальное выравнивание, так и новый тип иерархии и разделения. В этом моменте интуиции Токвиля сходны с веберовскими идеями, хотя де Токвиль связывает новые «деспотические» тренды со слабостью гражданского общества, а Вебер приписывает их «плебисцитарным» тенденциям, являющимся неотъемлемым элементом массовой демократизации и растущего влияния бюрократии. И сторонники Токвиля, и веберианцы рассматривают политическую стратификацию как пересекающуюся и с традиционными статусными иерархиями, и с экономическими классовыми разделениями, а в некоторых отношениях затмевающую их.

Анализ де Токвиля предвосхищает проведенные Вебером исторические анализы эгалитарного общественного статуса, возникающего в ходе исторической экспансии западных городов и национальных государств. Распространение гражданских прав в Британии было проанализировано Маршаллом (Marshall 1950) и позднее обобщено Тернером (Turner 1990). Гражданство распространялось все шире по сфере действия и по масштабу. Вслед за предоставлением основных гражданских свобод произошло распространение прав на политическую и социальную сферы. В частности, социальные права / право на благосостояние (social / welfare rights) сопоставляли гражданство с «властью собственности» и «денежными узами», влияя таким образом на паттерны социального неравенства. Большинство социальных аналитиков усматривают в этом распространении гражданства источник эгалитарных тенденций, однако некоторые указывают также на его иерархические последствия. Появление «неграждан» — беженцев, нелегальных мигрантов, претендентов на политическое убежище и воспринимаемых весьма терпимо, но лишенных гражданских прав *гастарбайтеров* — знаменует собой формирование нового общественного «андеркласса» и выдвигает на первый план новое измерение стратификации посредством общественно-политического исключения.

тверждается силой образовательной гомогамии, дружескими сетями и политической мобилизацией (см. исследования новых социальных движений).

Влияние гендерных и расовых отношений

Изменение формы гендерного и этнорасового неравенств заслуживает отдельного комментария. Оба они близки к «статусным неравенствам» — они проистекают и черпают свой смысл из традиционных социальных устоев, подкрепленных идеологией и закодированных в вековых дискриминационных социальных практиках, в первую очередь в бытовой и семейной сферах. Гендерные неравенства воспроизводились посредством традиционных культурных норм и базовых ценностей. Вот почему они наиболее сильны в традиционных (зачастую докапиталистических) обществах, и именно поэтому изменения в классовых отношениях (к примеру, последовавшие за революциями в России и Китае) не оказали на них существенного влияния. В противовес этому стремительная детрадиционализация, связанная с распространением рационализма, индивидуализма и секуляризма, способствует сокращению гендерных разрывов.

Гендерные и этнорасовые неравенства продолжают проникать в общественные сферы, что приводит к «гендеризации» и «расовизации» занятий, сегментов рынка и политических ролей. Однако они редко создают гендерные или расовые слои. Скорее, гендеризация занятий и рыночных сегментов является иллюстрацией гибридизации социальной стратификации, дополняющей сложность современных паттернов неравенства. Эта гибридизация включает в себя такое взаимопроникновение двух стратифицирующих механизмов, которое усложняет выявление их каузальных эффектов. Таким образом, экспансия рыночного механизма превращает рынок в «квазикультурную» сферу. В свою очередь, статусные конвенции, сформированные вне рыночной сферы, начинают артикулироваться как «рыночные возможности» (“market capacities”) посредством общепринятых и, как правило, считающихся само собой разумеющимися ограничений и льгот в отношении условий занятости и работы. Иными словами, функционирование рынка отражает общностные нормы и отношения, сформированные вне сферы занятости. В то же время эти самые нормы и отношения легитимируются и подкрепляются рыночными идиомами эффективности, производительности и т. д.

Эти примеры показывают, что гибридизация не ограничивается взаимопроникновением рыночных и общностных отношений.

Аналогичное взаимопроникновение происходит между системами управления рынком и общностными нормами. К примеру, концентрация промышленного производства сопровождается появлением корпоративных управленческих позиций. Жизненные шансы корпоративных менеджеров зависят от рыночных навыков, места в иерархии и собственно размера корпорации в сочетании с ее стратегическим положением. Это особенно важно, когда частные и государственные иерархии совмещаются в процессе слияния корпораций, как это происходило в Западной Европе в середине XX века¹⁰.

Стратификация и социальная формация

Растущая гибридизация знаменует собой декомпозицию индустриальных классов и сопутствующий ей отход от классового общества. Это отражается во всё более усложняющемся паттерне формирования иерархических групп — социальной стратификации, которую нам теперь следует рассмотреть.

Под социальной стратификацией подразумевается вертикальная структуризация: социальная иерархия плюс социальное разделение. Кластеры неравных позиций связаны социальной близостью и разделены социальными дистанциями. Под стратификацией подразумеваются также *процессы* иерархической социальной кластеризации и закрытия. Эти процессы обратимы; смена паттернов неравенства включает в себя дестратификацию и рестратификацию по классовым и неклассовым линиям.

Социальная кластеризация и закрытие

В процессе стратификации социальные неравенства обретают форму стабильных социальных иерархий, структурированных отношений высшего и низшего, систематических включений и исключений, социальных дистанций и близостей. Хотя это вопрос степени, «собственно стратификация» возникает только при на-

¹⁰ Возникновение корпоративных элит и подчиненных работников, прослойки «белых воротничков», анализировались Ральфом Дарендорфом (Dahrendorf 1959), Ч. Р. Миллзом (Mills 1956, 1958) и современными теоретиками элит.

личии минимальной социальной формации, то есть относительно прозрачной и стабильной вертикальной структуры посредством социальной кластеризации и закрытия. При отсутствии таких распознаваемых «социальных слоев» вести речь о стратифицированном обществе не приходится.

Кластеризация обыкновенно связана с такого рода наложением различных аспектов неравенства, которое способствует социальному распознаванию; социальное закрытие связано с формированием устойчивых социальных дистанций и близостей (*social distances and proximities*). Таким образом, классовая стратификация, особенно в Британии конца XIX века, была связана с тем, что можно назвать «узурпацией статуса» (и его деградацией) вследствие растущего совпадения и сближения классовых и традиционных статусных позиций. Одним из примеров этого было слияние промышленной буржуазии и землевладельцев посредством смешанных браков, другим — деградация статуса ремесленников и промышленных рабочих.

Следуя веберовской канве, можно сказать, что различимость социальных слоев зависит от степени социального закрытия, то есть способности представителей слоев ограничивать социально значимые взаимодействия, и социально-демографического закрытия, то есть способности к воспроизводству из поколения в поколение. Лучшими маркерами социального закрытия всегда служили эндогамные, ограниченные близким кругом браки и межпоколенческая преемственность экономических ролей. Такие браки в пределах совокупности социально распознаваемых страт (классов, статусных групп или политических рангов) закрепляют воспроизводство этих страт. Их воспроизводству способствует также формирование социокультурных габитусов, посредством которых социальные различия и социальная стигма становятся значимыми и легитимными (хотя, как отмечает Бурдье, всегда оспариваемыми).

Внимание современных стратификационных социологов фокусируется на «занятийных классах» (*“occupational classes”*), то есть вертикальных кластерах позиций, формирующихся согласно матрице технического разделения труда, а также отношений собственности и занятости¹¹. Формирование занятийных

¹¹ Однако необходимо помнить, что статусные элементы также участвуют в формировании социальных классов. Социальными классами получившиеся в результате группы делает исходная матрица, из которой они вырастают,

классов изучено очень хорошо. Некоторые критики отмечают, что границы «занятийных классов» проницаемы и неустойчивы. Они приобретают устойчивость обычно вследствие креденциализации (credentialisation). Однако, как отмечает Тернер (Turner 1988), такая креденциализация, особенно если она связана с образовательной сертификацией и меритократической легитимацией, как правило, следует логике формирования статусных групп. Аналогично и расовые и этнические слои (например, черные в США, китайцы в Восточной Азии, аборигены в Австралии) могут рассматриваться как примеры современных статусоподобных страт. Они объединяются и пересекаются с социально-политическими иерархиями. Современные элиты и «политические классы» являются примерами вертикальных социальных кластеров в иерархиях, формирующихся вокруг позиций политического влияния¹².

Исследователи занятийных классов указывают на распространение слабо структурированных и вертикально организованных социальных кластеров. Это распространение отображает прогрессирующую дифференциацию (краеугольный камень дюркгеймовской социологии), разрушающую внутреннюю гомогенность крупномасштабных занятийных кластеров, таких как «промышленные рабочие» и «сельскохозяйственные работники». Хотя в прошлом такие кластеры могли приближаться к классам, современные занятияные разделения слишком слабы и фрагментированы для этого. Похоже, социальная формация следует паттерну прогрессирующей дифференциации, одновременно технической и социальной по своей природе.

Общности и группы

До сих пор мы обсуждали первый аспект социальной формации, а именно кластеризацию и закрытие. И то, и другое — вопрос степени. Они приводят к тому, что Холтон (Holton 1996) и Тернер (Turner 1996) (в духе классической Тённисовой дистинкции) назы-

или, иными словами, социальные основы включения/исключения, а также (хотя его сложнее определить) тип вовлеченных мотиваций и интересов; в случае социальных классов это, главным образом, «классовый интерес».

¹² Партократическая прослойка и политически очерченная номенклатура в коммунистических обществах — тоже хорошие примеры таких слоев. См. работы классических теоретиков элит и, в контексте классового анализа, работы Весоловски, напр.: (Wesolowski 1977).

вают *gesellschaftlich* кластерами и слоями. *Gemeinschaftlich* группировки требуют более сильной социальной формации, включающей в себя социокультурную артикуляцию: развитие коллективных идентичностей и солидарностей. Столь сильная формация обычно образуется благодаря лидерству и организованности. Когда социальные категории достигают таких идентичностей и солидарностей (что случается нечасто и зависит от обстоятельств), они трансформируются в сообщества и могут сами порождать организованных коллективных *акторов*, как правило, партии или движения.

Формирование сообществ и групп (*communities and groups*) занимает центральное место в социально стратификационном подходе. С дюркгеймианской точки зрения, стратификация связана с формированием внутри- и внегрупповых солидарностей и дистанций, а также сопровождающих их процессов социального оценивания и ранжирования по отношению к доминирующим ценностям. Это направление анализа указывает на три взаимосвязанных аспекта стратификационного процесса: социальная классификация и проведение границ; оценивание в сочетании с подтверждением/требованием социального признания, что определяется «дистанцией от сакрального»; становление внутренней идентичности и выработка сплоченности. Последние процессы связаны с формированием упрочившихся коллективных представлений и внутренней нормативной регуляции.

Дюркгеймовская социология неравенств больше внимания уделяет обыденной классификации и проведению границ, нежели вертикальному ранжированию, то есть «собственно стратификации». Это отражает широко известное наблюдение Дюркгейма, что иерархический порядок всегда в первую очередь оспаривается теми, кто считает себя социально ущемленными. Сообщества и группы могут образовывать либо не образовывать «консенсусные» иерархические порядки. Если же это происходит, такие порядки (отражающие общие ценности либо удаленность от сакрального) оказываются неустойчивыми. Взаимодействие социальной дифференциации (горизонтальной групповой формации) и стратификации (оспариваемого вертикального упорядочения и ранжирования) является любимой темой исследователей социальных дистанций и солидарностей¹³.

¹³ См., напр.: (Bourdieu 1984 [1979]; Bottero and Prandy 2003). Как отмечают Дюркгейм (см., напр.: Durkheim 1933, pp. 356–358) и его последователи, жесткое разделение труда генерирует *занятийную* дифференциацию

Неовеберовская и элитологическая точки зрения выдвигают на первый план формирование вертикальных общностей в рамках национальных властных иерархий. Обе рассматривают их как условные и сложные, называя общий стиль жизни, каналы коммуникации, общего врага и эффективное лидерство в качестве ключевых факторов развития сообщества. Главным признаком общностных связей является общая идентичность, подкрепленная общепризнанным ярлыком. Такая идентичность (и простая самоидентификация) формируют основы солидарных действий. Пожалуй, лучшими примерами общностных властных группировок являются политические элиты. Ведь определяющей чертой элит является хотя бы минимальная степень внутренней сплоченности и «сгруппированности».

Иерархические общностные группы редки, поскольку их формирование и социальное воспроизводство требует огромных объемов коллективной энергии и ресурсов. Социальные дистанции культивируются посредством паттернированного взаимодействия и различения жизненных стилей (Вебер). Общности основываются также на культурном воспроизводстве классификаций и ритуальном подтверждении общих ценностей (Дюркгейм). Поэтому неудивительно, что лучшими примерами таких общностных страт обычно являются исторические статусные группы, такие как «классические» индийские касты. Две современные крупномасштабные *gesellschaftlich* группировки — нации и профессиональные ассоциации — плохо поддаются стратификационному анализу. Попытки выявить современные *gesellschaftlich* страты на суб-

и стратификацию. В результате образуются «социально-классовые разделения», если дифференциация сочетается с «патологическим», с точки зрения Дюркгейма, социальным размежеванием и изоляцией, если социальное «разделение превращается в дисперсию», а нормативное регулирование теряет силу. Симптомами этих разделений в крупной промышленности являются формирование «рабочих классов» (во множественном числе) и индустриальный конфликт с работодателями. Однако Дюркгейм также усматривает тенденцию к нормативно регулируемой занятийной дифференциации и интеграции, особенно в атмосфере распространения «культы индивида» и сильно дифференцированного «коллективного сознания» (плюрализм ценностей). Как указывает Парсонс, получающийся в результате паттерн занятийной стратификации крайне текучий, сложный и многогранный. Формирование слоев происходит в соответствии с общественными и локальными «оценочными рамками», а значит, функционирует в соответствии со статусным, а не классовым принципом.

национальном уровне, в первую очередь в развитых обществах, редко были успешными.

Всё это зачастую приводит к крайне проблематичному разграничению «объективных» (структурных) и «субъективных» (значимых/осознаваемых) аспектов социальной иерархии. К примеру, классовая структура иногда рассматривается ее поборниками как независимая от сознания (нередко ложного) *актора/субъекта* и лишь слабо связанная с социальными восприятиями, нормами и фактическими паттернами ассоциаций. Это разграничение можно обнаружить и у некоторых сочувствующих критиков классового анализа, таких как Бек (Beck 1992) и Эдер (Eder 1993), рассматривающих классы как «объективные» материальные субстраты, из которых произрастают различные формы сильно индивидуализированных «субъективных» идентификаций, культурных ориентаций и жизненных стилей. Этот вариант опасен тем, что, если не определить «опосредующие» связи, то ослабляется объяснительный потенциал стратификационной теории и приходится привлекать вспомогательные понятия формирования идентичности, культурных ориентаций и жизненных стилей. Некоторые из этих «опосредующих» и вспомогательных понятий были предложены еще Бурдьё (Bourdieu 1984 [1979]), который настаивает, что «формирование класса» опосредуется сперва через *габитус*, а затем через обыденные классификации¹⁴. Проблема в том, что опосредующие каузальные комплексы могут работать в обоих направлениях. В силу этого непонятно, в какой степени *габитусы* и обыденные классификации формируют социальное пространство (распределение многочисленных капиталов) и формируют ли они его вообще или же, наоборот, это оно их формирует. В то время как более ортодоксальные классовые теоретики рассматривают материально-экономический «субстрат» как главную детерминанту смыслов, некоторые ревизионисты вроде Бурдьё предлагают более сложные каузальные комплексы и признают социокультурные детерминанты.

¹⁴ Как отмечает Брубейкер (Brubaker 1985, p. 761): «Концептуальное пространство, в рамках которого Бурдьё определяет класс, является пространством не производства, а социальных отношений вообще. Классовые разделения определяются не различными отношениями к средствам производства, а различными условиями существования, различными системами диспозиций, являющимися продуктом дифференцированного влияния среды, и различной обеспеченностью капиталом».

Социальные акторы

Ключевыми социальными *акторами* являются элиты и организованные политические группы, в том числе представляющие социальные движения и лобби. Порой статус коллективного *актора* приписывается и стратифицированным сообществам — будь то классово-занятийные, этнические, гражданские или гибридные. Они могут использовать или классовую идиому апелляции (class idiom of appeal) (то есть мобилизовывать интересы и солидарности, встроенные в занятийные роли и рыночные возможности), или статусную идиому, или властно-политическую идиому, или комбинацию различных идиоматических апелляций. Апелляция к этнорасовому исключению и дискриминации, как в случае движений за гражданские права и права меньшинств, или апеллирование к общей религии и расе, как в случае антизападных фундаменталистских движений, являются иллюстрациями таких смешанных мобилизационных стратегий.

Возникновение коллективных *акторов* знаменует углубление социально-политических расколов. Как напоминают Липсет и Роккан (Lipset and Rokkan 1967), доминирующие на Западе социально-политические расколы берут свое начало в национальных и промышленных революциях. Промышленная революция создала сильные классовые (собственник — работник) и секторальные (сельское хозяйство — промышленность) расколы. Организационное форматирование этих расколов в Европе произошло в начале XX века и было осуществлено элитами, которые эффективно использовали классовую идиому апелляции. Эти элиты и возглавляемые ими организации «объединились» и образовали вертикальные кластеры, опознаваемые как классовые избиратели (class constituencies). Элиты апеллировали к общим «классовым интересам» этих кластеров, фокусировали дебаты на вопросах работы и производства, подчеркивали социальные последствия прав собственности и асимметричной власти в трудовых контрактах и увязывали свои программы с идеологическими пакетами, отражавшими лево-правую поляризацию¹⁵. Хотя в прошлом такое классовое форматирование доказало свою успешность в плане генерирования движений и партий «рабочего класса» (а также некоторых

¹⁵ См. модель Кларка (Clark 2001). Сартори (Sartori 1969) наряду с теоретиками элит делает акцент на процессе структуриации сверху.

политических движений «среднего класса»), оно всегда конкурировало с альтернативным форматированием по национальным, региональным, религиозным, гражданским и этническим линиям. В последние десятилетия XX века доминировали последние, иллюстрацией чего является успешная мобилизация «новых» социальных движений, породивших новые политические партии и приведших к власти новые элитные фракции.

Многообразие социальной формации

Таким образом, как мы видим, структурированные неравенства различаются по степени сложности и социальной артикуляции. В самом узком смысле они предполагают нечеткие социальные иерархии, формирующиеся вокруг неравномерно распределенных ресурсов. Структурированные формы неравенства — социальная стратификация — подразумевают минимальную вертикальную кластеризацию. В более строгом смысле социальная стратификация предполагает возникновение стратифицированных общностных группировок — процесс, связанный с формированием отчетливых и сильных коллективных идентичностей. Общностные страты также могут порождать коллективных социальных *акторов*. Это постоянный и обратимый процесс, свидетельством чему является подъем и упадок классовых движений, партий и элит. Накладывающиеся друг на друга неравенства и разделения могут укреплять стратификацию, в то время как сложные и перекрестные неравенства, особенно в сочетании с открытой мобильностью, приводят к дестратификации. Дестратификация и рестратификация, как правило, совпадают; старые паттерны и конфигурации уступают место новым.

Степень социальной сформированности иерархических группировок различается в разных точках стратификационных систем. Как правило, социальная формация сильнее всего на вершине социальных иерархий, где формируются элиты. Фактически, сильная социальная формация (консенсус, сплоченность и взаимодействие) рассматривается как определяющая черта элит. Высшие страты также образуют социальные круги, учреждения, клубы и прочие статусные группы различной степени эксклюзивности. Средние и низшие страты, как правило, менее социально структурированы и часто описываются как изменчивая «средняя масса» (см., напр.: Broom and Jones 1976).

Конфигурации неравенства — типология

Можно предположить существование минимальной степени социальной формации, ниже которой речь идет не о социальной стратификации, а всего лишь о социальном неравенстве. Хотя суждения о такой границе имеют неизбежно произвольный характер, типологическое различие неравенства и стратификации крайне полезно для картографирования социальных трендов дестратификации/рестратификации. Эти тренды обсуждались в контексте дебатов о релевантности класса Станиславом Оссовски (Ossowski 1963 [1958], pp. 89–118) и Деннисом Ронгом (Wright 1976 [1964], pp. 5–16). Они предложили термины «неэгалитарная бесклассовость», «неравенство без стратификации» и «бесклассовое неравенство». Они утверждали, что социальные неравенства могут принимать нестратифицированную форму, равно как и стратифицированную, но неклассовую форму. Эти конфигурации неравенства могут образовываться в результате восходящего влияния статусных групп или политических рангов и/или декомпозиции старых классов и социальных слоев.

Упадок домодерных сословий («социальных порядков») в Европе служит хорошим примером дестратификации с последующей рестратификацией и формированием индустриальных классов. Последнее усложнялось тем обстоятельством, что уходящие в прошлое сословные иерархии оставили после себя пережитки в виде аристократий и дворянства, а также специфическую «статусную страту» городской «интеллигенции». Другим примером дестратификации было подавление классовых порядков, последовавшее за политическими переворотами и революциями в обществах советского типа. Оно включало в себя «ликвидацию» высших классов и слоев и сопровождалось стремительным взлетом стратификации на основе политических рангов, в первую очередь возникновением партийно-государственного чиновничества и *номенклатуры*.

Варианты конфигураций неравенства подытожены на рисунке 6.1. Предлагаемая типология является результатом пересечения двух измерений: 1) степень сложности, доминирование одного типа «генератора» и сопутствующий доминирующий принцип распределения ресурсов и 2) сила/степень иерархической социальной формации, которую мы дихотомизировали как сильную vs слабую. Пересечение этих двух измерений дает четыре типа: домини-

<i>Генерирующие структуры</i>	<i>Социальная формация</i>	
	<i>Высокая/сильная</i>	<i>Низкая/слабая</i>
<i>Единственный/доминирующий «генератор» и низкая сложность</i>	Доминирующая стратификация (напр., «классовое общество»)	Доминирующее неравенство
<i>Множественные/гибридные «генераторы» и высокая сложность</i>	Сложная/гибридная стратификация	Сложное «бесклассовое» неравенство

Рисунок 6.1 Конфигурации неравенства — типология

рующая стратификация, доминирующее неравенство, гибридная стратификация и комплексное/сложное неравенство (рис. 6.1).

Это открывает путь к более точным определениям ключевых концептов. В классовом обществе неравенства, генерируемые собственностью/рынком, выражены наиболее ярко, и степень классовой формации высока. Неравные жизненные шансы индивидов отражают главным образом их имущественное положение и рыночные таланты; жизненные шансы членов семьи/домохозяйства отражают таланты его главы. Почести и влияние определяются классовым положением; социальные разделения формируются вокруг классовых границ и неравенств. Когда формация сильна, групповые представления и идентичность находят отражение в организации и солидарных действиях (классовой политике). Этот тип строго отвечает модели, отстаиваемой марксистскими классовыми аналитиками, и, как будет показано ниже, нашел довольно близкое воплощение в индустриальных западноевропейских обществах в конце XIX и первой половине XX века.

Классовое неравенство характеризуется доминированием классовых генераторов неравенства, сопровождающимся слабой социальной формацией, слабой социальной артикуляцией класса. Если социетальная власть преимущественно распределяется в соответствии с принципом «каждому согласно собственности и рыночным талантам», различные классовые группировки, разделения и конфликты отсутствуют. Можно отметить, что этот тип неравенства характерен для периодов стремительных социальных перемен и переходов. Маркс и Энгельс утверждали, что западные

общества начала XIX века приближались к этому типу, по крайней мере, в том, что касалось артикуляции «основных классов». В то время как статусные принципы распределения ослабевали, а классовые неравенства начинали затмевать сословную систему, формирование классов находилось в зачаточном состоянии.

Сложное социальное неравенство и гибридная стратификация обозначают конфигурации, в которых нет одной доминирующей системы неравенства. Вместо этого жизненные шансы формируются вокруг сложных/комплексных профилей, объединяющих классовую, статусную и властную позиции. Хорошими примерами таких гибридных конфигураций неравенства являются гендерные занятийные слои и рыночные сегменты, а также расово и этнически специфичные «андерклассовые» анклавы. Если кластеризация сильна и социальные слои развиваются вокруг сложных комбинаций позиций, мы имеем дело со сложной/гибридной стратификацией. Для сколь-либо точного обозначения таких слоев требуются множественные дескрипторы, такие как «неквалифицированные женщины-мигранты», «беловоротничковые городские черные» или «католическая интеллигенция».

Как и любая общая и идеальная типология, эта лишь отчасти помогает разрешить спор о классах. Она очерчивает аналитическое поле, но не помогает операционализировать границы. Можно также возразить, что такая типология некорректна, что она делает доминирующий тип стратификации (включая «классовое общество») менее реалистичным и снижает его шансы на идентификацию по сравнению с прочими типами. В конце концов, могут возразить несогласные, классовые неравенства и разделения *всегда* совпадали с разделениями, которые создаются общностными и государственно-властными отношениями, а следовательно, конфигурация, приближающаяся к данному типу, может оказаться редким явлением. На эти возражения можно дать два ответа. Во-первых, они беспочвенны. Хотя «суждения о границах» не детализированы, классовая стратификация и классовое неравенство *признаются* здесь в качестве реалистичных возможностей — столь же реалистичных, как и все прочие конфигурации. Если уж на то пошло, ниже будет показано, что конфигурации неравенства в Западной Европе на рубеже веков вполне отвечали типу классового общества. Такие конфигурации пережили мировые войны и послевоенные десятилетия, воспроизводясь главным образом посредством социально-политиче-

ского форматирования в контексте корпоративистских соглашений. Во-вторых, данную типологию следует использовать для картографирования *трендов*, а не классификации *кейсов*. С точки зрения этих целей, ее общность и идеальнотипическая природа не являются серьезными недостатками.

Пожалуй, наиболее противоречивым из дальнейших утверждений является то, что социальные неравенства в современных развитых обществах всё больше приближаются к четвертому из приведенных на рисунке 6.1 типов, то есть сложному («бесклассовому») неравенству. Это означает, что социальные неравенства в таких обществах все в большей степени формируются на основе множественных и гибридизированных матриц и что социальная сформированность слаба, результатом чего являются множественные, непрерывные и пересекающиеся иерархии, а также слабо артикулированные неустойчивые группировки. Такая конфигурация анализировалась в других работах под меткой «статусно-конвенциональной иерархии», подверженной *фрагментации* и *случайности* (Pakulski and Waters 1996). Сдвиг в сторону сложной стратификации следует рассматривать в историческом контексте дестратификации и классовой декомпозиции, к которым мы сейчас и перейдем.

Модерные тенденции — краткая история класса

Как отмечал Вебер, процессы формирования классов в Западной Европе, в первую очередь формирования сообществ рабочего класса, отражали скорее уникальное совпадение пространственной концентрации, хорошей коммуникации, четкого видения «классового врага» и, прежде всего, идеологического и политического лидерства, осуществляемого политической элитой социалистических движений. Политическим лидерам и активистам этих движений удалось убедить многочисленные группы работников физического труда (в первую очередь промышленных рабочих) в наличии у них общих экономических и политических интересов и необходимости приступить к выполнению предлагаемых программ социальных преобразований. Классовое сознание, солидарность и идентичность рабочих были во многом политическими достижениями. Они отражали относительно единообразные условия труда в фабричной системе, территориальную близость и, прежде всего, новые

возможности, предоставляемые бюрократизацией и демократизацией национальных государств в контексте военных мобилизаций. Даже тогда, когда функциональные, занятыйные и жизненностилевые дифференциации разрушали общность условий труда и образа жизни, классовое единство и идентичность могли поддерживаться посредством политической организации и обновленных идеологических апелляций. Перефразируя Пиццорно, именно политически привитая классовая идентичность позволила лидерам определить общие классовые интересы и эффективно апеллировать к ним. Эти политические и идеологические основы класса признавались даже наиболее радикальным крылом рабочеклассового движения, большевиками. Для Владимира Ленина и Дьёрдя Лукача именно партия, а если точнее, партийное руководство было подлинным представителем рабочего класса и его интересов.

Эмиль Дюркгейм предвидел фрагментацию «рабочих классов». Внутренняя сплоченность (солидарность) таких классов имела механически-идеологическую природу. Социальная артикуляция классового разделения и конфликта отражала скорее анонимные условия ранней индустриализации, чем «нормальную» тенденцию. Прогрессирующие функциональная дифференциация и индивидуализм, предсказанные Дюркгеймом, должны разрушить общность труда и интересов, а государство — поощрять занятыйные и синдикалистские группировки. Процессы социальных изменений в сочетании с социальной инженерией (нормативной регуляцией, поддерживаемой занятыйными группами, образованием, деятельностью государства и распространением гражданских религий) должны размывать и действительно размоют всеобъемлющие классовые идентичности и разделения. Идеологическими соперниками классовой солидарности станут социальное гражданство и национализм.

Эти предсказания по большей части сбылись. Процессы социальной дифференциации, прогрессирующей индивидуализации и постепенной ассимиляции расовых меньшинств и женщин в рабочую силу подорвали классовую формацию уже во второй четверти XX века. Этому также способствовали расширение гражданских прав, особенно социальных прав / права на благосостояние (social/welfare rights). Жизнь социальных классов продлевалась главным образом посредством идеологической и политической организации: идеологий, отсылающих к классам, классово ориентирован-

ными партийными программами и связанными с классом элитами. Сохранявшаяся «классовая политика» создавала для класса спасательный трос во времена стремительной дифференциации условий труда и образа жизни. Либеральный корпоративизм способствовал этому социально-политическому увековечиванию классовых идентичностей, поддерживая классовые партии и классовую политику («демократическую классовую борьбу» и корпоративистские соглашения). Как ни парадоксально, он вместе с тем притуплял классовые конфликты, настаивая на их институциональном регулировании (Dahrendorf 1959). Эти конфликты трансформировались в легализованные ритуалы национальных коллективных переговоров и торгов. Такие огосударствленные (*etatised*) и политически организованные классы дожили до волны дерегуляции и новой политики 1970-х годов.

Видение классов как идеологически и политически организованных сущностей для любого марксистского классового теоретика звучит как ересь. Однако это видение может помочь объяснить последовательные диагнозы классовой декомпозиции (Дарендорф), фрагментации (Липсет) и исчезающей классовой политики (Кларк). Оно позволяет нам говорить о том, как формирование классов сперва ослаблялось занятией дифференциацией и рыночной фрагментацией, далее было подорвано истечением срока действия корпоративистских соглашений и, наконец, уничтожалось декомпозицией классовых элит, организаций (партий и профсоюзов) и идеологий. Последнее явилось следствием отмирания корпоративизма и нарастания глобализации. Эти процессы исторической декомпозиции классового общества можно резюмировать в трех стадиях:

- I. Раннемодерные индустриализирующиеся общества (либеральный капитализм), в которых классовые разделения накладываются на сословные разделения, что положительно сказывается на формировании социальных классов. Социальное и политическое формообразование сильнее всего проявляется на обоих полюсах социального/властного спектра: класса работников физического труда и промышленной буржуазии. Либеральная идеология (делающая упор на равенство возможностей) и политическое гражданство разрушают сословные разделения. Это знаменует переход от сословной к классовой стратификации.

- II. Модерные индустриальные общества (организованный капитализм), в которых классовые разделения сильны и политически артикулированы (классовые партии, движения, идеологии и т. д.). Бюрократические и профессиональные иерархии сочетаются и накладываются на классовые разделения. Национально организованные неравенства управляются государствами в контексте корпоративистских соглашений. Развитие промышленности и урбанизация способствуют социальной артикуляции средних классов. Однако прогрессирующие занятость дифференциация и рыночная сегментация приводят к фрагментации основных классов. Это знаменует переход от классовой стратификации к гибридной стратификации.
- III. Поздне- и постмодерные, постиндустриальные общества (деорганизованный капитализм), в которых индустриальные классы переживают декомпозицию. Рушащиеся корпоративистские соглашения, глобализация, глубокая социальная дифференциация и прогрессирующий индивидуализм приводят к дальнейшей (идеологической и политической) классовой декомпозиции и дестратификации. Конвенциональные статусные неравенства, возникающие в процессе классовой декомпозиции, неустойчивы и напоминают статусный базар. Это знаменует переход от гибридной стратификации к сложному (бесклассовому) неравенству.

К сложным (бесклассовым) неравенствам

Сдвиг к третьей стадии знаменует изменение конфигурации социальных неравенств. Если воспользоваться геологической аналогией (лежащей в основе стратификационной метафоры), постмодернизация представляет собой землетрясение, уничтожающее прежде хорошо артикулированные, кластеризованные и расслоенные классовые и статусные формации. Само понятие стратификации следует критически пересмотреть, чтобы приспособить его образный ряд и концепты к сложной, однако менее стратифицированной и менее национально организованной социальной конфигурации неравенств.

Главной движущей силой поздне- и постмодерного сдвига является социальная дифференциация, являющаяся функциональ-

ной, социальной и моральной по своей природе¹⁶. Дифференциация подразумевает не только специализацию функций, появление новых различий и формирование новых границ, но также все большую прозрачность этого процесса, все большие рефлексивность и осознанность традиционного и социального характера процесса формирования границ. Эта прозрачность лишает процесс социальной дифференциации его «естественности». Кроме того, она проблематизирует центрально организованное социальное воспроизводство различий и социальных границ. Как следствие эти границы становятся локализованными и неустойчивыми, а их долговечность обеспечивается организационной поддержкой. Поскольку последняя обходится дорого (в экономическом и социальном смысле), социальная формация затрудняется. Новым статусным конвенциям, создаваемым в процессе дифференциации, недостает постоянства; нормы оспариваются, а границы становятся подвижными и проницаемыми. Как отмечает Пьер Бурдьё, границы того, что он называет «современными классами», подобны мерцанию пламени.

Постоянная и интенсивная дифференциация подрывает существующие социальные формации. Фрагментация и специализация задач сопровождается их переопределением, в первую очередь в сферах высокотехнологичного производства и обслуживания, в форме «гибко специализированных» групп задач (см., напр.: Piore

¹⁶ Логика этих процессов была центральным элементом социального анализа от Эмиля Дюркгейма до Пьера Бурдьё. К нововведениям относятся: (1) Гибкая специализация, разрушающая согласованность занятийных задач и гомогенность занятийных категорий. Распространение ролей, требующих гибкости и адаптируемости. Увеличение области гибкого трудоустройства. (2) Расширение области и многообразия рыночных транзакций в силу тенденции к распространению статуса товара на новые аспекты человеческой деятельности и ее продуктов (например, бренды, программное обеспечение). Доступ к информации, знаки и символы становятся важными аспектами жизненных шансов. (3) Распространение горизонтальных сетей внутри и между бюрократическими корпоративными иерархиями. Снижение прозрачности иерархических отношений. (4) Все более тесные социальные отношения, чему способствует расширение доступа к новым коммуникационным и информационным технологиям. (5) Рост потребления, особенно символических благ и услуг. Распространение жизненных стилей и социальных идентичностей, связанных с потребительскими стилями и вкусами.

and Sabel 1984). Другим следствием этой гибкой специализации является дальнейшее размывание функциональных ролей, дальнейшая фрагментация занятийных категорий и дальнейшая эрозия карьер. Частая смена работ, в частности на смежные, с чем ныне сталкивается все больше работников сферы обслуживания, сопровождается также дифференциацией вознаграждений и условий труда. Качественные факторы (рабочая среда, гибкий график, экологическая безопасность, воздействие стресса и т. п.) становятся важными аспектами, превращаясь в результате в часть все более сложных и также дифференцированных критериев статусной оценки. При наличии множественной рыночной фрагментации сложно рассуждать о всеобъемлющей социальной иерархии. Социальная дифференциация размывает социальную стратификацию.

В наиболее развитых обществах влияние социальной дифференциации усиливается центральностью потребления. Растущий уровень достатка означает сокращение рабочего времени и увеличение количества времени, приходящегося на потребление. Тем самым демонстративное потребление распространяется по социально-экономической иерархии. Более того, как указывает Жан Бодрийяр (Baudrillard 1988), это потребление становится всё более символическим и всё более вплетенным в процессы социального упорядочивания. Классификации, кодирующие поведение и формирующие матрицы группообразования, всё дальше отстраняются от производственных/трудовых отношений, материальных потребностей и интересов. Цели потребителя, всё более семантические по своей природе, начинают действовать как автономные социально-структурирующие системы. Такая структура способствует скорее социальной дифференциации, нежели стратификации (поскольку связанная с расходами деятельность плохо поддается согласованному оцениванию), и приводит к слабым и неустойчивым формациям.

Составной частью социальной дифференциации является прогрессирующий индивидуализм. Дюркгейм и Зиммель предполагали, что это одновременно и причина, и следствие социальной дифференциации. По Дюркгейму, индивидуализм сопутствует «органичной» социальной сплоченности и поощряет скорее комплементарные различия, а не сходства. Будучи вознесен либеральной идеологией в статус социального «метапринципа», индивидуализм подрывает дальнейшие коллективистские проекты,

препятствуя формированию социальных классов. В высоко индивидуализированной культуре слабые и преходящие связи преобладают над сильными и долгосрочными коллективными узами. Достижение и культивирование групповых солидарностей усложняются, если только речь не идет о краткосрочной перспективе и обороне. С другой стороны, индивидуализм поощряет образование временных ассоциаций на основе слабых связей и стилизованных квазигруппировок, типичных для индустрии моды. Это, впрочем, скорее аспекты социальной дифференциации, нежели стратификации.

Сочетание процессов дифференциации и индивидуализации влияет на паттерны отношений в общностях, расширяя плюрализм ценностей и жизненных стилей. Усиливающееся взаимопроникновение ценностных систем, сопровождающее процесс глобализации, дополнительно способствует этому процессу и усиливает его. Статусные стандарты и лежащие в их основе ценностные системы становятся все более сложными и открытыми перед вызовами, а потому неспособными поддерживать стабильные иерархии. Старые статусные группировки либо исчезают, либо распадаются, поскольку закрытия и систематические исключения с большой долей вероятности оспариваются. Если формируются новые статусные общности/сообщества, для поддержания их позиций требуется непрерывное возобновление договоренностей. Как следствие, формирование статусных групп затрудняется. Преобладают слабые, временные и локализованные образования.

Дальнейшее распространение гражданства в плане социальных прав / права на благосостояние были пресечены. Однако распространение требований касательно прав продолжается, главным образом в культурной/символической сфере — в отношении прав на достойное, нестигматизирующее отображение в популярных СМИ. Это опять же означает, что системы социальных дистанций и дискриминаций, лежащие в основе образования статусных групп, становится всё сложнее легитимировать и поддерживать. Расовые, этнические, возрастные, гендерные и другие формы дискриминации опротестовываются на моральном, политическом и символическом уровнях. Они подвергаются сомнению даже в качестве терминологических различий — этот феномен часто критикуется под обозначением «политкорректность». Они по-прежнему структурируют отношения и социальные дистанции, но, утра-

тив поддержку со стороны религии, закона, морали, обыденной идеологии и даже политкорректных лингвистических конвенций, делают это неявно и локализованно. Иными словами, либеральное гражданство препятствует статусной стратификации, хотя статусные неравенства сохраняются.

Массовая демократизация действует схожим образом. Как и предполагал Вебер, она делает всё более резкий крен в сторону плебисцита или популизма. Разрушение организованных «народных партий» (“Volksparteien”), включая массовые классовые партии, и расцвет сферы новой политики ломают корпоративистские ограничения в отношении политической артикуляции и организации. Это еще больше подрывает социальную формацию. Как показывают Кларк и Липсет (Clark and Lipset 2001), паттерны политической ассоциации уходят как от социальных расколов, так и от старых коллизий Левого и Правого в их идеологической упаковке, развивавшихся в контексте «демократической классовой борьбы». «Новая политическая культура» является проводником политической фрагментации и кратковременных альянсов; она отражает «политику одного вопроса» и реагирует на кратковременные мобилизации протестных движений, а не организованные и основанные на классах расколы и политики.

Заключение

Если изложенный выше диагноз постмодерных тенденций верен, классовые неравенства и разделения индустриальной эры и далее будут уступать место сложному неравенству. По ходу этих сдвигов релевантность классового анализа обречена и дальше снижаться. Не потому что он ошибочен, а потому что фокусируется на исчезающих социальных конфигурациях. Более общие формы социального анализа, признающие изменение конфигураций неравенства, могут дать социологии более адекватные аналитические и теоретические инструменты. Такие инструменты были обнаружены в классическом наследии токвилевской, дюркгеймовской и веберовской социологии неравенства. Социальный анализ, построенный на таких аналитических и теоретических основаниях, лучше, нежели классовый анализ, отвечает «постмодерным условиям», характеризующимся ростом социальной сложности. Он конкретизи-

рует концепцию класса и отбрасывает предположения о примате классовой структуры как стержня социальной структуры и матрицы социальной стратификации.

Какая из стратегий — реконструкция и обновление классовой теории и анализа, предлагаемые другими соавторами этого сборника, или предлагаемое в данной главе развитие основанного на широкой базе социального анализа неравенства и антагонизма — лучше, то есть способна более эффективно высветить и учесть современные конфигурации социального неравенства и антагонизмов? Вердикт по этому вопросу, следует подчеркнуть, еще предстоит вынести. И, учитывая парадигматическую природу конкурирующих аналитических и теоретических конструкторов, не исключено, что его придется дожидаться еще очень долго¹⁷. В итоге, окончательное решение по этим дебатам, скорее всего, придет как из академического сообщества, которое протестирует валидность классовых теорий в сравнении с их неклассовыми конкурентами, так и от практикующих политиков, которые возьмут на вооружение самые популярные и многообещающие концепты и объяснения.

¹⁷ См. обсуждение конкурирующих парадигм в: (Pakulski 2001).

Заключение: Если «класс» — это ответ, то в чем состоит вопрос?

Эрик Олин Райт

Конкретные определения и разработки концепта «класс», рассмотренные в данной книге, обуславливаются различными видами вопросов, ответом на которые считается класс. Определение концепта, который должен помочь ответить на вопрос о широких исторических различиях социальной организации неравенства, скорее всего, будет сильно отличаться от определения концепта, используемого для ответа на сравнительно узкий вопрос о субъективной идентичности индивидов в современном обществе. Эти вопросы, в свою очередь, встроены в широкие теоретические основания. Это как раз одна из функций теоретических оснований: помогать ставить вопросы. Вопросы генерируются не просто любопытством и воображением при их столкновении с эмпирическим миром; они генерируются столкнувшимися с эмпирическим миром любопытством и воображением, которые организованы теоретическими допущениями и вдохновлены нормативными проблемами. Именно эти допущения и проблемы задают специфику вопросов и демаркируют задачи, которые призван решить концепт класса. Таким образом, один из способов систематизировать рассматриваемые в данной книге точки зрения на класс заключается в соотнесении их с перечнем значимых вопросов, поставленных в рамках классового анализа. Этому и будет посвящен данный раздел книги.

Особо важны следующие шесть вопросов, в ответах на которые слово «класс» зачастую играет центральную роль:

1. *Положение в системе распределения:* «Как люди объективно локализованы в системе распределения материального неравенства?»

2. *Субъективно значимые группы*: «Чем объясняется то, как люди — в индивидуальном или коллективном порядке — субъективно локализуют себя и других в структуре неравенства?»
3. *Жизненные шансы*: «Чем объясняется неравенство жизненных шансов и материального уровня жизни?»
4. *Антагонистические конфликты*: «Какие социальные расколы систематически формируют открытые конфликты?»
5. *Историческая вариативность*: «Как можно охарактеризовать и объяснить вариативность социальной организации неравенств на протяжении истории?»
6. *Эмансипация*: «Какого рода преобразования необходимы для ликвидации угнетения и эксплуатации в капиталистических обществах?»

Разумеется, этот список можно так или иначе расширить. К примеру, класс часто используется как часть ответа на вопросы вроде «Почему люди голосуют за определенные политические партии?» или «Как объяснить многообразие потребительских практик, вкусов и жизненных стилей людей?». Однако такие вопросы обыкновенно связаны с одним либо с несколькими из перечисленных выше. Скажем, вопрос о голосовании тесно связан с проблемами объяснения жизненных шансов, субъективной идентичности и антагонистических конфликтов, поскольку существенной причиной того, что классовые различия можно считать связанными с голосованием, является противопоставление интересов и идентичностей людей из разных классов. Аналогично, вопрос жизненных стилей тесно связан с вопросами жизненных шансов и субъективной идентичности. Поскольку уже перечень из шести вопросов продуцирует весьма сложный способ отображения разнообразия оснований классового анализа, для текущих целей я ограничусь этим списком.

Рассматриваемые в книге подходы к классовому анализу выстраивают свои концепты класса, позволяющие дать ответ на различные кластеры этих вопросов. В таблице 7.1 приведены три разновидности связи конкретного вопроса с тем или иным подходом к классовому анализу. Во-первых, вопрос может составлять *первичный узел* (*primary anchor*) конкретного подхода. К таковым относятся вопросы, фундаментальнее всего связанные с более широким теоретическим основанием, в рамках которого ставятся

задачи классового анализа. Первичные узловые вопросы определяют основные критерии, которым должен соответствовать данный концепт класса, чтобы функционировать в рамках повестки дня данного теоретического подхода. Если можно показать, что класс, определяемый в соответствии с данным подходом, не является значимой частью ответа на первичный узловой вопрос данного подхода, это означает, что либо определение концепта класса в рамках такого подхода нуждается в существенной доработке, либо требуется некое фундаментальное преобразование более широких теоретических оснований. Во-вторых, некоторые вопросы являются частью основной теоретической повестки дня какого-либо подхода к классовому анализу, но при этом занимают подчиненное положение относительно первичного узлового вопроса. Эти *вторичные узловые вопросы* помогают обозначить объяснительные и описательные границы предлагаемого концепта класса, но не задают исходные критерии для данного определения класса. Если можно показать, что класс, определяемый в соответствии с каким-либо подходом, не помогает ответить на данные вопросы, это сужает теоретические притязания данного концепта, но не обязательно подвергает сомнению его основное назначение. Наконец, некоторые вопросы могут играть определенную роль в широкой эмпирической исследовательской программе классового анализа, но представлять второстепенное значение для его теоретической структуры.

Теперь рассмотрим каждый из этих вопросов и выясним, как они связаны с описанными в книге различными подходами к классовому анализу. Конечно, эта задача не из простых, поскольку обсуждаемые в данной книге теоретические подходы не выстраивают свои исследовательские программы непосредственно в терминах данных конкретных вопросов и восходят к более чем одному из них. Поэтому я разослал эту главу книги всем ныне живущим соавторам, предложив им прокомментировать мои оценки, и впоследствии отредактировал ее в свете полученных комментариев. Нельзя сказать, что соавторы во всем согласились с моими характеристиками их утверждений, однако серьезных возражений по поводу представленных здесь формулировок не было¹⁸.

¹⁸ Дэвид Граски после ознакомления с черновым вариантом данного заключения поднял несколько вопросов. В частности, он считал, что его подход

Таблица 7.1 Шесть основных вопросов классового анализа

Подход к классовому анализу	1. Положение в системе рас-пределения	2. Субъективно значимые группы	3. Жизненные шансы	4. Антагонистические конфликты	5. Историческая вариативность	6. Эмансипация
Массовое сознание	***	*	**	*		
Дэвид Граски (неодоркгейм-анский подход)	**	***	**	*	*	
Ян Пакульски	**	***	**	**	**	
Пьер Бурдьё	**	**	***	*		
Ричард Брин и Джон Голдторп (неовербернианский подход)	**	*	***	*		
Ааге Соренсен	**	*	**	***		
Макс Вебер	*	*	**	*	***	
Эрик Олин Райт (неомарксистский подход)	*	*	**	**	**	***

*** — первостепенный узловый вопрос для данной концепции класса;

** — второстепенный узловый вопрос (подчиненный первостепенному узловому);

* — дополнительный вопрос, затрагиваемый в классовой концепции, но не являющийся основным для нее.

Вопросы, в ответах на которые фигурирует «класс»:

1. *Положение в системе распределения*: «Как люди объективно локализованы в системе распределения материального неравенства?»

2. *Субъективно значимые группы*: «Как люди, в индивидуальном или коллективном порядке, субъективно локализуют себя и всех остальных в рамках структуры неравенства?»

3. *Жизненные шансы*: «Чем объясняется неравенство жизненных шансов и уровней жизни?»

4. *Антагонистические конфликты*: «Какими социальными расколами систематически формируются открытые конфликты?»

5. *Историческая вариативность*: «Как следует характеризовать и объяснять изменчивость социальной организации неравенств на протяжении истории?»

6. *Эмансипация*: «Какого рода преобразования необходимы для ликвидации эксплуатации в капиталистических обществах?»

Положение в системе распределения

Класс зачастую играет центральную роль в ответе на вопрос: «Как люди *объективно локализованы* в системе распределения материального неравенства?» В этом случае класс определяется в терминах материального уровня жизни, показателем которого обычно служит доход или, как вариант, богатство. В этой программе класс является *градационным* концептом; как правило, это изображается в виде ступенек лестницы, обозначаемых, соответственно, как высший класс, верхний средний класс, средний класс, нижний средний класс, низший класс, андеркласс¹⁹. Именно такое понимание класса ярче прочих выражено в повседневном дискурсе, по крайней мере, в странах вроде США, не имеющих развитой политической традиции, связанной с рабочим классом. Когда американские политики призывают «урезать налоги для среднего класса», обычно они подразумевают снижение налогов для людей, находящихся посередине в системе распределения доходов. В этом контексте класс противопоставляется другим способам объективной локализации людей внутри социальных структур, например, в соответствии с их гражданским статусом, властными полномочиями или подверженностью институционализированным формам приписываемой дискриминации.

к классовому анализу на самом деле восходит к очень широкому вопросу о микроуровневых вариациях индивидуальных эффектов, и, соответственно, предложил дополнительный узловой вопрос: «*Индивидуально-уровневые эффекты*: Чем объясняются индивидуально-уровневые различия жизненных шансов, стилей жизни, установок, политического поведения и прочих форм институционализированного участия (таких, как брак, членство в профсоюзе, религиозная принадлежность, членство в других добровольных организациях)?» В ответ на это я переформулировал некоторые положения данной главы, однако я считаю, что первые три из приведенных выше вопросов в достаточной степени покрывают эти микроуровневые вопросы, поэтому включать в список дополнительный вопрос нет необходимости.

¹⁹ Различия между *градационной* и *реляционной* концепциями класса изложены в трудах Оссовски (Ossowski 1963 [1958]) и Райта (Wright 1979, pp. 5–8).

Субъективно значимые группы

Слово «класс» иногда фигурирует в ответах на вопрос: «Как люди, в индивидуальном или коллективном порядке, локализуют себя и других в рамках структуры неравенства?» Одним из возможных вариантов ответа на этот вопрос является класс. В этом случае концепт будет определяться примерно так: «Классы — это социальные категории, обуславливающие субъективно значимый опыт (*subjectively-salient experiences*), определяющий идентичности, используемые людьми для локализации этих категорий в системе экономической стратификации»²⁰. При такой дефиниции содержание указанных оценочных атрибутов будет существенно меняться в зависимости от времени и места. В некоторых контекстах класс-как-субъективная-классификация будет строиться вокруг стилей жизни, в других — вокруг детализированных занятий, в каких-нибудь еще — вокруг уровней доходов. Иногда экономическое содержание субъективной классификационной системы выражено совершенно непосредственно — в уровнях доходов или категориях занятий; в других контекстах — более опосредованно, скажем, в выражениях вроде «высший класс». Количество классов также меняется от контекста к контексту в зависимости от того, как сами акторы в социальной ситуации переживают и определяют релевантные классовые различия и значимые группы. В этом смысле слова класс будет противопоставляться другим формам субъективно значимого оценивания — религиозного, этнического, гендерного и др., которые также могут иметь экономическое измерение, но не в первую очередь определяются в экономических терминах.

Вопрос о формировании субъективной идентичности играет особенно важную роль в трех из рассмотренных в данной книге подходов. Одной из ключевых тем классового анализа Пьера Бурдьё, развиваемого Элиотом Вайнингером, является значимость символических классификаций, которые связаны с различиями

²⁰ Из данного определения никак не следует, что определяемый таким образом класс может обеспечить объяснение субъективной идентичности и классификации. Класс тогда рассматривается как процесс генерирования опыта, однако для преобразования опыта в идентичности необходимы культурные практики. Это культурное посредничество в отношениях между классом и идентичностью является особо значимым лейтмотивом работы Бурдьё.

стилей жизни и коллективных идентичностей. Символические классификации и борьба по поводу этих классификаций не обязательно разворачиваются вокруг класса, однако постольку, поскольку эти символические классификации связаны с классовыми различиями в жизненных шансах, они и соответствующие им идентичности становятся центральным элементом классового анализа Бурдые.

Субъективная идентичность играет ключевую роль и в разрабатываемых Дэвидом Граски и Яном Пакульски подходах к классу. Граски идентифицирует классы в терминах «реальных», в его понимании, групп в противовес просто номинальным классификациям. «Реальной» ту или иную группу делает тот факт, что границы, определяющие данную группу, обусловливают реальные микроуровневые влияния на жизненные шансы и опыт входящих в группу индивидов значимым для их идентичности, солидарности и действия образом. С данной точки зрения, в современных развитых рыночных обществах, подобных США, такие реальные, субъективно значимые границы соответствуют относительно дезагрегированным занятийным категориям, а не «большим классам», постулируемым в традиционных марксистском и веберианском подходах к классу. Дезагрегированные занятийные категории институционализируются так, что систематически генерируют разного рода значимый опыт и возможности для людей, тем самым превращая эти категории в реальные группы, то есть группы, наделенные субъективным смыслом, и важные, а не просто формальные классификации. Пакульски также помещает в центр своего подхода к классовому анализу проблему субъективной идентичности и групповой формации. В недалеком прошлом был период — с некоторого момента в XIX веке до середины XX века, — когда вокруг экономических неравенств в рамках рынка и сферы производства действительно формировались стабильные групповые идентичности. Однако, утверждает он, к концу XX века эти экономически укорененные групповые идентичности разрушились — границы стали размытыми, жизнь человека так или иначе уже не вписывалась в прежние классовые категории и гораздо более важными становились иные идентичности. Итак, Пакульски утверждает, что класс более не является релевантным ответом на вопрос: «Чем объяснить, каким образом люди,

в индивидуальном или коллективном порядке, локализуют себя и других в рамках структуры неравенства?»²¹

Жизненные шансы

Пожалуй, самый известный вопрос в современных социологических исследованиях, ответ на который отчасти сводится к классу, формулируется так: «Чем *объясняется* неравенство жизненных шансов и материальных уровней жизни?» Этот вопрос так или иначе затрагивается практически во всех подходах к классовому анализу. Вопрос этот более сложный и настоятельный, чем первый, касающийся места в системе распределения, поскольку в этом случае требуется не просто описательно ранжировать людей в рамках некоей системы стратификации, но идентифицировать причинно-следственные механизмы, помогающие определить характерные черты этой системы. Как правило, когда класс используется для объяснения неравенства, данный концепт в первую очередь определяется не через субъективно значимые атрибуты социального положения, а через *отношение людей к доходо-генерирующим ресурсам*, или разного рода активам. Таким образом, класс становится не просто *градационным*, но *реляционным* концептом. В таком применении класс противопоставляется многочисленным прочим детерминантам жизненных шансов человека — таким, к примеру, как географическое положение, формы дискриминации, коренящиеся в аскриптивных характеристиках (вроде расы или пола), генетическая одаренность. Само собой, географическое положение, дискриминация и генетическая одаренность вполне могут фигурировать в ана-

²¹ Различия между Граски и Пакульски в их анализах данных вопросов обнаруживаются скорее в том, каким образом они предпочитают использовать слово «класс», нежели в их содержательных аргументах. Граски использует слово «класс» для обозначения сильно дезагрегированных субъективно значимых занятийных групп. Пакульски использует это слово в более традиционном значении, ограничивая его применение теми категориями, которые Граски называет «большими классами» (“big classes”). Так или иначе, и Граски, и Пакульски утверждают, что такого рода широкие социальные категории, которые и марксисты, и веберианцы идентифицируют как «классы», более не являются субъективно работающими идентичностями когерентных групп с реальными границами.

лизе класса — так, они могут играть важную роль в объяснении, почему разные типы людей оказываются в разных классах, — но определение класса как такового фокусируется на характере связи между людьми и вышеупомянутыми доходо-генерирующими активами.

Проблема жизненных шансов тесно связана с нормативным вопросом равенства возможностей. В либеральных обществах очень широко распространено мнение, что сами по себе неравенства материальных вознаграждений и статуса не являются морально неприемлемыми до тех пор, пока индивиды имеют равные возможности добиться этих самых вознаграждений. Этот вопрос особенно значим в терминах межпоколенческой мобильности — в какой мере дети, рожденные в семьях с разным экономическим положением, имеют равные возможности добиться успеха в жизни, — однако он касается также внутриспоколенческих возможностей. Таким образом, равенство жизненных шансов является фоновой нормативной идеей при обсуждении класса как детерминанты жизненных шансов.

Объяснение различий жизненных шансов играет ту или иную роль во всех подходах к классовому анализу, однако особо важно оно в традициях Маркса, Вебера и Бурдьё. Последователи каждой из этих трех традиций использовали концепт класса, говоря о том, насколько глубоко способы взаимосвязи людей с различными видами ресурсов задают их возможности и жизненные стратегии. Однако эти три традиции классового анализа различаются конкретной разработкой данного вопроса и его относительной значимостью для их исследовательских программ в целом. Эти различия подытожены в таблице 7.2.

Основную идею классового анализа жизненных шансов передает формула «то, что ты имеешь, определяет то, что ты получаешь». Однако при этом остается открытым вопрос о диапазоне ресурсов либо активов, подразумеваемых под «тем, что ты имеешь», и о том, какого рода результаты относятся к тому, «что ты получаешь». Наиболее расширительно трактуемое понятие ресурсов и самая широкая концепция жизненных шансов, вне всякого сомнения, принадлежат Бурдьё. В классовом анализе Бурдьё релевантные для ответа на вопрос жизненных шансов ресурсы включают финансовые активы (капитал в обычном смысле слова), навыки и знания (то, что зачастую называется человеческим капиталом) и

Таблица 7.2 *Вопрос жизненных шансов у Маркса, Вебера и Бурдьё*

	Значимые ресурсы, формирующие жизненные шансы			Относительная центральность трех вопросов классового анализа		
	капитал и труд	челове- ческий капитал	культур- ный капитал	жизнен- ные шансы	историче- ская вари- ативность	эмансипа- ция
Маркс	х			3	2	1
Вебер	х	х		2	1	
Бурдьё	х	х	х	1		

самое характерное — то, что он называет культурным капиталом²². Бурдьё также оперирует весьма широко трактуемым понятием области релевантных для классового анализа жизненных шансов, поскольку относит к таковым не только материальный уровень жизни в узкоэкономическом смысле, но и шансы на получение символических вознаграждений, ключевых для неравенств социального статуса. Таким образом, для Бурдьё жизненные шансы на обретение как материальных благ, так и символического статуса определяются отношением к трем формам капитала. Маркс же, напротив, оперирует самым ограниченным набором релевантных для данного вопроса ресурсов. По крайней мере в его относительно систематических рассуждениях о классе единственными активами,

²² Работы Бурдьё неоднозначны в плане того, сколько именно концептуально различных форм капитала должно фигурировать в анализе жизненных шансов. С одной стороны, Элиот Вайнингер (Lareu and Weininger 2003) утверждает, что считать культурный капитал и человеческий капитал различными «формами капитала» бессмысленно. С другой стороны, есть основания утверждать, что для понимания классовых различий в жизненных шансах важен также «социальный капитал» — четвертый тип капитала, обсуждаемый Бурдьё (но обыкновенно не как однопорядковый с прочими формами капитала при объяснении жизненных шансов). Социальный капитал состоит главным образом из социальных сетей, в которые встроены люди и которые так или иначе способствуют достижению ими различных целей (а значит, и их «жизненным шансам»). В данном контексте решение этих вопросов не столь важно. Важно отметить, что Бурдьё берет на вооружение более широкое понятие ресурсов, фигурирующее в классовом анализе жизненных шансов, чем обыкновенно используется в неовеберянском или неомарксистском классовом анализе.

по-настоящему важными для определения класса в капиталистическом обществе, являются капитал и рабочая сила. Классовый анализ Вебера занимает промежуточное положение, поскольку он, подобно Бурдье, явным образом включает в рассмотрение навыки как отдельный вид ресурсов, формирующих рыночные возможности (market capacities), а значит, и жизненные шансы в рыночном обществе. Неовеберовцы, такие как Брин и Голдторп, часто дополняют эти рыночные возможности специфическими для определенной работы атрибутами (такими, как властные полномочия и ответственность за технически сложные задачи), также влияющими на жизненные шансы людей, занятых на подобных работах²³.

Вторым аспектом, в котором эти три традиции различаются относительно вопроса жизненных шансов, является степень, в которой данный конкретный вопрос является узловым для их исследовательских классовоаналитических программ в целом. Одной из причин, почему марксисты часто берут на вооружение относительно ограниченное понимание релевантных для ответа на вопрос жизненных шансов ресурсов, является более глубокая укорененность их концепта класса в вопросах социальной эмансипации и исторической вариативности, чем в вопросе об индивидуальных жизненных шансах как таковых. Этим может объясняться, почему неомарксисты, пытаясь систематически разрабатывать проблему жизненных шансов, нередко инкорпорируют в свой классовый анализ веберовские идеи.

Главным узловым моментом в Веберовом анализе класса является также не столько вопрос жизненных шансов, сколько (как я подробнее аргументирую ниже) вопрос о широкой исторической вариативности. Его особое внимание к рыночным возможностям в вопросе жизненных шансов проистекает из его теоретических интересов, касающихся исторической вариативности и отличительных особенностей капитализма как высокорационализованной

²³ Властные полномочия и технически сложные задачи на рабочем месте являются «активами» несколько не в том смысле, в котором ими являются капитал и навыки, поскольку индивид не вполне «владеет» полномочиями или сложными задачами. Тем не менее, поскольку люди на таких рабочих местах все же имеют самый что ни на есть контроль над реализацией полномочий и сложных задач и поскольку это действительно открывает им дорогу к доходо-генерирующим привилегиям, не будет слишком большой натяжкой присовокупить их к общей веберовской концептуализации класса.

формы рыночного общества. У многих неовеберянцев, в особенности тех, чьи эмпирические интересы ограничиваются анализом развитых капиталистических обществ, вопрос широкой исторической вариативности зачастую уходит на задний план, в силу чего на практике главным узловым моментом классового анализа становится вопрос жизненных шансов.

В классовом анализе Бурдье вопрос жизненных шансов играет главнейшую роль. Для него широкие вопросы эпохальной исторической вариативности и вопросы социальной эмансипации относительно периферийны и не накладывают существенных ограничений на разработку его классовой концепции. Для Бурдье ключевые вопросы классового анализа обнаруживаются на пересечении вопроса жизненных шансов и проблемы субъективной идентичности.

Антагонистический конфликт

Четвертый вопрос классового анализа придает сложности внутренней объяснительной функции концепции класса: «Какие социальные расколы систематически формируют открытые антагонизмы и конфликты?» Как и третий вопрос, этот вопрос предполагает концепт класса, тесно связанный с причинами неравенства экономических возможностей, но здесь данный концепт призван выявить те аспекты экономического неравенства, которые генерируют антагонизмы интересов и, таким образом, имеют тенденцию генерировать открытый конфликт. Классы должны определяться не просто общностью условий, генерирующих экономические возможности, но именно этими конкретными кластерами общих условий, которым свойственно сталкивать людей лбами в их стремлении воспользоваться этими возможностями. В данном случае класс будет противопоставляться, с одной стороны, неэкономическим источникам социального раскола, таким как религия или этническая принадлежность, а с другой стороны — неклассовым формам экономического расслоения, таким как сектор экономики или географический регион.

Особо выпукло вопрос оснований антагонистического конфликта фигурирует в марксистской традиции, хотя в немарксистских теоретических традициях класс также играет свою роль в

объяснении социального конфликта. Вебер определенно рассматривает класс как потенциальное основание для конфликтов, однако явно отвергает любые утверждения о том, что генерирование открытых конфликтов классовыми отношениями является неотъемлемой общей тенденцией классовых отношений (что классовым отношениям вообще присуще порождать открытые конфликты). Маркс же, напротив, рассматривал конфликт как неизбежное следствие классовых отношений. Это не значит, что Маркс считал взрывоподобный классовый конфликт неизменной чертой капиталистического общества, однако он определенно полагал, во-первых, что капиталистические общества должны характеризоваться повторяющимися эпизодами интенсивных противостояний, генерируемых антагонистическими классовыми интересами, а во-вторых, что с течением времени эти эпизоды будут иметь систематическую тенденцию к интенсификации²⁴ (что должна быть систематическая тенденция интенсификации подобных эпизодов со временем). Хотя афоризм «классовая борьба — движущая сила истории» представляет собой чрезмерное упрощение Марксовой теории исторической динамики, он все же выражает важность проблемы конфликта для его концепции класса.

Когда один из центральных вопросов классового анализа состоит в объяснении конфликта, велика вероятность того, что особо важную роль будет играть концепт вроде «эксплуатации». У Маркса и большинства неомарксистов он разрабатывается в терминах процесса, посредством которого трудовые усилия одного класса присваиваются другим классом. В подходе к классу Ааге Соренсена эксплуатация рассматривается в терминах процесса, посредством которого извлекается экономическая рента. В обоих случаях конфликты интересов не считаются случайными свойствами

²⁴ На этих двух ожиданиях основываются два поразительных теоретических утверждения классического марксизма. Тезис о том, что капитализм будет характеризоваться повторяющимися эпизодами интенсивного классового конфликта, является основанием тезиса о том, что капиталистическим обществам для воспроизводства необходима политическая и идеологическая «надстройка», поскольку в отсутствие таких институтов эти взрывоподобные конфликты обуздать невозможно. Тезис о тенденции интенсификации классовых противостояний с течением времени является основным элементом предсказания, что капитализм в конце концов преобразится посредством революционной борьбы.

класса, а рассматриваются как встроенные в саму структуру классовых отношений²⁵.

Историческая вариативность

Пятый вопрос классового анализа концентрируется на широкой макроуровневой проблеме: «Как следует характеризовать и объяснять вариативность социальной организации неравенства на протяжении истории?»²⁶ Из этого вопроса проистекает необходимость скорее макроуровневого концепта, а не просто микроуровневого, охватывающего причинно-следственные процессы в жизни отдельных индивидов; кроме того, он требует концепта, допускающего макроуровневые вариации во времени и пространстве. Этот вопрос чрезвычайно важен и для марксистской, и для веберианской традиции, но эти две традиции трактуют проблему исторической вариативности совершенно по-разному.

В марксистской традиции важнейшим аспектом исторической вариативности неравенства является то, как экономические системы различаются *по способу создания и присвоения экономического излишка*. В этом плане капитализм противопоставляется феодализму на основании конкретных механизмов осуществления эксплуатации. При капитализме это происходит посредством способов, позволяющих рынкам труда дать неимущим рабочим возможность быть нанятыми капиталистами, а контроль капиталистов над процессом труда дает им возможность присваивать трудовые уси-

²⁵ Главным отличием рентного подхода к эксплуатации Соренсена от более марксистского подхода, основывающегося на присвоении труда, является то, что в последнем случае материальные интересы эксплуататора зависят от продолжительных, постоянных взаимодействий с эксплуатируемыми, а не просто от исключения доступа эксплуатируемых к ренто-генерирующему процессу. Как уже отмечалось в главе 1, я называю эксплуатацию соренсеновского типа «неэксплуатирующим угнетением». Более подробное марксистское обсуждение подхода Соренсена приведено в: (Wright 2000).

²⁶ В данном случае я облек этот вопрос в форму проблемы исторической *вариативности*, а не исторической *траектории* или исторического *развития*. Конечно, классический марксизм занимался не просто описанием структурных различий в разные исторические эпохи, но выработкой общего теоретического объяснения траектории исторического развития («исторического материализма»).

лия рабочих. В отличие от этого, при феодализме землевладельцы изымают у крестьян излишек, прямо применяя власть принуждения. Оба этих способа организации экономических отношений образуют классовые структуры, поскольку оба строятся на присвоении экономического излишка эксплуатирующим классом, однако они качественно разнятся ввиду процесса, посредством которого он достигает этого.

Для Вебера же главной проблемой исторической вариативности является *относительная значимость различных форм неравенства*, прежде всего класса и статуса²⁷. В этих терминах критическое противопоставление капитализма и феодализма — это не противопоставление двух типов классовых структур, а противопоставление общества, в рамках которого класс является фундаментальной основой власти и неравенства, и общества, в рамках которого этой фундаментальной основой является статус. При феодализме классы существовали, поскольку существовали рынки, а значит и люди, вовлеченные в рыночные обмены с различными ресурсами и рыночными возможностями, однако рыночная система была подчинена статусному порядку, самым фундаментальным образом определявшему преимущества и ограничения лордов и крестьян.

Проблема исторической вариативности также играет определенную роль в спецификации концепта класса в анализах Яна Пакульски и Дэвида Граски, однако в их случае главным вопросом является вариативность во времени классовости социального неравенства *в рамках* истории развития капитализма. Для Пакульски и Граски класс (или «большие классы» в анализе Граски) описывает социальную организацию неравенства в конкретный период развития капитализма, примерно с начала промышленной революции до постиндустриальной (или постмодерной) эры. В данном случае вопрос не в относительной значимости классового порядка и статусного порядка, как у Вебера, и не в крупномасштабной исторической вариативности форм эксплуатации, как у Маркса, а в переходе от высокоструктурированной и когерентной систе-

²⁷ Историческая вариативность относительной значимости различных аспектов неравенства тесно связана с более общим лейтмотивом исторической социологии Вебера — проблемой *рационализации*. Для Вебера класс — наиболее полно рационализованная форма экономического неравенства. Обсуждение взаимосвязи рационализации и класса в классовом анализе Вебера приведено в: (Weber 2002).

мы неравенства в промышленном капитализме к фрагментированной, пересекающейся системе сложных/комплексных неравенств в постмодерных обществах.

Эмансипация

Наиболее спорный из задаваемых социальными теоретиками вопросов, важной частью ответа на которые является класс, звучит так: «Какого рода преобразования необходимы для ликвидации экономического угнетения и эксплуатации в капиталистических обществах?» Этот вопрос предполагает не просто выработку программы поиска объяснения механизмов генерации экономических неравенств, но нормативное суждение об этих неравенствах — мол, это формы угнетения и эксплуатации — и нормативное видение преобразования этих неравенств как части политического проекта освободительных социальных изменений.

Я полагаю, что именно этот вопрос является наиболее фундаментальным узловым вопросом марксистского подхода к классовому анализу и именно он придает всем остальным узловым вопросам особую смысловую направленность. В контексте марксистской освободительной повестки проблема исторической вариативности предполагает попытку понять возможные будущие формы социальных отношений, при которых присущие капиталистическим классовым отношениям эксплуатация и угнетение будут устранены. Таким образом, релевантная для классового анализа историческая вариативность выстраивается вокруг противопоставления не только капитализма и феодализма как эмпирически наблюдаемых исторических форм классовых отношений, но и капитализма и гипотетического коммунизма (понимаемого как эгалитарное бесклассовое общество). То же самое касается и проблемы классового конфликта: характеристика коренящихся в классовых отношениях антагонистических интересов как «эксплуатации» и «угнетения» показывает, что конфликты, генерируемые этими отношениями, затрагивают вопросы социальной справедливости, а не только морально нейтральных материальных интересов²⁸. Таким образом, в рамках широкой исследовательской

²⁸ Конечно, далеко не все считают, что такие явно нормативные вопросы должны играть столь важную роль в спецификации концепций в рамках

программы марксистского классового анализа концепт класса способствует критике капиталистического общества, а не просто его описанию и объяснению.

* * *

В силу идеологической нагруженности многих дебатов о классе рассмотренные нами альтернативные подходы к классовому анализу зачастую оказываются враждующими лагерями, пытающимися завербовать сторонников и победить оппонентов. Поэтому интересующиеся классовым анализом ученые нередко чувствуют себя обязанными сделать выбор, принять тот или иной из этих подходов и отвергнуть все остальные. Но если дело в том, что эти отличные друг от друга подходы организованы вокруг различных комбинаций узловых вопросов, то, в зависимости от конкретной эмпирической исследовательской программы, лучшее концептуальное меню могут предоставить как раз различные подходы к классовому анализу. Исследователь может стать веберианцем для изучения классовой мобильности, последователем Бурдьё — для изучения классовых детерминант жизненных стилей и марксистом — для критики капитализма.

социологической теории. К примеру, Джон Голдторп открыто критиковал марксистские подходы к классу именно с этих позиций. В примечании к статье в «*American Journal of Sociology*», комментирующей рентную концепцию класса Ааге Соренсена, Голдторп говорит о концепте эксплуатации, что лично он бы «горячо приветствовал исчезновение этого слова из социологического лексикона». Далее он поясняет, что «его функция в марксистской мысли заключалась в том, чтобы сделать возможным слияние нормативных и позитивных утверждений таким образом, какой я нахожу недопустимым». И заключает: «Если термин “эксплуатация” служит не более чем способом обозначить наличие структурно противоположных классовых интересов, приводящих к конфликтам с нулевой суммой, его использование вполне допустимо, но едва ли необходимо» (Goldthorpe 2000, p. 1574).

Источники

- Abbott, Andrew, 1988 *The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor*, Chicago, The University of Chicago Press.
- Abbott, Andrew, 2001 *Time Matters: On Theory and Method*, Chicago, The University of Chicago Press.
- Accardo, Alain, 1997 *Introduction a une sociologie critique: Lire Bourdieu*, Bordeaux, Editions Le Mascaret.
- Ainslie, George, 1992 *Piconomics*, New York, Cambridge University Press.
- Akerlof, G. A., 1982 "Labor Contracts as Partial Gift Exchanges," *Quarterly Journal of Economics* 92, pp. 543–569.
- Aronowitz, Stanley, and William DiFazio, 1994 *The Jobless Future*, Minneapolis, University of Minnesota Press.
- Barley, Stephen R., 1995 "The Technician as an Occupational Archetype: A Case for Bringing Work into Organizational Studies," working paper, Stanford University.
- Barnes, Barry, 1995 *The Elements of Social Theory*, London, UCL Press.
- Barzel, Yoram, 1997 *Economic Analysis of Property Rights*, 2nd edn., New York, Cambridge University Press.
- Baudrillard, J., 1988 *Selected Writings*, translated and edited by M. Poster, Cambridge and Oxford, Polity and Blackwell.
- Baxter, J., and M. Western (eds.), 2001 *Configuration of Class and Gender*, Stanford, CA, Stanford University Press.
- Beck, U., 1992 *Risk Society*, London, Sage.
- Becker, Gary S., 1964 *Human Capital*, New York, National Bureau of Economic Research.
- Bell, Daniel, 1976 *The Coming of Post-Industrial Society*, New York, Basic Books.
- Bell, Daniel, 1987 "The New Class: A Muddled Concept," pp. 455–468 in *Structured Social Inequality*, edited by Celia S. Heller, New York, Macmillan.
- Bernstein, Basil, 1971 *Class, Codes, and Control: Vol. 1, Theoretical Studies toward a Sociology of Education*, London, Routledge and Kegan Paul.

- Blossfeld, Hans-Peter, 1992 "Is the German Dual System a Model for a Modern Vocational Training System?," *International Journal of Comparative Sociology* 33, pp. 168–181.
- Boltanski, Luc, 1987 [1982] *The Making of a Class: Cadres in French Society*, translated by Arthur Goldhammer, Cambridge, UK, Cambridge University Press.
- Bottero, W., and K. Prandy, 2003 "Social Interaction Distance and Stratification," *British Journal of Sociology* 54:2, pp. 177–197.
- Bottomore, Tom, 1981 "A Marxist Consideration of Durkheim," *Social Forces* 59, pp. 902–917.
- Bouglé, Ceiestin, 1926 *The Evolution of Values*, translated by Helen S. Sellars, New York, Henry Holt and Company.
- Bouglé, Ceiestin, 1971 [1927] *Essays on the Caste System by Celestin Bouglé*, translated by D. F. Pocock, Cambridge, UK, Cambridge University Press.
- Bourdieu, Pierre, 1966 "Condition de classe et position de classe," *Archives europeennes de sociologie* 7:2, pp. 201–223.
- Bourdieu, Pierre, 1977 [1972] *Outline of a Theory of Practice*, translated by Richard Nice, Cambridge, UK, Cambridge University Press.
- Bourdieu, Pierre, 1984 [1979] *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*, translated by Richard Nice, Cambridge, MA, Harvard University Press.
- Bourdieu, Pierre, 1986 "The Forms of Capital," pp. 241–258 in *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, edited by John G. Richardson, New York, Greenwood Press.
- Bourdieu, Pierre, 1987 "What Makes a Social Class? On the Theoretical and Practical Existence of Groups," *Berkeley Journal of Sociology* 32, pp. 1–17.
- Bourdieu, Pierre, 1988 [1984] *Homo Academicus*, translated by Peter Collier, Stanford, CA, Stanford University Press.
- Bourdieu, Pierre, 1990a [1980] *The Logic of Practice*, translated by Richard Nice, Stanford, CA, Stanford University Press.
- Bourdieu, Pierre, 1990b *In Other Words: Essays Towards a Reflexive Sociology*, translated by M. Adamson, Stanford, CA, Stanford University Press.
- Bourdieu, Pierre, 1991 *Language and Symbolic Power*, translated by Gino Raymond and Matthew Adamson, Cambridge, MA, Harvard University Press.
- Bourdieu, Pierre, 1998a *Acts of Resistance: Against the Tyranny of the Market*, translated by Richard Nice, New York, The New Press.
- Bourdieu, Pierre, 1998b [1994] *Practical Reason: On the Theory of Action*, Stanford, CA, Stanford University Press.
- Bourdieu, Pierre, 2001a *Contre-feux 2: Pour un mouvement social europeen*, Paris, Editions Raisons D'Agir.

- Bourdieu, Pierre, 2001b [1998] *Masculine Domination*, translated by Richard Nice, Stanford, CA, Stanford University Press.
- Bourdieu, Pierre, 2002 *Interventions, 1961–2001: Science sociale et action politique*, Marseilles, Agone.
- Bourdieu, Pierre, and Jean-Claude Passeron, 1990 [1970] *Reproduction in Education, Society and Culture*, translated by Richard Nice, London, Sage Publications.
- Bourdieu, Pierre, and Loïc J. D. Wacquant, 1992 *An Invitation to Reflexive Sociology*, Chicago, The University of Chicago Press.
- Bourdieu, Pierre, Alain Accardo, Gabrielle Balazs, Stephane Beaud, Francois Bonvin, Emmanuel Bourdieu, Philippe Bourgois, Sylvain Broccolichi, Patrick Champagne, Rosine Christin, Jean-Pierre Faguer, Sandrine Garcia, Remi Lenoir, Francoise Cevrard, Michel Pialoux, Louis Pinto, Denis Podalydes, Abdelmalek Sayad, Charles Soulie, and Loïc J. D. Wacquant, 1999 *The Weight of the World: Social Suffering in Contemporary Society*, translated by Priscilla Parkhurst Ferguson, Susan Emanuel, Joe Johnson, and Shoggy T. Waryn, Stanford, CA, Stanford University Press.
- Bowles, Samuel, and Herbert Gintis, 1990 “Contested Exchange: New Micro-foundations for the Political Economy of Capitalism,” *Politics and Society* 18:2 (June), pp. 165–222.
- Bradley, Harriet, 1996 *Fractured Identities: Changing Patterns of Inequality*, Cambridge, Polity.
- Braverman, Harry, 1974 *Labor and Monopoly Capital*, New York, Monthly Review Press.
- Breen, Richard, 1997 “Risk, Recommodification and the Future of the Service Class,” *Sociology* 31:3, pp. 473–489.
- Breen, Richard, and John H. Goldthorpe, 2001 “Class, Mobility and Merit: The Experience of Two British Birth Cohorts,” *European Sociological Review* 17:2, pp. 81–101.
- Breen, Richard, and David B. Rottman, 1995a *Class Stratification: A Comparative Perspective*, New York, Harvester Wheatsheaf.
- Breen, Richard, and David B. Rottman, 1995b “Class Analysis and Class Theory,” *Sociology* 29:3, pp. 453–473.
- Breiger, Ronald L., 1982 “The Social Class Structure of Occupational Mobility,” *American Journal of Sociology* 87:3, pp. 578–611.
- Broom, L., and F. L. Jones, 1976 *Opportunity and Attainment in Australia*, Canberra, ANU Press.
- Brubaker, Rogers, 1985 “Rethinking Classical Theory: The Sociological Vision of Pierre Bourdieu,” *Theory and Society* 14:6, pp. 745–775.
- Bryson, Bethany, 1996 “‘Anything but Heavy Metal’: Symbolic Exclusion and Cultural Dislikes,” *American Sociological Review* 61:5, pp. 884–899.

- Burawoy, Michael, and Erik Olin Wright, 2001 "Sociological Marxism," pp. 459–486 in *Handbook of Sociological Theory*, edited by Jonathan Turner, New York, Kluwer Academic/Plenum Publishers.
- Bureau of Labor Statistics, 1998 "Worker Displacement, 1995–1998," Labor Forces Statistics from the Current Population Survey, news release, August 19, 1998, Washington, DC, US Department of Labor.
- Calhoun, Craig, and Loïc J. D. Wacquant, 2002 "'Everything is Social': In Memoriam, Pierre Bourdieu (1930–2002)," *Footnotes* 30:2, pp. 510.
- Calhoun, Craig, Edward LiPuma, and Moishe Postone (eds.), 1993 *Bourdieu: Critical Perspectives*, Chicago, The University of Chicago Press.
- Caplow, Theodore, 1954 *The Sociology of Work*, Minneapolis, University of Minnesota Press.
- Carchedi, Guglielmo, 1977 *The Economic Identification of Social Classes*, London, Routledge and Kegan Paul.
- Casey, Catherine, 1995 *Work, Self, and Society*, London, Routledge.
- Charlesworth, Simon J., 2000 *A Phenomenology of Working Class Experience*, Cambridge, UK, Cambridge University Press.
- Clark, Terry N., 1996 "The Debate over 'Are Social Classes Dying?'," working paper, Conference on Social Class and Politics, Woodrow Wilson Center, Washington, DC.
- Clark, Terry N., and Seymour M. Lipset, 1991 "Are Social Classes Dying?," *International Sociology* 6, pp. 397–410.
- Clark T. N., and S. M. Lipset (eds.), 2001 *The Breakdown of Class Politics*, Baltimore, The Johns Hopkins University Press.
- Coase, Ronald H., 1960 "The Problem of Social Cost," *Journal of Law and Economics* 3, pp. 1–44.
- Cohen, G. A., 1978 *Karl Marx's Theory of History: A Defense*, Princeton, NJ, Princeton University Press.
- Cohen, G. A., 1995 *Self-Ownership, Freedom and Equality*, Cambridge, UK, Cambridge University Press.
- Cole, Robert E., 1979 *Work, Mobility, and Participation*, Berkeley and Los Angeles, The University of California Press.
- Coleman, James S., 1990 *The Foundations of Social Theory*, Cambridge, MA, The Belknap Press of Harvard University Press.
- Collins, Randall, 1979 *The Credential Society: An Historical Sociology of Education and Stratification*, New York, Academic Press.
- Comte, Auguste, 1988 [1830] *Introduction to Positive Philosophy*, edited by Frederick Ferre, Indianapolis, Hackett.
- Coser, Lewis A., 1992 "Introduction: Maurice Halbwachs, 1877–1945," pp. 1–34 in *On Collective Memory*, edited and translated by Lewis A. Coser, Chicago, The University of Chicago Press.

- Cotreel, Allin, 1984 *Social Class in Marxist Theory*, London, Routledge and Kegan Paul.
- Crook, S., J. Pakulski, and M. Waters, 1992 *Postmodernization: Change in Advanced Society*, London, Sage.
- Dahrendorf, Ralf, 1959 *Class and Class Conflict in Industrial Society*, Stanford, CA, Stanford University Press.
- Dixit, Avishnah, and Mancur Olson, 1996 "The Coase Theorem is False: Coase's Insight is Nonetheless Mainly Right," unpublished paper, University of Maryland, College Park, MD.
- Dominitz, Jeff, and Charles F. Manski, 1997 "Perceptions of Economic Insecurity: Evidence from the Survey of Economic Expectations," *Public Opinion Quarterly* 61, pp. 261–287.
- Donnelly, Michael, 1997 *Statistical Classifications and the Salience of Social Class*, pp. 107–131 in *Reworking Class*, edited by John R. Hall, Ithaca and London, Cornell University Press.
- Dore, Ronald P., 1973 *British Factory – Japanese Factory*, London, Allen and Unwin.
- Duncan, Otis Dudley, 1968 "Social Stratification and Mobility. Problems in the Measurement of Trend," pp. 675–719 in *Indicators of Social Change*, edited by Eleanor B. Sheldon and Wilbert E. Moore, New York, Russell Sage Foundation.
- Durkheim, Emile, 1933 [1893] *The Division of Labor in Society*, New York, Free Press.
- Durkheim, Emile, 1951 [1897] *Suicide. A Study in Sociology*, translated by John A. Spaulding and George Simpson, Glencoe, IL, Free Press.
- Durkheim, Emile, 1960 [1893] *The Division of Labor in Society*, translated by George Simpson, New York, Macmillan.
- Durkheim, Emile, 1956 [1911] "Jugements de valeur et jugements de réalité," *Revue de métaphysique et de morale* 19, pp. 437–453.
- Durkheim, Emile, 1958, *Professional Ethics and Civic Morals*, translated by C. Brookfield, Glencoe, IL, Free Press.
- Durkheim, Emile, 1970a [1897] *Suicide*, London, Routledge and Kegan Paul.
- Durkheim, Emile, 1970b [1905] *La Science sociale et l'action*, edited by J. C. Filloux, Paris, Presses Universitaires de France.
- Durkheim, Emile, and Marcel Mauss, 1963 *Primitive Classification*, translated by Rodney Needham, Chicago, The University of Chicago Press.
- Eder, K., 1993 *The New Politics of Class*, London, Sage.
- Edwards, Richard, 1979 *Contested Terrain*, New York, Basic Books.
- Eggertsson, Thrainn, 1990 *Economic Behavior and Institutions*, Cambridge, UK, Cambridge University Press.
- Ehrenreich, Barbara, and John Ehrenreich, 1977 "The Professional-Managerial Class," *Radical America* 11, pp. 7–31.

- Emirbayer, Mustafa, 1997 "Manifesto for a Relational Sociology," *American Journal of Sociology* 103:2, pp. 281–317.
- Emmison, Michael, and Mark Western, 1990 "Social Class and Social Identity: A Comment on Marshall et al.," *Sociology* 24, pp. 241–253.
- Erikson, Robert, 1984 "Social Class of Men, Women and Families" *Sociology* 18:4, pp. 500–514.
- Erikson, Robert, and John H. Goldthorpe, 1992 *The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies*, Oxford, Oxford University Press.
- Erikson, Robert, and Jan O. Jonsson (eds.), 1996 *Can Education be Equalized? The Swedish Case in Comparative Perspective*, Boulder, CO, Westview Press.
- Erikson, Robert, John H. Goldthorpe, and Lucien Portocarero, 1979 "Intergenerational Class Mobility in Three Western European Societies: England, France and Sweden," *British Journal of Sociology* 33, pp. 1–34.
- Esping-Andersen, Gosta, 1988 "The Making of a Social Democratic Welfare State," pp. 35–66 in *Creating Social Democracy: A Century of the Social Democratic Labor Party in Sweden*, edited by Klaus Misgeld, Karl Molin, and Klas Amark, University Park, The Pennsylvania State University Press.
- Evans, Geoffrey, 1992 "Testing the Validity of the Goldthorpe Class Schema," *European Sociological Review* 8:3, pp. 211–232.
- Evans, Geoffrey, 1997 *The End of Class Politics? Class Voting in Comparative Perspective*, Oxford, Oxford University Press.
- Evans, Geoffrey, and Colin Mills, 1998 "Identifying Class Structure: A Latent Class Analysis of the Criterion-related and Construct Validity of the Goldthorpe Class Schema," *European Sociological Review* 14:1, pp. 87–106.
- Evans, Geoffrey, and Colin Mills, 2000 "In Search of the Wage-Labour/Service Contract: New Evidence on the Validity of the Goldthorpe Class Schema," *British Journal of Sociology* 51, pp. 641–661.
- Eyerman, Ron, 1994 "Modernity and Social Movements," pp. 707–710 in *Social Stratification: Class, Race and Gender*, edited by David Grusky, Boulder, CO, Westview Press.
- Fantasia, Rick, 1989 *Cultures of Solidarity: Consciousness, Action, and Contemporary American Workers*, Berkeley, The University of California Press.
- Featherman, David L., and Robert M. Hauser, 1978 *Opportunity and Change*, New York, Academic Press.
- Featherman, David L., F. Lancaster Jones, and Robert M. Hauser, 1975 "Assumptions of Mobility Research in the United States: The Case of Occupational Status," *Social Science Research* 4, pp. 329–360.

- Fenton, Steve, 1980 *Race, Class, and Politics in the Work of Emile Durkheim*, Paris, UNESCO.
- Filloux, J.-C., 1993 "Inequalities and Social Stratification in Durkheim's Sociology," pp. 211–228 in *Emile Durkheim: Sociologist and Moralism*, edited by Stephen P. Turner, London and New York, Routledge.
- Fortin, Nicole M., and Thomas Lemieux, 1997 "Institutional Changes and Rising Wage Inequality: Is There a Linkage?," *Journal of Economic Perspectives* 11:2 (spring), pp. 75–96.
- Freeman, Richard, and James L Medoff, 1984 *What Do Unions Do?*, New York, Basic Books.
- Freidson, Eliot, 1986 *Professional Powers: A Study of the Institutionalization of Formal Knowledge*, Chicago, The University of Chicago Press.
- Freidson, Eliot, 1994 *Professionalism Reborn: Theory, Prophecy, and Policy*, Chicago, The University of Chicago Press.
- Geiger, Theodor J., 1932 *Die Soziale Schichtung des Deutschen Volkes: Soziographischer Versuch auf statistischer Grundlage*, Stuttgart, F. Enke.
- Giddens, Anthony, 1971 *Capitalism and Modern Social Theory*. Cambridge, UK, Cambridge University Press.
- Giddens, Anthony, 1972 "Durkheim's Writings in Sociology and Social Philosophy." pp. 1–50 in *Emile Durkheim: Selected Writings*, edited and translated by Anthony Giddens, Cambridge, UK, Cambridge University Press.
- Giddens, Anthony, 1873 *The Class Structure of the Advanced Societies*, London, Hutchinson.
- Giddens, Anthony, 1978 *Emile Durkheim*, New York, Viking Press.
- Giddens, Anthony, 1983 "Classical Social Theory and the Origins of Modern Sociology," pp. 40–67 in *Profiles and Critiques in Social Theory*, Berkeley, The University of California Press.
- Goldthorpe, John H., 1980 *Social Mobility and Class Structure in Modern Britain*, Oxford, Clarendon Press.
- Goldthorpe, John H., 1987 *Social Mobility and Class Structure in Modern Britain*, 2nd edn., Oxford, Clarendon Press.
- Goldthorpe, John H., 1990 "A Response," pp. 399–440 in *John Goldthorpe: Consensus and Controversy*, edited by Jon Clark, Celia Modgil, and Sohan Modgil, London, The Falmer Press.
- Goldthorpe, John H., 2000 *On Sociology: Numbers, Narratives and the Integration of Research and Theory*, Oxford, Oxford University Press.
- Goldthorpe, John H., 2002 "Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No – A Comment on Grusky and Weedens' Research Agenda," *Acta Sociologica* 45, pp. 211–217.
- Goldthorpe, John, and Keith Hope, 1974 *The Social Grading of Occupations: A New Approach and Scale*, Oxford, Clarendon Press.

- Goldthorpe, John H., and Gordon Marshall, 1992 "The Promising Future of Class Analysis: A Response to Recent Critiques," *Sociology* 26:3, pp. 381–400.
- Gordon, Milton M., 1958 *Social Class in American Sociology*, Durham, NC, Duke University Press.
- Gouldner, Alvin, 1979 *The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class*, New York, Seabury Press.
- Granovetter, Mark, and Charles Tilly, 1988 "Inequality and Labor Processes," pp. 175–221 in *Handbook of Sociology*, edited by Neil J. Smelser, Newbury Park, Sage.
- Grusky, David B. (ed.), 2001 *Social Stratification*, Boulder, CO, Westview Press.
- Grusky, David B., and Jesper B. Sørensen, 1998, "Can Class Analysis Be Salvaged?," *American Journal of Sociology* 103:5, pp. 1,187–1,234.
- Grusky, David B., and Jesper B. Sørensen, 2001 "Are There Big Social Classes?," pp. 183–194 in *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*, 2nd edn., edited by David B. Grusky, Boulder, CO, Westview Press.
- Grusky, David B., and Kim A. Weeden, 2001 "Decomposition without Death: A Research Agenda for a New Class Analysis," *Acta Sociologica* 44, pp. 203–218.
- Grusky, David B., and Kim A. Weeden, 2002 "Class Analysis and the Heavy Weight of Convention," *Acta Sociologica* 45, pp. 229–236.
- Grusky, David B., Kim A. Weeden, and Jesper B. Sørensen, 2000 "The Case for Realism in Class Analysis," *Political Power and Social Theory* 14, pp. 291–305.
- Haiku, F. A., 1948 "The Meaning of Competition," in *Individualism and Social Order*, Chicago, The University of Chicago Press.
- Halaby, Charles N., and David L. Weakliem, 1993 "Ownership and Authority in the Earnings Function: Nonnested Tests of Alternative Specifications," *American Sociological Review* 58, pp. 16–30.
- Halbwachs, Maurice, 1992 [1945] *On Collective Memory*, edited and translated by Lewis A. Coser, Chicago, The University of Chicago Press.
- Halbwachs, Maurice, 1958 *The Psychology of Social Class*, Glencoe, IL, Free Press.
- Hall, Stuart, 1988 "Brave New World," *Marxism Today* (October 24–9).
- Hall, Stuart, 2001 "The Meaning of New Times," pp. 859–865 in *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*, 2nd edn., edited by David Grusky, Boulder, CO, Westview Press.
- Hall, Stuart, and Martin Jacques, 1989 *New Times: The Changing Face of Politics in the 1990s*, London, Lawrence and Wishart.

- Hauser, Robert M., and John Robert Warren, 1997 "Socioeconomic Indexes of Occupational Status: A Review, Update, and Critique," pp. 177–298 in *Sociological Methodology 1997*, edited by Adrian Raftery, Cambridge, UK, Blackwell.
- Hawkins, M. J., 1994 "Durkheim on Occupational Corporations: An Exegesis and Interpretation," *Journal of the History of Ideas* 20, pp. 461–481.
- Hayek, F. A., 1948 "The Meaning of Competition," in *Individualism and Social Order*, Chicago, The University of Chicago Press.
- Heath, A. F., and N. Britten, 1984 "Women's Jobs do Make a Difference," *Sociology* 18:4, pp. 475–490.
- Hirsch, Fred, 1976 *The Social Limits to Growth*, Cambridge, MA, Harvard University Press.
- Hollingshead, August, and Frederick Redlich, 1958 *Social Class and Mental Illness*. New York, Wiley.
- Holton, Robert, 1996 "Has Class Analysis a Future?," pp. 26–41 in *Conflicts about Class: Debating Inequality in Late Industrialism*, edited by David J. Lee and Bryan S. Turner, London and New York, Longman.
- Holton, Robert J., and Bryan S. Turner, 1989 *Max Weber on Economy and Society*, London, Routledge and Kegan Paul.
- Holzer, Harry J., 1990 "The Determinants of Employee Productivity and Earnings," *Industrial Relations* 29, pp. 403–422.
- Hout, Michael, and Robert M. Hauser, 1992 "Symmetry and Hierarchy in Social Mobility: A Methodological Analysis of the CASMIN Model of Class Mobility," *European Sociological Review* 8, pp. 239–266.
- Hout, Michael, Clem Brooks, and Jeff Manza, 1993 "The Persistence of Classes in Postindustrial Societies," *International Sociology* 8, pp. 259–277.
- International Labour Office, 1990 [1968] *International Standard Classification of Occupations: ISCO-88*, Geneva, ILO.
- Ishida, Hiroshi, 1993 *Social Mobility in Contemporary Japan*, Stanford, CA, Stanford University Press.
- Jencks, Christopher, Lauri Perman, and Lee Rainwater, 1988 "What is a Good Job? A New Measure of Labor Market Success," *American Journal of Sociology* 93, pp. 1,322–1,357.
- Jensen, Michael C., and Kevin J. Murphy, 1990 "Performance Pay and Top Management Incentives," *Journal of Political Economy* 98, pp. 225–265.
- Joyce, Patrick, 1995 *Class*, Oxford, Oxford University Press.
- Juhn, Chichi, Kevin M. Murphy, and Brooks Pierce, 1993 "Wage Inequality and the Rise in Returns to Skills," *Journal of Political Economy* 101, pp. 410–442.
- Kalleberg, Arne L., and Ivar Berg, 1987 *Work and Industry: Structures, Markets and Processes*, New York, Plenum.

- Kingston, Paul W., 1994 "Are There Classes in the United States?" pp. 3–41 in *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 13, edited by Robert Althauser and Michael Wallace, Greenwich, CT, JAI Press.
- Kingston, Paul W., 2000 *The Classless Society*, Stanford, CA, Stanford University Press.
- Kohn, Melvin L., and Kazimierz M. Slomczynski, 1990 *Social Structure and Self-Direction*, Oxford, Blackwell.
- Konrad, Gyorgy, and Ivan Szelenyi, 1979 *The Intellectuals on the Road to Class Power*, New York, Harcourt Brace Jovanovich.
- Korpi, Walter, 1983 *The Democratic Class Struggle*, London, Routledge.
- Krause, Elliot A., 1971 *The Sociology of Occupations*, Boston, Little Brown.
- Krueger, Alan B., and Lawrence H. Summers, 1987 "Reflections on the Inter-Industry Wage Structure," pp. 17–47 in *Unemployment and the Structure of Labor Markets*, edited by Kevin Lang and Jonathan S. Leonard, Oxford, Basil Blackwell.
- Lamont, Michele, 1992 *Money, Morals, and Manners: The Culture of the French and American Upper-Middle Class*. Chicago, The University of Chicago Press.
- Lamont, Michele, 2000 *The Dignity of Working Men: Morality and the Boundaries of Race, Class, and Immigration*, Cambridge, MA, Harvard University Press.
- Lane, Jeremy F., 2000 *Pierre Bourdieu: A Critical Introduction*, London, Pluto Press.
- Larana, Enrique, Hank Johnston, and Joseph R. Gusfield, 1994 *New Social Movements: From Ideology to Identity*, Philadelphia, Temple University Press.
- Lareau, Annette, and Elliot B. Weininger, 2003 "Cultural Capital in Educational Research: A Critical Assessment," *Theory and Society* 32:5–6, pp. 567–606.
- Laumann, E. O., 1973 *Bonds of Pluralism*, New York, John Wiley.
- Lawrence, Paul R., and Davis Dyer, 1983 *Renewing American Industry*, New York, Free Press.
- Lazear, Edward P., 1995 *Personnel Economics*, Cambridge, MA, MIT Press.
- Lee, David J., 1995 "Class as a Social Fact," *Sociology* 28, pp. 397–415.
- Lee, David J., and Bryan S. Turner (eds.), 1996 *Conflicts about Class: Debating Inequality in Late Industrialism*, London, Longman.
- Lehmann, Jennifer, 1995 "Durkheim's Contradictory Theories of Race, Class, and Sex," *American Sociological Review* 60, pp. 566–585.
- Lenin, Vladimir I., 1927 *Collected Works of V I. Lenin*, New York, International Publishers.

- Levy, Frank, and Richard J. Murnane, 1992 "U.S. Earnings Levels and Earnings Inequality: A Review of Recent Trends and Proposed Explanations," *Journal of Economic Literature* 30, pp. 1,333–1,381.
- Lipset, S. M., 1960 *Political Man. The Social Bases of Politics*, New York, Doubleday.
- Lipset, S. M., and S. Rokkan, 1967 "Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction," pp. 1–64 in *Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspective*, edited by S. M. Lipset and S. Rokkan, New York, Free Press.
- Lockwood, David, 1992 *Solidarity and Schism*, Oxford, Clarendon Press.
- Love, Geoff, 1997 "The Diffusion of Downsizing among Large U.S. Firms, 1977–1995: The Role of Firm Status," Ph.D. dissertation, Joint Program in Organizational Behavior, Harvard Business School, and Departments of Sociology and Psychology, Harvard University, Cambridge, MA.
- Lukes, Steven, 1973 *Emile Durkheim: His Life and Work*, London, Allen Lane.
- Marshall, Alfred, 1949 [1920] *Principles of Economics*, 8th edn., London, Macmillan.
- Marshall, Gordon, David Rose, Howard Newby, and Carolyn Vogler, 1988 *Social Class in Modern Britain*, London, Unwin Hyman.
- Marshall, T. H., 1950 *Citizenship and Social Class*, Cambridge, UK, Cambridge University Press.
- Marx, Karl, 1959a [1848] "The Communist Manifesto," pp. 315–355 in *Capital, The Communist Manifesto, and Other Writings by Karl Marx*, edited by Max Eastman, New York, The Modern Library.
- Marx, Karl, 1959b [1894] "Capital, Volume 3, Chapter 9," pp. 54–59 in *Capital, The Communist Manifesto, and Other Writings by Karl Marx*, edited by Max Eastman, New York, The Modern Library.
- Marx, Karl, 1964 [1894] *Selected Works: Volume 1*, Moscow, Progress Publishers.
- Medoff, James J., and Katherine Abraham, 1981 "Are Those Paid More Really More Productive?," *Journal of Human Resources* 16, pp. 186–216.
- Meštrović, Stjepan G., 1992 *Durkheim and Postmodern Culture*, Hawthorne, NY, Aldine de Gruyter.
- Mills, C. W., 1951 *White Collars*, New York, Basic Books.
- Mills, C. W., 1956 *The Power Elite*, Oxford and New York, Oxford University Press.
- Mitchell, Daniel J. B., 1985 "Shifting Norms in Wage Determination," *Brookings Papers on Economic Activity*, Washington, DC, Brookings Institute.
- Mortimer, Jeylan T., and Jon Lorence, 1995 "Social Psychology of Work," pp. 497–523 in *Sociological Perspectives on Social Psychology*, edited

- by Karen S. Cook, Gary A. Fine, and James S. House, Boston, Allyn and Bacon.
- Mouzelis, Nicos, 1993 "The Poverty of Sociological Theory," *Sociology* 27, pp. 675–695.
- Müller, Hans-Peter, 1993 "Durkheim's Political Sociology," pp. 211–228 in *Emile Durkheim: Sociologist and Moralist*, edited by Stephen P. Turner, London and New York, Routledge.
- Murphy, Raymond, 1988 *Social Closure: The Theory of Monopolization and Exclusion*, Oxford, Clarendon Press.
- Myles, John, Garnett Picot, and Tedd Wannell, 1988 "The Changing Wage Distributions of Jobs," *Canadian Economic Observer* 4, pp. 4.2–4.12.
- Nakane, Chie, 1970 *Japanese Society*, London, Weidenfeld and Nicolson.
- Nelson, Robert L., and William P. Bridges, 1999 *Legalizing Gender Inequality: Courts, Markets, and Unequal Pay for Women in America*, Cambridge, UK, Cambridge University Press.
- Nisbet, Robert A., 1952 "Conservatism and Sociology," *American Journal of Sociology* 58, pp. 167–175.
- North, Douglass, and Robert P. Thomas, 1973 *The Rise of Western Capitalism*, New York, Cambridge University Press.
- Olson, Mancur, 1965 *The Logic of Collective Action*, Cambridge, MA, Harvard University Press.
- Ossowski, S., 1963 [1958] *Class Structure in the Social Consciousness*, London, Routledge.
- Pahl, R. E., 1989 "Is the Emperor Naked? Some Questions on the Adequacy of Sociological Theory in Urban and Regional Research," *International Journal of Urban and Regional Research* 13, pp. 709–720.
- Pakulski, J., 2001 "Class and Politics" pp. 36–49 in *The Breakdown of Class Politics*, edited by T. N. Clark and S. M. Lipset, The Johns Hopkins University Press.
- Pakulski, J., 2004 *Globalizing Inequality*, Sydney, Allen and Unwin.
- Pakulski, Jan, and Malcolm Waters, 1996a *The Death of Class*, London, Sage Publications.
- Pakulski, Jan, and Malcolm Waters, 1996b "The Reshaping and Dissolution of Class in Advanced Society," *Theory and Society* 25:5, pp. 667–691.
- Pakulski, Jan, and Malcolm Waters, 1996c "Misreading Class as Status: A Reply to Our Critics," *Theory and Society* 25, 731–736.
- Parkin, Frank, 1971 *Class Inequality and Political Order: Social Stratification in Capitalist and Communist Societies*, New York, Praeger.
- Parkin, Frank, 1979, *Marxism and Class Theory: A Bourgeois Critique*, New York, Columbia University Press.
- Parkin, Frank, 1992 *Durkheim*, Oxford, Oxford University Press.

- Parsons, Talcott, 1949 *Essays in Sociological Theory, Pure and Applied*, Glencoe, IL, Free Press.
- Parsons, Talcott, 1954 "An Analytical Approach to the Theory of Social Stratification," pp. 69–88 in *Essays in Sociological Theory*, Glencoe, IL, Free Press.
- Parsons, Talcott, 1967 *Sociological Theory and Modern Society*, New York, Free Press.
- Parsons, Talcott, 1968 [1937] *The Structure of Social Action*, New York, Free Press.
- Parsons, Talcott, 1970 "Equality and Inequality in Modern Society, or Social Stratification Revisited," pp. 13–72 in *Social Stratification: Research and Theory for the 1970s*, edited by Edward O. Laumann, Indianapolis, Bobbs-Merrill Company.
- Pearce, Frank, 1989 *The Radical Durkheim*, London, Unwin Hyman.
- Perkin, H., 1989 *The Rise of Professional Society*, London, Routledge.
- Peterson, Richard A., and Roger M. Kern, 1996 "Changing Highbrow Taste: From Snob to Omnivore," *American Sociological Review* 61:5, pp. 900–907.
- Piore, Michael J., and Charles F. Sabel, 1984 *The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity*, New York, Basic Books.
- Pope, Whitney, and Barclay D. Johnson, 1983 "Inside Organic Solidarity," *American Sociological Review* 48, pp. 681–692.
- Portes, Alejandro, 2000 "The Resilient Importance of Class: A Nominalist Interpretation," pp. 249–284 in *Political Power and Social Theory*, vol. 14, edited by Diane E. Davis, Amsterdam, JAI Press.
- Poulantzas, Nicos, 1974 *Classes in Contemporary Capitalism*, London, Verso.
- Poulantzas, Nicos, 1975 *Classes in Contemporary Capitalism*, London, New Left Books.
- Prandy, Kenneth, 1999 "The Social Interaction Approach to the Measurement and Analysis of Social Stratification," *International Journal of Sociology and Social Policy* 19, pp. 215–249.
- Przeworski, Adam, 1985 *Capitalism and Social Democracy*, Cambridge, UK, Cambridge University Press.
- Resnick, Stephen, and Richard Wolff, 1987 *Knowledge and Class*, Chicago, The University of Chicago Press.
- Ricardo, David, 1951 [1821] *On the Principles of Political Economy and Taxation*, Vol. 1 of *The Works and Correspondence of David Ricardo*, edited by Piero Sraffa, Cambridge, UK, Cambridge University Press.
- Roemer, John, 1982 *A General Theory of Exploitation and Class*, Cambridge, MA, Harvard University Press.

- Roemer, John, 1986 "Should Marxists Be Interested in Exploitation?," pp. 260–282 in *Analytical Marxism*, edited by John E. Roemer, New York, Cambridge University Press.
- Rouanet, H., W. Ackermann, and H. Le Roux, 2000 "The Geometric Analysis of Questionnaires. The Lesson of Bourdieu's *La Distinction*," *Bulletin de méthodologie sociologique* 65, pp. 5–18.
- Ryan, William, 1971 *Blaming the Victim*, New York, Orbach and Chambers.
- Ryscavage, Paul, and Peter Henle, 1990 "Earnings Inequality Accelerates in the 1980's," *Monthly Labor Review* 113:12, pp. 3–16.
- Rytina, Steven, 2000 "Is Occupational Mobility Declining in the U.S.?", *Social Forces* 78, pp. 1,227–1,276.
- Sartori, G., 1969 "From the Sociology of Politics to Political Sociology," pp. 65–100 in *Politics and the Social Sciences*, edited by S. M. Lipset, New York, Oxford University Press.
- Saunders, Peter, 1989 "Left Write in Sociology," *Network* 44, pp. 3–4.
- Schneider, Louis, and Sverre Lysgaard, 1953 "The Deferred Gratification Pattern," *American Sociological Review* 18:2, pp. 142–149.
- Scott, J., 1996 *Stratification and Power*, Cambridge, UK, Polity.
- Shavit, Yossi, and Hans-Peter Blossfeld (eds.), 1993 *Persistent Inequality: Changing Educational Attainment in Thirteen Countries*, Boulder, CO, Westview Press.
- Shils, E., 1968 "Deference," pp. 104–132 in *Social Stratification*, edited by J. A. Jackson, New York, Cambridge University Press.
- Simmel, Georg, 1908 *Soziologie*, Leipzig, Duncker & C. Humblot.
- Simon, Herbert, 1957 "The Employment Relation," pp. 24–45 in *Models of Man*, New York, Wiley.
- Smith, Adam, 1991 [1776] *The Wealth of Nations*, Amherst, NY, Prometheus.
- Smith, Philip, and Jeffrey C. Alexander, 1996 "Durkheim's Religious Revival," *American Journal of Sociology* 102, pp. 585–592.
- Solow, Robert M., 1979 "Another Possible Source of Wage Stickiness," *Journal of Macroeconomics* 1:2, pp. 79–82.
- Sørensen, Aage B., 1983 "Processes of Allocation to Open and Closed Positions in Social Structure," *Zeitschrift für Soziologie* 12, pp. 203–224.
- Sørensen, Aage B., 1991 "On the Usefulness of Class Analysis in Research on Social Mobility and Socioeconomic Inequality," *Acta Sociologica* 34:2, pp. 71–87.
- Sørensen, Aage B., 1994 "The Basic Concepts of Stratification Research: Class, Status, and Power," pp. 229–241 in *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*, edited by David B. Grusky, Boulder, CO, Westview Press.
- Sørensen, Aage B., 1996 "The Structural Basis of Social Inequality," *American Journal of Sociology* 101:5, pp. 1,333–1,365.

- Sørensen, Aage B., 1998 "On Kings, Pietism and Rent-seeking in Scandinavian Welfare States," *Acta Sociologica* 41:4, pp. 363–376.
- Sørensen, Aage B., 2000 "Toward a Sounder Basis for Class Analysis," *American Journal of Sociology* 105:6, pp. 1,523–1,558.
- Sørensen, Jesper B., and David B. Grusky, 1996 "The Structure of Career Mobility in Microscopic Perspective," pp. 83–114 in *Social Differentiation and Social Inequality*, edited by James N. Baron, David B. Grusky, and Donald J. Treiman, Boulder, CO, Westview Press.
- Spenner, Kenneth I., 1995 "Technological Change, Skill Requirements, and Education: The Case for Uncertainty," pp. 81–137 in *The New Modern Times: Factors Reshaping the World of Work*, edited by David B. Bills, Albany, State University of New York Press.
- Stanworth, M., 1984 "Women and Class Analysis: A Reply to John Goldthorpe," *Sociology* 18:2, pp. 159–170.
- Stewart, A., K. Prandy, and R. M. Blackburn, 1980 *Social Stratification and Occupations*, London, Macmillan.
- Swartz, David, 1997 *Culture and Power: The Sociology of Pierre Bourdieu*, Chicago and London, The University of Chicago Press.
- Swift, Adam, 2001 *Equality, Freedom and Community*, Cambridge, UK, Polity.
- Therborn, Goran, 1988 "A Unique Chapter in the History of Democracy: The Social Democrats in Sweden," pp. 1–34 in *Creating Social Democracy: A Century of the Social Democratic Labor Party in Sweden*, edited by Klaus Misgeld, Karl Molin, and Klas Amark, University Park, The Pennsylvania State University Press.
- Thompson, E. P. 1966 [1963] *The Making of the English Working Class*, New York, Vintage Books.
- Thompson, K., 1982 *Emile Durkheim*, London and New York, Tavistock/Routledge.
- Tiryakian, Edward A., 1975 "Neither Marx nor Durkheim... Perhaps Weber," *American Journal of Sociology* 81, pp. 1–33.
- Tocqueville, A. de, 1945 [1862] *Democracy in America*, London, Longman.
- Tocqueville, A. de, 2000 [1835] *Democracy in America*, New York, Bantam.
- Treiman, Donald J., 1977 *Occupational Prestige in Comparative Perspective*, New York, Academic Press.
- Tullock, Gordon, 1980 "The Transitional Gains Trap," pp. 211–221 in *Toward a Theory of the Rent Seeking Society*, edited by James S. Buchanan, Robert D. Tollison, and Gordon Tullock, College Station, TX, Texas A&M University Press.
- Tullock, Gordon, 1989 *The Economics of Special Privilege and Rent Seeking*, Boston, Kluwer Academic Publishers.

- Tumin, M. M., 1953 "Reply to Kingsley Davis," *American Sociological Review* 18, pp. 372–384.
- Turner, Bryan S., 1988 *Status*, Philadelphia, Open University Press.
- Turner, Bryan S., 1989 "An Outline of a Theory of Citizenship," *Sociology* 24:2, pp. 189–217, 190.
- Turner, Bryan S., 1996 "Capitalism, Classes and Citizenship," pp. 254–262 in *Conflict about Class*, edited by D. J. Lee and B. S. Turner, Harlow, Longman.
- Turner, Bryan S., 2000 "The Erosion of Citizenship," *British Journal of Sociology* 52:2, pp. 189–209.
- Van Maanen, John, and Stephen R. Barley, 1984 "Occupational Communities: Culture and Control in Organizations," *Research in Organizational Behavior* 6, pp. 287–365.
- Visser, Jelle, 1988 "Trade Unionism in Western Europe: Present Situation and Prospects," *Labour and Society* 13, pp. 125–182.
- Wacquant, Loïc J. D., 1991 "Making Class: The Middle Class(es) in Social Theory and Social Structure," pp. 39–64 in *Bringing Class Back in: Contemporary and Historical Perspectives*, edited by Scott G. McNall, Rhonda F. Levine, and Rick Fantasia, Boulder, CO, Westview Press.
- Wacquant, Loïc J. D., 2000 "From Slavery to Mass Incarceration: Rethinking the 'Race Question' in the US," *New Left Review* 13, pp. 41–60.
- Warner, W. Lloyd, Marchia Meeker, and Kenneth Bells, 1949 *Social Class in America*, New York, Science Research Associates.
- Waters, M., 1991 "Collapse and Convergence of Marxist Theory," *Theory and Society* 20, pp. 141–172.
- Watts Miller, W., 1996 *Durkheim, Morals and Modernity*, London, UCI Press.
- Weber, Max, 1968a [1946] *From Max Weber*, translated by Hans H. Gerth and C. Wright Mills, London, Routledge and Kegan Paul.
- Weber, Max, 1968b [1922] *Economy and Society*, Berkeley, The University of California Press.
- Weber, Max, 1968c [1946] "Class, Status and Power," pp. 180–195 in *From Max Weber: Essays in Sociology*, translated by Hans H. Gerth and C. Wright Mills, New York, Oxford University Press.
- Weber, Max, 1978 [1922] *Economy and Society*, 2 vols., edited by Guenther Roth and Claus Wittich, Berkeley, The University of California Press.
- Weeden, Kim A., and David B. Grusky, 2002 "Class Structuration in the United States," working paper, Department of Sociology, Cornell University.
- Weininger, Elliot B. 2002 "Class and Causation in Bourdieu," pp. 49–114 in *Current Perspectives in Social Theory*, vol. 21, edited by Jennifer Lehmann, Amsterdam, JAI Press.
- Wesolowski, W., 1977 *Klasy, warstwy i władza*, Warsaw, PWN (translated as *Classes, Strata and Power*, London, Routledge, 1978).

- Wilensky, Harold L., 1966 "Class, Class Consciousness, and American Workers," pp. 12–44 in *Labor in a Changing America*, edited by William Haber, New York, Basic.
- Wolff, Edward N., 1995 *Top Heavy: A Study of Increasing Inequality of Wealth in America*, Washington, DC, Brookings Institution.
- Wright, Erik Olin, 1978 *Class, Crisis and the State*, London, New Left Books.
- Wright, Erik Olin, 1979 *Class Structure and Income Determination*, New York, Academic Press.
- Wright, Erik Olin, 1980a "Class and Occupation," *Theory and Society* 9, pp. 177–214.
- Wright, Erik Olin, 1980b "Varieties of Marxist Conceptions of Class Structure," *Politics and Society* 9:3, pp. 323–370.
- Wright, Erik Olin, 1982 "The Status of the Political in the Concept of Class Structure," *Politics and Society* 11:3, pp. 321–352.
- Wright, Erik Olin, 1985 *Classes*, London, New Left Books/Verso.
- Wright, Erik Olin, 1996 "The Continuing Relevance of Class Analysis," *Theory and Society* 25, pp. 697–716.
- Wright, Erik Olin, 1997 *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*, Cambridge, UK, Cambridge University Press.
- Wright, Erik Olin, 2000 "Working-Class Power, Capitalist-Class Interests and Class Compromise," *American Journal of Sociology* 105:4 (January), pp. 957–1,002.
- Wright, Erik Olin, 2002 "The Shadow of Exploitation in Weber's Class Analysis," *American Sociological Review* 67, pp. 832–853.
- Wright, Erik Olin, Andrew Levine, and Elliott Sober, 1993 *Reconstructing Marxism*, London, Verso.
- Wright, Erik Olin et al., 1989 *The Debate on Classes*, London, Verso.
- Wrong, D., 1976 [1964] *Skeptical Sociology*, New York, Columbia University Press.
- Zabusky, Stacia E., and Stephen R. Barley, 1996 "Redefining Success: Ethnographic Observations on the Careers of Technicians," pp. 185–214 in *Broken Ladders: Managerial Careers in the New Economy*, edited by Paul Osterman, Oxford, Oxford University Press.
- Zeitlin, Irving M., 1968 *Ideology and the Development of Sociological Theory*, Englewood Cliffs, NJ, Prentice Hall.

Авторы книги

Ричард Брин — научный сотрудник департамента социологии Наффилдского колледжа Оксфордского университета, Великобритания.

Richard Breen — Official Fellow in Sociology at Nuffield College, Oxford University, Great Britain.

Дэвид Граски — профессор социологии Стэнфордского университета, США.

David Grusky — Professor of Sociology at Stanford University, USA.

Ян Пакульски — профессор социологии, декан департамента искусств Университета Тасмании, Австралия.

Jan Pakulski — Professor of Sociology and Dean of Arts at the University of Tasmania, Australia.

Ааге Б. Соренсен (1941–2001) — профессор социологии (до 2001) Гарвардского университета, США.

Aage B. Sørensen — formerly Professor of Sociology at Harvard University, USA.

Эллиот Б. Вайнингер — профессор социологии Брокпортского колледжа Государственного университета штата Нью-Йорк, США.

Elliot B. Weininger — Professor of Sociology, State University of New York-Brockport, USA.

Эрик Олин Райт (1947–2019) — заслуженный профессор (до 2019) Висконсинского университета в Медисоне, США.

Erik Olin Wright — Vilas Distinguished Professor, University of Wisconsin-Madison, USA.

Англо-русский словарь терминов

Составитель — Елена Симончук

actor — *актор/деятель*

collective actor — коллективный *актор/деятель*

social actor — социальный *актор/деятель*

advantages and disadvantages — преимущества и ограничения

advantaged and disadvantaged classes — обладающие
преимуществами и лишенные преимуществ классы

asset — актив

asset-specificity — специфичность активов

distribution of assets — распределение активов

economically valuable assets — экономически ценные активы

income- and rent-generating assets — доходо- и ренто-генерирующие
активы

market-relevant assets — рыночные активы

organizational assets — организационные активы

productive assets — производственные активы

relationship to economic assets — отношения по поводу
экономических активов

association — ассоциация, объединение

employers associations — ассоциации работодателей

occupational associations — занятийные ассоциации

professional associations — профессиональные ассоциации

authority — власть, авторитет, полномочия; властный, руководящий

authority and autonomy — власть/полномочия и автономия

authority positions — властные/руководящие позиции

authority relations — властные отношения

party-authority hierarchies — партийно-властные иерархии

sacred authority — сакральная/священная власть

bourgeoisie — буржуазия

petty bourgeoisie — мелкая буржуазия

haute bourgeoisie — крупная буржуазия

industrial bourgeoisie — промышленная буржуазия

capital — капитал

capital, habitus, and field (in Bourdieu) — капитал, габитус и поле
(у Бурдьё)

capital/labor relation — отношения между трудом и капиталом

capitalist class relations — капиталистические классовые отношения

capitalist oppression — капиталистическое угнетение

social and cultural capital — социальный и культурный капитал

class — класс; классовый

big classes and small classes — большие и малые классы

boundaries of classes — границы классов

class agency — классовая агентность

class analysis — классовый анализ

class and status — класс и статус

class behavior — классовое поведение

class cleavages — классовые расколы

class closure — классовое закрытие

class collectivities — классовые коллективности, общности

class conditions — классовые условия

class conflict — классовый конфликт

class consciousness — классовое сознание

class division — классовое разделение

class effects — классовые эффекты, следствия

class formation — классовая формация

class habitus — классовый габитус

class interests — классовые интересы

class location — классовое положение/локализация

class mappings — картографирование/отображение классов

class of employers/proprietors — класс работодателей/владельцев

class outcomes — классовые эффекты, следствия, проявления

class positions — классовые позиции

class practices — классовые практики

class relations — классовые отношения

class scheme — классовая схема

class situation — классовая ситуация

class structure — классовая структура

class struggle — классовая борьба

classless inequality — бесклассовое неравенство

classlessness — бесклассовость

employee and employer classes — классы наемных работников и работодателей

intermediate class — промежуточный класс

service class — служебный класс

upper and lower class — высший и низший класс

classification — классификация

class classification — классовая классификация / классификация классов

nominal (nominalist) and real (realist) classifications — номинальные (номиналистские) и реальные (реалистские) классификации

occupational classification — занятыйная классификация

popular classifications — обыденные классификации

social classification — социальная классификация

subjective classification — субъективная классификация

symbolic classification — символическая классификация

closure — закрытие

class closure — классовое закрытие

closure-generating mechanisms — механизмы закрытия

professional/occupational closure — профессиональное/занятийное закрытие

processes of closure and usurpation (in Parkin) — процессы закрытия и узурпации (у Паркина)

social closure — социальное закрытие

relationships of closure — отношения закрытия

collective — коллектив; коллективный

collective action — коллективное действие

collective actor — коллективный *а*ктор

collective agency — коллективная агентность

collective conscience — коллективное сознание

collective identity — коллективная идентичность

collective mobilization — коллективная мобилизация

collective rationality — коллективная рациональность

collective solidarity — коллективная солидарность

mode of existence of collectives — способ существования коллективов

collectivity — коллективность, общность

antagonistic collectivities — антагонистические коллективности

forms of collectivity — формы коллективности

hierarchical collectivities — иерархические коллективности

social collectivity — социальная коллективность

communal — общностный, общинный

communal relations — общностные отношения

communal norms — общностные нормы

communal power — общностная власть

community — общность, сообщество, община

moral communities — моральные общности

occupational communities — занятийные общности

sociopolitical communities — социально-политические общности

status communities — статусные общности

subjectively real communities — субъективно реальные общности

conflict — конфликт

antagonistic conflicts — антагонистические конфликты

class conflict — классовый конфликт

classificatory conflict — классификационный конфликт

industrial conflict — индустриальный, производственный конфликт

institutionalization of class conflict — институционализация

классового конфликта

inter-class conflict and intra-class conflict — меж- и внутриклассовый конфликт

social conflict — социальный конфликт

credentials — аттестаты/дипломы/сертификаты

credentialism — кренденциализм

domination — доминирование, господство

domination and exploitation — доминирование и эксплуатация

forms of social domination — формы социального доминирования

gender domination — гендерное доминирование

masculine domination — маскулинное/мужское доминирование

effect — эффект

class effects — классовые эффекты

macro-level and micro-level effects — макро- и микроуровневые эффекты

social effects — социальные эффекты

emancipation — эмансипация/освобождение

social emancipation — социальная эмансипация/освобождение

emancipatory — эмансипационный/освободительный

emancipatory social change — эмансипационные социальные изменения

emancipatory theory of alternatives — эмансипационная теория альтернатив

emancipatory transformations of capitalism — эмансипационные трансформации капитализма

employees — наемные работники

autonomous and semi-autonomous employees — автономные и полуавтономные работники

employee classes — классы наемных работников

manual and nonmanual employees — работники физического и нефизического труда

routine nonmanual employees, higher and lower grade — работники рутинного нефизического труда более высокого и более низкого уровня

skilled employees — квалифицированные работники

employers — работодатели

agricultural and non-agricultural employers — работодатели сельскохозяйственного и не-сельскохозяйственного секторов

class of large employers/proprietors — класс крупных работодателей/собственников

employers associations — ассоциации работодателей

large and small employers/proprietors — крупные и мелкие работодатели/собственники

employment — занятость

employment contracts — контракты/договора занятости

employment relations — отношения занятости

employment rents — ренты на основании занятости

inequality — неравенство

class inequality — классовое неравенство

classless inequality — бесклассовое неравенство

complex (classless) inequality (in Pakulski) — комплексное/сложное (бесклассовое) неравенство

dimensions of inequality — измерения неравенства

distributions of material inequality — распределение материального неравенства

dominant inequality — доминирующее неравенство

earnings/wage inequality — неравенство в доходах / заработной плате

inequality in productive assets — неравенство производственных активов

inequality of (educational) opportunities — неравенство (образовательных) возможностей

modern and postmodern inequality — модерное и постмодерное неравенство

social/political inequality — социальное/политическое неравенство
 status inequality — статусное неравенство
 structural inequality — структурное неравенство
 structure of inequality — структура неравенства
 systems of inequality — системы неравенства

exclusion — исключение, эксклюзия

exclusion and discrimination — исключение и дискриминация
 exclusion and usurpation — исключение и узурпация
 exclusion principle — принцип исключения
 social exclusion — социальное исключение
 symbolic exclusion — символическое исключение

exploitation — эксплуатация

exploitation and domination — эксплуатация и доминирование
 exploitation and exclusion — эксплуатация и исключение
 exploitation and oppression — эксплуатация и угнетение
 exploitation classes — основанные на эксплуатации классы, или
 эксплуатационные классы
 exploitation-centered concept of class — центрированный на
 эксплуатации концепт класса
 exploitative relations — отношения эксплуатации
 exploitative and nonexploitative (economic) oppression —
 эксплуататорское и неэксплуататорское (экономическое)
 угнетение
 means of exploitation — средства эксплуатации
 rent-based theory of exploitation — основанная на ренте теория
 эксплуатации
 skill-based exploitation — эксплуатация на основе квалификации

field — поле

capital, habitus, and field (in Bourdieu) — капитал, габитус и поле
 (у Бурдьё)
 field and social structure — поле и социальная структура
 social field — социальное поле

formation — формация; формирование

class formation — классовая формация; формирование классов
 group formation — групповая формация; формирование групп
 identity formation — формирование идентичности
 political formation — политическая формация; политическое
 формообразование
 social formation — социальная формация; социальное
 формообразование

strong and weak formations — сильная и слабая формации

gemeinschaftlich and gesellschaftlich — общностный и общественный

gemeinschaftlich “micro-classes” — gemeinschaftlich (общностные)

«микроклассы»

gesellschaftlich relations — gesellschaftlich (общественные)

отношения

habitus — габитус

capital, habitus, and field (in Bourdieu) — капитал, габитус и поле
(у Бурдьё)

class habitus — классовый габитус

formation of the habitus — формирование габитуса

sociocultural habitus — социокультурный габитус

identity — идентичность

class identity — классовая идентичность

collective identity — коллективная идентичность

discursive identity — дискурсивная идентичность

social identity — социальная идентичность

subjective identity — субъективная идентичность

passive identity — пассивная идентичность

incentive wage systems — системы стимулирующей заработной платы

intergenerational and intragenerational mobility — межпоколенческая

и внутрипоколенческая мобильность

labor — труд; трудовой

capital/labor relations — отношения между трудом и капиталом

extraction of labor effort — изъятие трудовых усилий

labor contract — трудовой контракт/договор

labor market — рынок труда

(technical) division of labor — (техническое, специализированное)

разделения труда

life chances — жизненные шансы

common life chances — общие жизненные шансы

differences/variations in life chances — различия в жизненных шансах

distribution of life chances — распределение жизненных шансов

inequality in life chances — неравенство жизненных шансов

location — положение, локализация

class location — классовое положение

contradictory class locations — противоречивые классовые

положения

distributional location — положение/место в системе распределения
location-within-class-relations — положение-внутри-классовых-отношений

mediated locations within class relations — опосредованные
положения внутри классовых отношений

social location — социальное положение

market — рынок; рыночный

market relations — рыночные отношения

market and work situations — рыночная и трудовая ситуации

market capacities — рыночные возможности

material interests — материальные интересы

mode of production, or the economic base — способ производства, или
экономический базис

monitoring difficulty — сложность мониторинга

moral density — моральная сплоченность, консолидация

nominalism and realism — номинализм и реализм

nominal (nominalist) and real (realist) classifications — номинальные
(номиналистские) и реальные (реалистские) классификации

nominal and real categories (concepts) — номинальные и реальные
категории (концепты)

nominal unity — номинальная единица

nominalist and realist approaches — номиналистские и реалистские
подходы

occupation — занятие

detailed occupations — детализированные, конкретные занятия

disaggregate occupations — дезагрегированные занятия

occupational — занятийный

occupational associations — занятийные ассоциации/объединения

occupational classifications — классификации занятий

occupationalization — занятиализация / дифференциация по роду
занятий

occupationalization of the labor market — занятиализация рынка труда

unit occupation — единичное занятие

oppression — угнетение

capitalist oppressions — капиталистическое угнетение

exploitation and oppression — эксплуатация и угнетение

nonexploitative (economic) oppression — неэксплуататорское
(экономическое) угнетение

outcomes — эффекты, следствия, результаты, проявления
class outcomes — классовые эффекты, следствия
individual(-level) outcomes — индивидуальные эффекты, проявления
на индивидуальном уровне

point of production — точка/место производства

popular — общепризнанный, обыденный
popular classification — обыденная классификация
popular discourse — обыденный дискурс
popular usage — обыденное употребление, массовое сознание

profession — профессия

professional — профессиональный
professional groups — профессиональные группы
professional and craft associations — профессиональные и цеховые/
ремесленные ассоциации/объединения
professional and vocational schools — профессиональные и
профессионально-технические школы/заведения
professional associations — профессиональные ассоциации/
объединения
professional closure — профессиональное закрытие
professional-managerial class — класс профессионалов и менеджеров
professional training and socialization — профессиональная
подготовка и социализация
professional sector — профессиональный сектор
quasi-professional occupations — квазипрофессиональные занятия

professionals and managers — профессионалы и менеджеры
high-grade and lower-grade professionals and managers —
профессионалы и менеджеры высокого и низкого уровня/класса

property owners and non-owners — владельцы и не-владельцы соб-
ственности / собственники и не-собственники

relational and gradational conceptions of class — градационная и реля-
ционная концепции класса

relations — отношения
class relations — классовые отношения
relational conception of class — реляционная концепция класса
service relations/relationship — служебные отношения
social relations of production — общественные производственные
отношения
statist class relations — этатистские классовые отношения

rent — рента

composite rents — композитные/составные ренты

employment rents — ренты на основании занятости

rent-based theory of exploitation — основанная на ренте теория эксплуатации

rent-capturing systems — ренто-поглощающие системы

rent-generating assets — ренто-генерирующие активы

rent-producing assets — ренто-производящие активы

rights and powers — права и полномочия

salient — значимый

subjectively salient groups — субъективно значимые группы

salient experiences — значимый опыт

salariat — салиариат

white-collar salariat — беловоротничковый салиариат

site of production — место производства

skill — квалификация, навык

deskilling — деквалификация

general, nonspecific skills — общие, неспецифические навыки

job-specific skills — связанные со спецификой работы навыки

marketable skills — рыночные навыки

skill-based exploitation — эксплуатация на основе квалификации

skill-based rent — основанная на навыках рента

skilled and unskilled workers — квалифицированные и неквалифицированные рабочие

(un)skilled labor — (не)квалифицированный труд

social — социальный, общественный

social and cultural capital — социальный и культурный капитал

social collectives — социальные коллективы

social collectivities — социальные коллективности, общности

social distances and proximities — социальные дистанции и близости

social emancipation — социальная эмансипация/освобождение

social identity — социальная идентичность

social justice — социальная справедливость

social location — социальное положение

social order — социальный порядок, строй

social relations — социальные/общественные отношения

social relations of production — общественные производственные отношения

social/welfare rights — социальные права / право на благосостояние

solidarity — солидарность

- class solidarity — классовая солидарность
- collective solidarity — коллективная солидарность
- group solidarity — групповая солидарность
- interests and solidarities — интересы и солидарности
- intra-occupational solidarity — внутризанятийная солидарность
- mechanical and organic solidarity — механическая и органическая солидарность
- social distances and solidarities — социальные дистанции и солидарности

standards of living — уровень жизни, жизненные стандарты

status groups and parties — статусные группы и партии

strata — страты

symbolic — символическое; символический

- symbolic barriers — символические барьеры
- symbolic boundaries — символические границы
- symbolic capital — символический капитал
- symbolic classification — символическая классификация
- symbolic cleavages — символические расколы
- symbolic exclusion — символическое исключение
- symbolic power — символическая власть
- symbolic structure — символическая структура
- symbolic struggle — символическая борьба
- symbolic system — символическая система
- symbolic violence — символическое насилие

wealth — богатство, состояние

workers — рабочие, работники

- industrial and farm workers — промышленные и сельскохозяйственные рабочие
- manual and nonmanual workers — работники физического и нефизического труда
- skilled, semi- and unskilled workers — квалифицированные, полу- и неквалифицированные рабочие/работники
- white-collar and blue-collar workers — беловоротничковые и синеворотничковые работники

working class — рабочий класс

- working-class communities — общности рабочего класса, рабочеклассовые общности

working-class consciousness — сознание рабочего класса,
рабочеклассовое сознание

working-class movement — движение рабочего класса,
рабочеклассовое движение

manual working class — класс работников физического труда

Наукове видання

ПІДХОДИ ДО КЛАСОВОГО АНАЛІЗУ
за редакцією Ерика Оліна Райта
(російською мовою)

Переклад з англійської *Олени Симончук*

Наукове редагування — *Світлана Іващенко*
Коректура — *Любов Тютюнник, Наталія Мельник*
Дизайн обкладинки — *Закентій Горобйов*
Макетування — *Денис Піорко*

Підписано до друку 20.05.2019. Формат 70×100¹/₁₆
Ум. друк. арк. 25,25. Гарнітура Times New Roman